

**ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК
КУБАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА №3 2018 г.**

Учредитель:

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Главный редактор:

Потапенко С.В., доктор юридических наук, профессор, КубГУ

Заместитель главного редактора:

Лунарев Е.Б., доктор юридических наук, профессор, академик ЕААН, КубГУ.

Ответственный секретарь:

Латынцева В.А. КубГУ

Члены редакционного совета:

Авакьян С.А., доктор юридических наук, профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Адыгезалова Г.Э., доктор юридических наук, доцент, КубГУ

Боннер И.Т., доктор юридических наук, профессор МГЮА (У) им. О.Е. Кутафина

Гладышева О.В., доктор юридических наук, профессор, КубГУ

Горазд М., доктор права, профессор, Мариборский университет (Республика Словения)

Гусев А.В. доктор юридических наук, доцент, КрУ МВД России

Дзидзов Р.М., доктор юридических наук, профессор, КубГУ

Жеребцов А.Н., доктор юридических наук, доцент, КрУ МВД России

Жинкин С.А., доктор юридических наук, доцент, КубГУ

Камышанский В.П. доктор юридических наук, профессор, КубГАУ им. И.Т. Трубилина

Киреева Е.Ю., доктор права, профессор, РАНХиГС при Президенте РФ

Коняхин В.П., доктор юридических наук, профессор, КубГУ

Костенко Р.В., доктор юридических наук, профессор, КубГУ

Лозовский Д. Н. доктор юридических наук, доцент, КубГУ

Нгуэн К.Х., доктор права, доцент, Юридический университет г. Хо Ши Мин (Социалистическая Республика Вьетнам)

Нудненко Л.А., доктор юридических наук, профессор РАНХиГС при Президенте РФ

Прапиестис И. доктор права, профессор, Вильнюсский университет (Литовская Республика)

Прохоров Л.А., доктор юридических наук, профессор, КубГУ

Прохорова М.Л., доктор юридических наук, профессор, КубГУ

Пизикс А., доктор права, профессор, Белостокский университет (Республика Польша)

Попова Ю.А. доктор юридических наук, профессор, РГУП

Руденко А.В., доктор юридических наук, доцент, КубГУ

Семенцов В.А. доктор юридических наук, профессор, КубГУ

Слесарев В.Л., доктор юридических наук, профессор, МГЮА (У) им. О.Е. Кутафина

Срето Н., доктор права, профессор (Республика Сербия)

Стариков Ю.Н., доктор юридических наук, профессор, Воронежский государственный университет

Щенникова Л.В. доктор юридических наук, профессор, КубГУ

Шмейкал В., доктор права, профессор, Университет «Шкода авто» (Чешская Республика)

Издатель:

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Редакция не несет ответственности за информацию, опубликованную в рекламных объявлениях

Редакция не всегда разделяет точку зрения авторов публикуемых материалов.

При использовании материалов ссылки на журнал «Юридический вестник Кубанского государственного университета» обязательны.

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 20.04.2012 г.

Свидетельство о регистрации: ПИ №ФС 77-49493

ISSN: 2078-5836

Журнал публикует основные результаты научно-исследовательской и научно-практической деятельности по отрасли науки – Юридические науки (группа специальностей – 12.00.00 Юридические науки; научные специальности: 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве; 12.00.02 – Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право; 12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право; 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право; 12.00.09 – Уголовный процесс; 12.00.12 – Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность; 12.00.14 – Административное право; административный процесс; 12.00.15 – Гражданский процесс; арбитражный процесс

Адрес редакции:

350000 г. Краснодар, ул. Раппопортская, 43, Тел.: 262-35-09, E-mail: fin@law.kubsu.ru

Отпечатано в издательско-полиграфическом центре КубГУ

350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149

Подписано в печать 20.11.2018

Усл.печ.л. 4,7

Тираж 100 экз. Заказ № 3479

Входит в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Возрастное ограничение: для лиц, старше 16 лет

На обложке журнала использовано изображение с ресурса <https://crello.com>

© «Юридический вестник Кубанского государственного университета», 2018

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

ОБ ОНТОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДПОСЫЛКАХ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРАВА КАК СОЦИАЛЬНО-ДУХОВНОГО РЕГУЛЯТОРА

Жинкин С.А., заведующий кафедрой
теории и истории государства и права юридического факультета им. А.А. Хмырова
Кубанского государственного университета
доктор юридических наук

Ключевые слова: право, регулятор, предпосылки.

Аннотация: В статье рассматривается проблема онтологических предпосылок эффективности права. Предпосылки права в целом как регулятора следует отличать от факторов, определяющих эффективность конкретных норм действующего законодательства. Онтологические предпосылки эффективности права заложены в самих его характеристиках, в закономерностях общественной жизни.

Keywords: law, regulator, prerequisites.

The summary: The article deals with the problem of ontological prerequisites for the effectiveness of law. The prerequisites of law as a whole as a regulator should be distinguished from the factors that determine the effectiveness of specific norms of the current legislation. Ontological assumptions of the effectiveness of rights inherent in themselves the characteristics, regularities of social life.

Новые методологические подходы в исследовании эффективности права предполагают необходимость переосмысления проблем факторов, влияющих на эту эффективность, их соотношения. При этом представляется крайне важным разграничение общих предпосылок эффективности социальных регуляторов, в том числе права, и факторов, влияющих на действенность конкретных норм действующего законодательства.

В отечественной науке достаточно обстоятельному исследованию подверглись проблемы факторов эффективности правовых норм. При этом, исходя из понимания права как системы общеобязательных, формально определенных норм, установленных государством и обеспеченных возможностью применения государственного принуждения, существенных различий между факторами эффективности права и факторами эффективности норм права (законодательства) фактически не проводилось, а проблема эффективности права в целом как регулятора фактически не затрагивалась.

В этой связи необходимо отметить, что проблема факторов эффективности права и конкретных норм действующего законодательства нуждается в изучении не только с со-

циологических и специально-юридических, но и с философских позиций, с точки зрения выполнения правом своего социального назначения. При этом, разумеется, нельзя игнорировать значение комплекса психологических и антропологических факторов и условий, закономерностей общественной организации.

С каких бы позиций не рассматривалось право, в качестве аксиомы мы должны исходить из того, что нормативное регулирование социальной жизни онтологически предопределено. Д.Ллойд отмечает, что право является одним из основных институтов социальной природы человека, без которого он был бы совершенно другим существом. ...Опыт показал, что право – это одна из самых мощных движущих сил цивилизации в человеческом обществе. В свою очередь развитие цивилизации повсеместно сопровождалось постепенным развитием системы правовых норм и одновременным созданием механизма для их регулярного и эффективного применения¹. В.А. Мальцев пишет об онтологической обусловленности нормативной предметности. Он отмечает: «Фиксируя нормативно-предметные контуры общественных отношений, право как социокультурная деятельность в единстве функционирования и развития его сущностных сил и

их конкретно-исторических проявлений задает для общества правовую картину социальной действительности, нормативной реальности человеческого бытия, межчеловеческих отношений»². Хотелось бы добавить, что такая предопределенность связана с самим существованием человека как духовного и биологического существа, с самим устройством человеческого общежития в рамках общества и его институтов.

Факторы, влияющие на эффективность права в целом как социально-духовного регулятора, представляется более корректным именовать предпосылками эффективности права. Эти предпосылки, в отличие от факторов эффективности конкретных норм действующего законодательства, в гораздо меньшей степени зависят от государства и деятельности его органов, должностных лиц, поскольку заложены в качестве одной из основ существования человеческой цивилизации, в том числе основ психологических.

Известный проблемный момент заключается в том, что некоторые авторы фактически отождествляют факторы эффективности права, его норм, с ее предпосылками. Так, В.В. Лазарев, рассматривая проблемы эффективности правоприменения, указывал, что предпосылками эффективности правоприменения можно именовать существующие на сегодняшний день объективно обоснованные экономические, политические, идеологические и правовые факторы, которые в той или иной степени самим фактом существования влияют на правоприменительную деятельность в направлении упрочения ее результативности³.

Полагаю, что предпосылки эффективности права как социально-духовного регулятора, формы духовного существования человечества и конкретных народов следует отличать от факторов эффективности его конкретных норм. Предпосылки эффективности права, по моему мнению, вытекают из закономерностей самого существования человека и человечества, из онтологической природы самого права, его качеств, характера, функций и назначения. Думается, что такие факторы эффективности, которые «заложены» в самом праве (закономерности функционирования права и общества, психической деятельности человека), и следует именовать онтологическими предпосылками эффективности права.

Как известно, существование права как регулятора онтологически предопределено как в объективном, так и в субъективном смысле. Возникновение и развитие представлений о правилах поведения, о дозволенном и запре-

щенном – важная составная часть всего процесса формирования человека как существа разумного и социального. Существование и эффективность права в разрешении социальных ситуаций – одна из закономерностей существования человеческой цивилизации.

В этом плане вполне очевидно, что главной предпосылкой эффективности права является соответствие его как феномена в целом и отдельных его предписаний общим закономерностям устройства общественной жизни. В этом плане известный религиозный философ С.Л. Франк писал, что необходимо исходить из религиозного убеждения, подтверждаемого историческим опытом и углубленным рассмотрением общественной жизни, что есть вечные, вытекающие из существа человека и общества закономерности, которые человек хотя и может нарушить, но которые он не может нарушать безнаказанно и которые поэтому определяют истинную цель его стремлений. Он выделял следующие закономерности: общество есть объединение многих людей для совместной жизни, во всяком обществе должна существовать какая-то вообще организация, какой-то порядок, во всяком обществе есть какая-то власть или какой-то авторитет, т.е. какая-то инстанция, которой подчиняются все или, по крайней мере, преобладающее большинство и которая обеспечивает единство общей жизни, в обществе действуют некие общие правила, налагающие на его участников обязанности и т.п.⁴ Как известно, такие закономерности нередко называли естественными законами, естественным правом и т.п.

Итак, предпосылками эффективности права как социально-духовного регулятора являются закономерности социального и духовного бытия, общественной и психической жизни.

Итак, рассмотрим более подробно некоторые онтологические предпосылки эффективности права.

1. Общей онтологической предпосылкой права и его эффективности является то, что право является формой духовного существования человечества, отражая такие необходимые условия существования человеческой личности, как представления о должном и о границах собственного и чужого поведения. Право, его нормы, являются отражением законов социального бытия, и в этом плане они «обречены» на существование и действие в обществе.

Социальные, в том числе правовые, нормы как установления, модели, эталоны должного с точки зрения общества в целом и соци-

альных групп и их участников поведения являются распространенными и эффективными средствами социальной регуляции и социального контроля. П.А. Сорокин указывал, что какую бы социальную группу мы не взяли – «будет ли то клан, или тотем, или фратрия, или род, или семья, или государство, или церковь, – все эти группы как надындивидуальные единства, представляют «замиренную среду», с определенной организацией, с определенным фиксированным шаблоном поведения, с определенным уставом должностного, запрещенного и рекомендованного взаимодействия ее членов»⁵. Другими словами, аксиоматичными для любого общества является само представление о необходимости эффективного социального регулирования, сама идея о необходимости ограничения человеческого поведения в общих интересах.

2. Одной из предпосылок эффективности права, в том числе в сравнении с другими социальными регуляторами, может считаться формальная определенность его предписаний, их обремененность в четкие, всем известные формы, в источники (позитивное право), документальная форма выражения.

Письменная форма выражения не только восполняет ограниченные возможности устной традиции в учредительном процессе законосообразности в поведении людей и воссоздании правового и нравственного качества отношений между ними, она выполняет функцию хранилища нормы в ее неизменности, устойчивости и документальности. Письмо обеспечивает нерушимость Закона и создает условия для возникновения особой сферы юридической профессиональной деятельности как области его толкования и применения. Именно писаное законодательство в своей документальной форме устанавливает механизм эффективной социальной ответственности с участием государства.

В.А. Мальцев справедливо отмечает, что «обладая свойствами нормативности, формальной определенности и императивности, правовая система в их организующей общности приобретает новое качество – формально-нормативную системность, единый юридический строй, целостный императивно-регулятивный характер. Именно формально-нормативная системность с ее обобщающими принципами и постулатами, единым набором императивных юридических средств может всецело проявить богатый потенциал правовой системы в ее активной деятельности по нормативному опредмечиванию и распределению социального бытия, четко отразить в ка-

тегориях и схемах формальной определенности онтологию права, привести в упорядоченное движение иерархический ряд правовых ценностей»⁶.

3. Важной онтологической предпосылкой эффективности права является то, что оно закрепляет определенные социальные стандарты, как правило, уже широко распространенные в общественной практике. Норма права «создает мимезис, т.е. методику и технику уподобления, следования этому стандарту как оптимально приемлемому действию, обеспечивающему прочность общественных отношений и социальную консолидацию. Внутренне воспроизводимая динамика следования такому приему овладения окружающими обстоятельствами в отношениях между людьми и означает не что иное, как реально осуществляемый процесс должного как надлежащего и правильного. Юридическое качество социальной нормативности состоит как раз в том, что при анализе конкретной конфликтной ситуации происходит апелляция к стандарту должного, которое с той или иной стороны оказалось нереализованным»⁷.

На социальную распространенность и широкую исполняемость предписываемых нормами права вариантов поведения указывалось в литературе не раз. Так, Б.А. Кистяковский писал, что сущность правовых норм не в их внутренней ценности, что по преимуществу можно утверждать о нормах этических и эстетических. Право состоит из норм, постоянно и регулярно осуществляющихся в жизни, и потому осуществление есть основной признак права»⁸.

4. Общей предпосылкой эффективности как права, так и других социальных регуляторов, является то, что они выполняют адаптивную функцию, связаны с идеей адаптации личности к социальной среде. Система предписаний является нормативной системой, а потому обладает качествами самообоснования, адаптивности.

Как отмечается в литературе, основными целями, которые преследует общество, принимая правила, являются: стремление подчинить общественные отношения определенному «жизненному ритму», обеспечить стабильность и защищенность социальной системы, определить порядок разрешения спорных ситуаций, установить механизмы реализации ответственности за возможные нарушения общественного порядка»⁹.

В качестве предпосылок эффективности права следует рассматривать и выполнение

правом ряда функций – регулирования общественных отношений, их охраны, воспитания членов общества и т.д. Социальные ожидания по отношению к праву заключаются в первую очередь в том, что оно упорядочит наиболее важные общественные отношения, поставит их под охрану государства, которая будет со временем совершенствоваться. Поэтому в обществе изначально признается необходимость подчинения правовым принципам и нормам как важнейшему регулятору общественной жизни, что само по себе является предпосылкой социального эффекта от правовых норм, закрепленных в законодательстве.

Таким образом, главной предпосылкой эффективности права как формы духовного существования человечества является соответствие предписаний права человеческой духовной природе, принципам организации человеческого общежития. Сам же вопрос о предпосылках эффективности права и других социальных регуляторов нуждается в дальнейшем научном исследовании и выработке соответствующих рекомендаций для социальной практики.

¹ Ллойд Д. Идея права. / Пер. с англ. М.А. Юмашева, Ю.М. Юмашев. М., 2004. С.7.

² Мальцев В.А. Право как нормативно-деятельностная система. // Правоведение. 2003. №2. С.16-17.

³ Лазарев В.В. Эффективность правоприменительных актов. (Вопросы теории). Казань, 1975. С.100.

⁴ Франк С.Л. Духовные основы общества: Введение в социальную философию. В кн: Русское зарубежье: Из истории социальной и правовой мысли. Л., 1991. С.274, 269.

⁵ Сорокин П.А. Человек, цивилизация, общество. В кн: Социальная философия: Хрестоматия. Ч.2. / Сост. Г.С. Арефьева, М.И. Ананьева, А.С. Гарбузов. М., 1994. С.63.

⁶ Мальцев В.А. Право как нормативно-деятельностная система. // Правоведение. 2003. №2. С.22-23.

⁷ Закомлистов А.Ф. Юридическая философия. СПб., 2003. С.239-240.

⁸ Кистяковский Б.А. Философия и социология права. СПб., 1998. С.205.

⁹ Ромашов Р.А. Закон, правило, норма, должностное. // Правоведение. 2001. №6. С.14.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ
ПРАВО СЕМЕЙНОЕ ПРАВО;
МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

**ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ВЕДЕНИЯ ПРИРОДНЫХ КАДАСТРОВ
В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН**

Ильясова М.Т.,

*доцент кафедры гражданского и трудового права
Карагандинский государственный университет им. академика Е.А.Букетова*

Жагалов Р.Б.,

*магистр юридических наук,
преподаватель кафедры гражданского и трудового права
Карагандинский государственный университет им. академика Е.А.Букетова*

Ключевые слова: кадастр природных ресурсов, земельный кадастр, водный кадастр, лесной кадастр, элементы системы экологического права.

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы роли правовых норм о кадастрах в системе экологического права Республики Казахстан. В результате проведенного теоретического и практического анализа экологического права, различных эколого-правовых институтов в сфере государственного управления в области охраны окружающей среды и природопользования, общей теории права следует, что нормы о природоресурсовых кадастрах являются отдельным самостоятельным правовым институтом, обеспеченным своей нормативной базой в составе комплексного интегрированного правового института – государственного регулирования в области охраны окружающей среды и природопользования, которые входят в систему отрасли экологического права.

Keywords: inventory of natural resources, land inventory, water inventory, forest inventory, elements of the system of ecological law.

The summary: The questions of a role of legal norms about inventories in the system of ecological law of the Republic of Kazakhstan are considered in article. As a result of the carried-out theoretical and practical analysis of ecological law, various ecological legal institutions in the sphere of public administration in the sphere of environmental protection and environmental management, the general theory of law follows that regulations about the natural resource inventories are the separate independent legal institution provided with the regulatory base as a part of the complex integrated legal institution – State regulation in the sphere of environmental protection and environmental management which is a part of the system industries of the modern law.

Провозглашение Казахстаном независимости в 1991 году и распад СССР повлекли неизбежные изменения не только в политической жизни России и Казахстана, но и поставили новые задачи перед правовой наукой: в каком направлении дальше развивать действующее экологическое законодательство, какие его направления определить как приоритетные, чему отдать предпочтение - экономическим интересам или защите окружающей среды. Длительная ориентация экономической

политики в обеих странах на усиление эксплуатации природных ресурсов не могли не привести к негативным последствиям и изменениям в состоянии окружающей среды, в связи с чем, на сегодняшний день возникла объективная необходимость уточнения приоритетов развития законодательства и повышения роли законодательства экологического, его гармонизации на евразийском пространстве. Россия и Казахстан, долгое время существовавшие в рамках единого, союзного законодательства,

во многом сохранили общий взгляд на правоотношения, требующие законодательного регулирования, в том числе экологические.¹

Казахстан богат природными ресурсами, однако «несмотря на это, мы не можем обеспечить наши внутренние потребности на протяжении уже ряда лет. Это следствие системы распределения, которая была создана в советский период, а также отсутствия у нас необходимой инфраструктуры».² С учетом этого наследия, а также происходящих изменений, задачей первостепенной важности является укрепление государственно-правового механизма регулирования в области охраны окружающей среды, в функционировании, которого особое место занимает кадастровая деятельность. Ведение кадастров природных ресурсов приобретает особую актуальность в связи с законодательным закреплением рыночных преобразований, введением права частной собственности на землю, платности использования природных ресурсов. Одним из важнейших условий успешного функционирования прав на землю и другие природные ресурсы в гражданском обороте является возможность получения субъектами данных правоотношений соответствующей информации о природном, хозяйственном и правовом положении этих ресурсов в Республике Казахстан. Особую актуальность кадастрам природных ресурсов, правовому регулированию отношений по их ведению придает использование экономических нормативов длительного действия в интересах установления платы за природные ресурсы. В современных условиях процесс формирования отвечающей современным требованиям кадастровой системы, включая и само законодательство в данной сфере, находится в стадии становления. Правовое регулирование ведения кадастров природных ресурсов зачастую носит фрагментарный характер, и больше осуществляется на ведомственном уровне, что на практике порождает остаточный принцип в реализации правовых предписаний в области ведения кадастров природных ресурсов.

Целью исследования является анализ теоретических вопросов осуществления кадастровой деятельности, изучение действующего законодательства в области ведения кадастров природных ресурсов, выявление его пробелов и недостатков, разработка рекомендаций и предложений, направленных на совершенствование кадастровой деятельности в области охраны окружающей среды и использования природных ресурсов.

Определение места норм о государственных кадастрах в системе современного права имеет важное значение, так как это необходимо для выяснения их роли в регулировании кадастровых отношений, в организации и ведении хозяйства, в осуществлении использования и охраны природных ресурсов. Но, прежде чем мы определим это место, необходимо выяснить, что же следует понимать под системой права.

Система - это целостное множество взаимосвязанных элементов, объединенных по содержательным признакам, что позволяет ей выступать по отношению к другим системам как единое целое. Иногда под системой понимают совокупность элементов (любой природы), имеющую тот или иной вид упорядоченности по определенным свойствам и связям и обладающую относительно устойчивым единством, которое характеризуется внутренней целостностью, выражающейся в относительной автономности поведения и (или) существования этой совокупности в окружающей среде³. Для системы характерно наличие нескольких (или множества) элементов. Там, где нет хотя бы двух частей, нет и системы. Элементы ее не случайное скопление, лишенное каких-либо черт внутренней организации. Они определенным образом взаимодействуют. Однако не всякое их взаимодействие ведет к возникновению системы. Для ее организации необходимо наличие двух видов совместимости: совместимость однопорядковых элементов как обязательное условие взаимодействия; совместимость отдельно взятого элемента со всеми другими. Самое главное в характеристике системы — это не количество содержащихся в ней элементов, а установление степени организованности системы. Один объект, включив в себя множество элементов, может не быть системой, в то время как другой, состоя из двух-трех элементов, может выступать как система, обладающая качественной определенностью. Это зависит от характера связи между элементами, которая в возникшей системе является настолько тесной, что нередко изменение одного из элементов сопровождается изменением другого. Именно в силу такого тесного взаимодействия различных частей система выступает по отношению к внешней среде как нечто единое. Отсюда основное для системы — это упорядоченность ее, то есть качественная сторона⁴. Применительно к нашему исследованию, чтобы познать систему права, нам необходимо определить ее структуру - подразделение ее на отрасли, а отраслей

на институты. Правильное применение понятия системы, системный подход к познанию правовых явлений исключительно важны, поскольку позволяют вскрыть внутреннее единство права, органическую взаимосвязь и гармоничное взаимодействие составляющих его частей.

Итак, система современного экологического права - это объективно существующая целостность внутренне взаимосвязанных элементов: общепризнанных принципов, норм экологического права, решений экологических организаций, решений органов управления в сфере экологии, и правовых институтов.

Рассмотрим систему экологического права как отрасли права, ее первооснову составляет правовая норма - общее правило, установленное для неопределенного круга лиц и рассчитанное на неоднократное применение.⁵ По мнению Казьминского И.Ф. и Сырых В.М институт права - это система взаимосвязанных норм, регулирующих относительно самостоятельную совокупность общественных отношений или какие-либо их компоненты, свойства.⁶

Природа и особенности правового института могут быть правильно поняты если исходить из того, что это - такая общность норм - предписаний, которая в свою очередь является элементом следующего главного подразделения - отрасли права. С рассматриваемой точки зрения правовой институт есть основа отрасли права, «первичное, самостоятельное структурное подразделение отрасли, первая и наиболее важная ступень в формировании отрасли, где правовые нормы группируются ... по их юридическому содержанию». Юридические нормы образуют отрасль права не непосредственно, а через институты.⁷

Правовой институт - это система взаимосвязанных правовых норм, регулирующих относительно обособленную группу однородных общественных отношений. Каждый правовой институт имеет свои особенности, характерные черты, определяемые своеобразием регулируемых им общественных отношений, и объединяет все относящиеся к этим отношениям правовые нормы, что имеет большое практическое значение. По мнению Алексеева С.С.: «Правовые институты нацелены на регламентирование определенного участка общественных отношений данного вида или рода: отдельной их разновидности, общей стороны отношений ряда видов, их элементов и т.д.».⁸ По мнению Керимова Д.А., понятие правового института определяет как «совокупность пра-

вовых норм соответствующей отрасли права, признанных регулировать с требуемой детализацией типичное отношение».⁹

Какое место занимают нормы государственных кадастров природных ресурсов в системе экологического права?

В Казахстане правовую основу ведения природоресурсных кадастров составляют положения ст. 149-151 Экологического кодекса РК. Так, в частности, действуют следующие правила.

Единая система государственных кадастров природных ресурсов РК создается и ведется как межотраслевая информационная система, объединяющая все виды государственных кадастров природных ресурсов РК в целях обеспечения единого общегосударственного комплексного учета и оценки природного и экономического потенциала РК.

Государственные кадастры природных ресурсов представляют собой систематизированный свод информации о количественных и качественных показателях природных ресурсов в порядке, установленном настоящим Кодексом и иными законодательными актами РК. Объектами Единой системы кадастров являются составные части окружающей среды: земля, вода, лес, почва, недра, растительный и животный мир в их взаимодействии.

Единая система кадастров ведется уполномоченным органом в области охраны окружающей среды совместно со специально уполномоченными государственными органами, осуществляющими мониторинг соответствующих видов природных ресурсов, на основе данных учета состояния и использования природных ресурсов. Система государственных кадастров природных ресурсов содержит в цифровом виде на каждый учетный кадастровый объект документальные сведения о его состоянии с указанием географической привязки и организационно-правовой формы.

Основными принципами ведения Единой системы кадастров являются:

1. единство технологии обработки и предоставления кадастровой информации;
2. применение автоматизированных информационных технологий;
3. объективность пополнения и обновления информации.

Структуру Единой системы кадастров составляют следующие объекты учета, мониторинг по которым осуществляется следующими специально уполномоченными государственными органами:

1. по государственному земельному кадастру - центральным уполномоченным орга-

ном в области управления земельными ресурсами - в целом по республике, а его территориальными органами - в пределах административно-территориальных единиц;

2. по государственному водному кадастру (поверхностным и подземным водным источникам, использованию водных ресурсов) - уполномоченными государственными органами в области охраны окружающей среды, использования и охраны водного фонда, по изучению и использованию недр - в целом по республике, а их территориальными органами - в пределах бассейнов рек и административно-территориальных единиц;

3. по государственному лесному кадастру - уполномоченным государственным органом в области лесного хозяйства - в целом по республике, а его территориальными органами - в пределах административно-территориальных единиц;

4. по государственному кадастру месторождений и проявлений полезных ископаемых, техногенных минеральных образований уполномоченным государственным органом по изучению и использованию недр - в целом по республике, а его территориальными органами - в пределах административно-территориальных единиц;

5. по государственному кадастру особо охраняемых природных территорий - уполномоченным государственным органом в области особо охраняемых природных территорий - в целом по республике, а его территориальными органами - в пределах административно-территориальных единиц;

6. по государственному кадастру животного мира - уполномоченным государственным органом в области охраны, воспроизводства и использования животного мира - в целом по республике, а его территориальными органами - в пределах административно-территориальных единиц.¹⁰

Нормы о кадастрах природных ресурсов не могут рассматриваться как самостоятельный институт экологического права. Хотя данная совокупность норм имеет собственное законодательное оформление, свой спектр деятельности, но подчинена она выполнению общей управленческой цели в области экологии.

Правовые нормы о государственных кадастрах - как самостоятельный правовой институт находятся соответственно внутри института Государственного регулирования в сфере охраны окружающей среды и природопользования. К такому выводу мы пришли исходя из того, что деятельность по ведению кадастров природных ресурсов является одной

из важнейших функций государственного управления в области экологии. Кроме того, данная функция управления как часть управленческой деятельности в сфере экологии сама является важным компонентом института государственного регулирования в области охраны окружающей среды. По нашему мнению, правовой институт государственных кадастров является неотъемлемой составной частью отрасли экологического права и входит в комплексный институт государственного регулирования, который как было указано выше, является важнейшим компонентом всей эколого-правовой науки в целом.

На основании вышеизложенного, на наш взгляд, в условиях современного экономического развития общества возникла необходимость разработки и принятия Закона Республики Казахстан «О кадастрах природных ресурсов». По нашему мнению, принятие данного закона необходимо для укрепления правового и социального статуса ведения природо-ресурсовых кадастров, как одной из важнейших для нашего государства хозяйственно-организаторских функций в сфере охраны окружающей среды и использования природных ресурсов.

¹ Иванова Е.Н. Возможности кадастрового учета в охране окружающей среды - Горманизация и развития экологического законодательства Казахстана и России:- Астана, 2013 – С.326

² Абдраимов Б.Ж. Проблемы совершенствования процессуальных форм реализации норм земельного права. - Алматы, 2010 – С. 25-26

³ Черниловский З.М. Всеобщая теория государства и права. - М.: Высшая школа, 1983. - С.11-12

⁴ Черниловский З.М. Всеобщая теория государства и права. - М.: Высшая школа, 1983. - С.15-16

⁵ Серикбаева Ш.Б. Проблемы правового регулирования государственной регистрации прав на землю в Республике Казахстан. - Алматы, 2013. - С. 36

⁶ Сырых В.М. Проблемы теории государства и права. М.:2008. – С.66

⁷ Сырых В.М. Проблемы теории государства и права. М.:2008. – С.71

⁸ Алексеев С. С. Теория права. — М.: Издательство БЕК., 1995. — С.119

⁹ Керимов Д.А. Методология права. Предмет, функции, проблемы философии права. 2-е изд. М.: Аванта+, 2001. – С.141

¹⁰ Кодекс Республики Казахстан от 9 января 2007 года № 212-III «Экологический кодекс Республики Казахстан» (с изменениями и дополнениями)

ями по состоянию на 01.01.2018 г.)
http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30085593

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

СВОЕВРЕМЕННОСТЬ – КАК КРИТЕРИЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Даровских С. М.,

заведующий кафедрой уголовного процесса, криминалистики, судебной экспертизы, Юридического института Южно-Уральского государственного университета (НИУ), д.ю.н., профессор

Даровских О. И.

доцент кафедры уголовного процесса, криминалистики, судебной экспертизы, Юридического института Южно-Уральского государственного университета (НИУ), к.ю.н.

Ключевые слова: эффективность, уголовно-процессуальная деятельность, критерии эффективности, своевременность, разумный срок, процессуальные сроки.

Аннотация: В статье рассматривается понятие «своевременность» как критерий, обеспечивающий эффективность уголовно-процессуальной деятельности. Исследуются точки зрения ученых, относительно понятия «эффективность» и признаков, позволяющих оценивать уголовно-процессуальную деятельность с позиции ее эффективности. Исследуются формы проявления времени в уголовном судопроизводстве, их сущность и взаимосвязи. Исследование сущности понятия «своевременность» позволило обосновать вывод о целесообразности применения именно данной категории как критерия определяющего эффективность уголовно-процессуальной деятельности.

Keywords: efficiency, criminal procedure, efficiency criteria, timeliness, reasonable time, procedural deadlines.

The summary: The article discusses the concept of “timeliness” as a criterion that ensures the effectiveness of criminal procedure. Scientists' points of view regarding the concept of effectiveness and signs that allow evaluating criminal procedure from the standpoint of its effectiveness are examined. The forms of manifestation of time in criminal proceedings, their nature and interrelations are investigated. The study of the essence of the concept of “timeliness” made it possible to substantiate the conclusion about the expediency of using this particular category as a criterion determining the effectiveness of criminal procedure.

На современном этапе одной из важнейших задач государства является повышение результативности правового регулирования общественных отношений и в том числе уголовно-процессуальных. В этой связи все чаще ученые и практические работники оценивают деятельность, осуществляемую в рамках уголовного процесса с точки зрения ее эффективности. Закрепление в статье 6¹ уголовно-процессуального закона данного термина позволило рассматривать указанную категорию в качестве правовой, распространяющейся как на досудебные, так и судебные стадии уголовного процесса, но не ответило на вопрос, какие критерии могут быть положены в основу эффективной уголовно-процессуальной деятельности, при каких условиях эффективность уголовного судопроизводства может быть достигнута.

Следует отметить, что несмотря на возрастающий интерес ученых к понятию «эффективность», дефиниция данного понятия не выработана, что создает определенные трудности как для ученых, так и для практических работников. Высказывались различные точки зрения, например, что эффективность — это степень достижения запланированного результата при установлении критериев результативности определенного действия¹. Указывали, что эффективность процессуальной деятельности это ее способность достигать поставленных законодателем целей и в конечном счете обеспечивать решение социальных задач². Весьма распространено мнение, что эффективность представляет собой соотношение цели (намеченного и желаемого результата) и фактически достигнутого результата³. Наиболее убедительным, по нашему мнению, представляется точка зрения М.Д. Шаргородского,

который разделял понятия «эффект» и «эффективный», полагая, что эффект – это результат, следствие чего-нибудь, а эффективный – это дающий эффект, способный привести к нужному результату, способный этот результат создать⁴. Если речь идет об уголовно-процессуальной деятельности, то эффект — это нужный, ожидаемый результат этой деятельности. Эффективная деятельность – это, такая уголовно-процессуальная деятельность, которая нацелена на появление нужного результата (эффекта) и в определенных случаях достигает этот результат. Аналогичную точку зрения высказывали и М.С. Строгович, Л.Б. Алексеева, А.М. Ларин, утверждая, что критерии — это лишь некоторые признаки достижения цели, но не сама цель⁵. Данный подход созвучен с позицией Европейского суда по правам человека, который в решении по делу «Михеев против России» (Mikheyev v. Russia) по жалобе № 77617/01 от 26 января 2006 г., указал что «отсутствие результатов проведенного расследования само по себе не свидетельствует о его неэффективности: обязательство провести расследование это, не обязательство получить результат, а обязательство принять меры».

Эффективна или нет уголовно-процессуальная деятельность позволяют определить критерии, под которыми принято понимать признаки, либо совокупность признаков, на основании которых какое-либо понятие, категория оценивается⁶. Обращаясь к данной проблеме, ученые высказывали различные мнения, например Л. Б. Алексеева и И. Б. Михайловская указывали на то, что показателями эффективности являются конкретные действия суда, включая вынесение законных и обоснованных решений⁷. А.Ю. Астафьев в качестве основного критерия эффективной судебной деятельности выделял законность, которая, по его мнению, имеет количественные показатели, позволяющие применить развернутую систему оценок данного явления⁸, а Т.Г.Морщакова полагала, что необходимо четкое разграничение понятий эффективность и качество правосудия⁹. И.Л. Петрухин выделял несколько критериев эффективности правосудия: правильное разрешение судами уголовных дел; состояние законности при осуществлении правосудия, охрана прав и законных интересов граждан, участвующих в судопроизводстве; воспитательное воздействие правосудия на граждан; возмещение ущерба, причиненного преступлением; принятие судами мер для устранения причин и условий, способствующих совершению преступления¹⁰.

Не вдаваясь в дискуссию по данному вопросу, выскажем свое мнение относительно критериев эффективной уголовно-процессуальной деятельности. Полагаем, что эффективная уголовно-процессуальная деятельность должна отвечать следующим требованиям: справедливости; достаточности; доступности; если она будет осуществляться независимыми органами; если действия и решения данных органов будут соответствовать закону; если исполнение судебных решений будет обеспечено государством; если у граждан будет возможность выбирать из всех средств правовой защиты любые, по его мнению самые результативные; и если данная уголовно-процессуальная деятельность будет осуществляться своевременно.

Из всех названных критериев эффективной уголовно-процессуальной деятельности считаем целесообразным более подробно исследовать один из критериев, определяющий эффективность уголовно-процессуальной деятельности, это своевременность.

Уголовно-процессуальная деятельность участников уголовного судопроизводства, как и любая деятельность человека, всегда протекает в определенном отрезке времени, которое оказывает на данную деятельность соответствующее воздействие. Это проявляется, во-первых, в социальном или общественном контроле, который оценивает эту деятельность с позиции насколько быстро она осуществляется. Во-вторых, в охране прав и законных интересов граждан, участвующих в уголовном судопроизводстве, желающих реализовать свои права максимально быстро и в мерах принимаемых к лицам, умышленно затягивающих сроки расследования и рассмотрения уголовных дел, и в - третьих, путем, регулирования уголовно-процессуальных отношений, установлением сроков совершения определенных действий или принятия определенных решений в ходе процессуальной деятельности.

Можно согласиться с мнением, что время в течение которого осуществляется уголовно-процессуальная деятельность, представляет собой особую функциональную категорию, выражающую юридически обоснованные параметры возникновения, продолжительности и завершения правовых состояний и отношений¹¹. Движение, время представляет особый интерес именно в процессуальной деятельности, поскольку уголовное судопроизводство должно осуществляться в определенные законом сроки, которые не всегда соблюдаются. Например, достаточно часто нарушения встречаются при решении вопроса о возбуждении

уголовных дел. Проведенное нами изучение около 900 уголовных дел и отказных материалов показало, что в срок до трех суток решения принимались лишь по 24 % заявлениям и сообщениям; 32 % заявлений и сообщений разрешается в срок от трех до десяти суток; свыше десяти суток – 27 %, а остальные с превышением месячного срока.

Исследуя способы проявления времени в уголовно-процессуальной деятельности, ученые единодушно выделяют среди них длительность, рассматривая ее как продолжительность существования правовых отношений, событий, явлений, состояний во времени¹². Это, бесспорно, еще раз подтверждает существование уголовно-процессуальной деятельности во времени, однако сама по себе длительность осуществления уголовно-процессуальной деятельности не свидетельствует о том, что данная деятельность будет эффективной. Можно расследовать обстоятельства совершенного преступления несколько лет, но так и не обеспечить привлечение виновного лица к уголовной ответственности. Поэтому в качестве конкретных форм проявления времени в праве и в уголовно-процессуальной деятельности, выделяют такие формы как скорость¹³ или интенсивность (темп), который определяют как скорость деятельности, выполняемой за единицу времени, быстроту ее развития при достижении какого-либо правового результата¹⁴. Применимо к осуществлению процессуальной деятельности используется также такая терминология как: «своевременность», «быстрота», «оперативность», «разумный срок» или «процессуальный срок»¹⁵. Указанные термины хоть и близкие по значению и взаимосвязаны, но не тождественны по своему содержанию.

Процессуальный срок — это срок совершения определенного действия либо принятия определенного решения, предусмотренный в уголовно-процессуальном законе. Данное понятие применяется в уголовном судопроизводстве в значениях «определенный период или отрезок времени» и «определенный момент во времени». Например, в ч.8 ст.109 УПК РФ определено, что «судья не позднее чем через 5 суток со дня получения ходатайства принимает решение по поступившему ходатайству о продлении срока содержания под стражей», либо свидетеля вызывают повесткой для дачи показаний в определенное время.

В своих работах многие ученые поддерживали позицию, что одним из критериев эффективности является соблюдение процессуальных сроков. Об этом в своих работах

упоминали А.В. Цихоцкий¹⁶, Ю.А. Кондрашов¹⁷, Т.Л. Тенилова¹⁸ и другие. Профессор М.С. Строгович писал о том, что процессуальные сроки и их соблюдение представляют собой необходимое условие, чтобы определенное процессуальное действие имело юридический эффект¹⁹.

Значимость установления процессуальных сроков в законе бесспорна и состоит в том, что они стабилизируют уголовно-процессуальные правоотношения, придают им определенность и обеспечивают защиту прав и законных интересов участников. Тем не менее полагаем, что простое соблюдение процессуальных сроков еще не обеспечивает эффективную уголовно-процессуальную деятельность, в некоторых случаях решения принимаются хоть и в установленные законом сроки, но необходимого результата не обеспечивают. По уголовному делу по обвинению гражданина О. следователь назначил судебно-психиатрическую экспертизу за 7 дней до истечения 2-месячного срока проведения предварительного расследования, несмотря на наличие документов, подтверждающих пребывание обвиняемого О. в период учебы на стационарном лечении в психиатрической больнице. Несмотря на то, что решение и было принято в установленный законом срок, но это не свидетельствовало об эффективности деятельности следователя, так как вызвало необходимость продления срока предварительного расследования²⁰.

Понятие «разумный срок» введенное в уголовно-процессуальный закон Федеральным законом от 30 апреля 2010 года № 69-ФЗ, ученые совершенно правильно охарактеризовали как оценочное понятие, особый вид процессуального срока, а также как «..отвечающий обстоятельствам конкретного уголовного дела, период времени необходимый и достаточный для быстрого и эффективного раскрытия преступления, расследования, рассмотрения уголовного дела...»²¹. В своих Постановлениях и Определениях и Конституционный Суд Российской Федерации, и Пленум Верховного Суда Российской Федерации упоминают «разумный срок» в качестве критерия эффективной уголовно-процессуальной деятельности исходя из положений Европейской Конвенции по правам человека и прецедентной практики Европейского суда по правам человека. Данное понятие в теории и практике уголовного процесса воспринимается как средство, обеспечивающее ускорение расследования и рассмотрения уголовных дел. Однако применение данного термина при оценке уголовно-

процессуальной деятельности не всегда целесообразно, поскольку использование категории «разумный срок» ориентировано только на определение чрезмерной длительности уголовного судопроизводства.

В УПК РСФСР 1960 года в статье 2 говорилось, что задачами советского уголовного судопроизводства являются быстрое и полное раскрытие преступлений. Этимология слова «быстрый» означает совершающийся, осуществляющийся либо происходящий в короткий промежуток времени²². Характеризуя деятельность в любых стадиях уголовного судопроизводства, в том числе и при исследовании вопросов, относящихся к стадии возбуждения уголовного дела, ученые и практические работники часто используют данную терминологию. Например, быстро либо нет принято решение о возбуждении уголовного дела. Полагаем, что рассматривать данную категорию в качестве критерия эффективности уголовно-процессуальной деятельности не всегда целесообразно. При определенных обстоятельствах, быстрота при проведении расследования и рассмотрения уголовного дела, может противоречить требованиям надлежащего выполнения должностными лицами своих обязанностей, тщательностью соблюдения процедурных требований, внимательного отношения к лицам, участвующим в производстве и в целом, негативно влиять на правильность итогового решения. С точки зрения русского языка «быстрый» означает максимально короткий во времени, что не корреспондирует с процедурными положениями УПК РФ.

Полагаем, что при оценке эффективности уголовно-процессуальной деятельности, более приемлемо понятие «своевременность». Сложно оспорить вывод, что своевременность – одно из основных, имманентных свойств правовой деятельности, чаще всего тогда, когда устанавливается и реализуется нормативное регулирование деятельности государственных органов и должностных лиц²³. Процессуальная деятельность происходит с формально – определенной скоростью. Вся процедура упорядочена, все элементы структуры процесса следуют друг за другом. Данная взаимосвязь позволяет определять время осуществляемой деятельности, скорость с которой осуществляются отдельные следственные действия, очередность проведения процедур их своевременность.

Полагаем, что своевременность уголовно-процессуальной деятельности представляет собой разумное соотношение временных параметров этой деятельности и реальной дей-

ствительности и заключается в оценке начала процессуальной деятельности при наличии соответствующих оснований для ее возникновения, порядка ее осуществления и периода ее осуществления в целом с соблюдением порядка проведения следственных и судебных действий и принятия решений.

Термин «своевременный» означает осуществляемый в нужный момент, в свое время²⁴, поэтому своевременность следует оценивать как более широкое понятие по отношению к понятиям «процессуальный срок» и «разумный срок». Процессуальный срок позволяет определить конкретные сроки и периоды процессуальной деятельности, например, момент возбуждения уголовного дела, срок проведения процессуального действия, срок принесения апелляционной жалобы. Разумный срок уголовного судопроизводства в соответствии с требованиями УПК РФ призван обеспечивать возможность определения периода процессуальной деятельности с момента начала уголовного преследования до момента его прекращения либо вынесения обвинительного приговора с точки зрения его чрезмерной продолжительности. Мы полагаем, что понятие «своевременность» поглощает понятие «процессуальный срок». Оценивая деятельность как своевременную, мы уже изначально презюмируем, что она осуществляется с соблюдением установленных законодателем процессуальных сроков. Взаимосвязь своевременности уголовного судопроизводства и разумного срока осуществления уголовно-процессуальной деятельности прослеживается в том, что своевременное проведение расследования или судебного разбирательства исключает возможность нарушения процессуальных сроков в сторону их увеличения и обеспечивает осуществление уголовного судопроизводства в разумный срок. Своевременность позволяет нам оценивать период деятельности, предшествующей моменту обращения в органы, призванные принимать процессуально-значимые решения, но оказывающий влияние на определение общей продолжительности производства по уголовному делу, например, своевременно ли лицо, которому в результате преступных действий причинен вред, обратилось в правоохранительные органы. Если данный период от момента совершения преступления до момента обращения с заявлением незначителен, это может обеспечить проведение предварительного расследования в разумные сроки.

Способность определить своевременность проведения следственных, судебных

действий следственного характера позволяет получить ожидаемый результат, избежать в ходе уголовного судопроизводства неоправданных задержек, обеспечивает принятия значимых процессуальных решений и составление процессуальных документов. В приведенном ранее примере своевременность назначения судебно-психиатрической экспертизы, определяется моментом появления в материалах уголовного дела документа, подтверждающего факт, что обвиняемый О. состоит на учете в психиатрической больнице. Своевременность уголовно-процессуальной деятельности обеспечивается также отсутствием необоснованного приостановления хода предварительного расследования и отложения судебного заседания.

Понятие «своевременность» активно использует законодатель, например в части 3.3 статьи 6¹ УПК РФ, где говорится о таком «..обстоятельстве как *своевременность* обращения лица, которому деянием, запрещенным уголовным законом, причинен вред с заявлением о преступлении..», или в части 3 статьи 389.12 УПК РФ говорится, что «Неявка лиц, *своевременно* извещенных о месте, дате и времени заседания суда апелляционной инстанции, за исключением лиц, участие которых в судебном заседании обязательно, не препятствует рассмотрению уголовного дела».

Если обратиться к зарубежной практике, то следует отметить, что категория «эффективность», применимо, именно к уголовно-процессуальной деятельности, активно используется мировым юридическим сообществом, однако при определении критериев, обеспечивающие эффективную деятельность, внимание в основном уделяется не разумному сроку или своевременности, а скорости, быстроте судопроизводства.

В США с 1995 года действуют Стандарты деятельности и Система контроля деятельности судов первой инстанции (The Trial Court Performance Standards and Measurement System), разработанные Национальным центром судов штатов (NCSC, США) совместно с бюро поддержки правосудия Департамента юстиции (США). Данные стандарты включают критерии судопроизводства, предназначенные для повышения уровня эффективности деятельности судов, среди которых на первом месте стоит доступ к правосудию, а второе занимает быстрота и своевременность (Expedition and Timeliness), которая в свою очередь подразделяется на (а) ведение дела, (b) соответствие расписанию, и (с) быстрое применение материальных и процессуальных норм.

В Швеции, качественные аспекты деятельности судов, также связаны со своевременностью судебных процедур и сроками рассмотрения дел. В 1997 году Центральная судебная администрация Швеции (Domstolsverket) организовала проведение семинаров, в результате работы которых были подготовлены и опубликованы протоколы в которых основные аспекты качества судебной деятельности были разделены на 4 категории, одной из которых были сроки рассмотрения дел. Временной фактор рассматривается в протоколе как существенный элемент качества, дела должны рассматриваться и разрешаться настолько быстро, насколько это возможно. Чтобы достичь качества в вопросе сроков рассмотрения дела, судья должен использовать эффективные методы управления делом. Судебный процесс должен быть распланирован детально и последовательно. Дело должно быть разрешено сразу, как только оно подготовлено к судебному разбирательству. Затягивание рассмотрения находящихся в производстве дел должно контролироваться; должен осуществляться надзор за сроками рассмотрения каждого дела²⁵.

В Финляндии, при разработке Критериев качества в 1999 году, одним из аспектов эффективной деятельности судов, видели скорость рассмотрения дел. В данное понятие разработчики Критериев вкладывали понимание того, что быстрота рассмотрения дела означает, что дела рассматриваются и разрешаются в суде настолько быстро, насколько это возможно, без неоправданных задержек. Завершение судебного разбирательства в разумное время является целью и внутреннего законодательства, и международных соглашений. В тоже время быстрота не может быть единственно определяющим критерием, ее нужно рассматривать, сопоставляя с другими качественными требованиями. Скорость рассмотрения дела не может увеличиваться бесконечно без того, чтобы не подвергнуть риску правильность решения и не подорвать впечатление, которое формируется у сторон относительно надлежащего характера судебного разбирательства. Характер дела также оказывает прямое влияние на скорость его рассмотрения: простые дела с небольшим количеством материалов могут быть рассмотрены более быстро, чем сложные дела с большим массивом документов и доказательств²⁶.

На необходимость обеспечения эффективности уголовно-процессуальной деятельности указывал и Европейский Суд по правам человека руководствуясь статьей 13 Европейской Конвенции о защите прав человека и ос-

новых свобод заключенной в Риме 4 ноября 1950 года (с изменениями от 13 мая 2014 года), которая определяет право на эффективное средство правовой защиты. Раскрывая в своих решениях предполагаемую эффективность предварительного расследования, Европейский Суд, напоминая о тех общих принципах, которые при анализе жалоб заявителей на конкретные обстоятельства дела, позволяют выявить имеющиеся нарушения положений Конвенции. Среди прочих критериев эффективного предварительного расследования, Европейский Суд также упоминает о том, что расследование должно быть *быстрым*, при этом оценивается момент начала расследования, задержки в проведении допросов и в целом время, которое заняло предварительное расследование²⁷.

Полагаем, что данный подход не всегда сможет гарантировать получение ожидаемого качественного результата и обеспечить эффективную уголовно-процессуальную деятельность. Процессуальная деятельность должна осуществляться в установленные законом, обоснованные сроки, а не стремиться к их опережению.

К вопросам обеспечения эффективной уголовно-процессуальной деятельности неоднократно обращался в своих Постановлениях и Определениях Конституционный Суд Российской Федерации, который не только развивал положения, выработанные Европейским Судом по правам человека, относительно эффективного уголовного судопроизводства, но и формулировал свои правовые позиции, при этом указывая как на своевременность так и на разумный срок осуществления процессуальной деятельности.

В своем Постановлении от 23 марта 1999 года № 5-П, Конституционный Суд сформировал правовую позицию обосновывающую необходимость своевременного обращения в суд с жалобами на действия и решения органов предварительного расследования. Он указал, что предназначение досудебных стадии процесса состоит в том, чтобы обеспечить условия эффективного осуществления правосудия. Суды, разрешая дело на основе исследования в судебном заседании всех обстоятельств дела, осуществляют проверку процессуальных актов и других материалов досудебного производства, однако, если действия и решения органов предварительного расследования не только затрагивают уголовно-процессуальные правоотношения, но и порождают последствия, выходящие за их рамки, ограничивают права и сво-

боды личности, контроль суда в этом случае, имеющий место на следующей стадии процесса, не может рассматриваться эффективным средством защиты. В силу чего следует признать правомерным обращение в суд участников уголовного судопроизводства с жалобами на действия и решения органов предварительного расследования в рамках досудебной стадии процесса²⁸.

Развивая указанную правовую позицию, Конституционный Суд Российской Федерации в своем Постановлении от 11 ноября 2014 г. № 28-П указал, что одним из важных факторов, определяющих эффективность восстановления нарушенных прав, является своевременность их защиты; это означает, что рассмотрение и разрешение дела судом должно всегда осуществляться в разумный срок. При определении разумного срока досудебного производства, который включает в себя период со дня подачи заявления, сообщения о преступлении до дня принятия решения о приостановлении предварительного расследования по уголовному делу по основаниям, предусмотренному пунктом 1 части первой статьи 208 данного Кодекса. По мнению Конституционного суда РФ, должны учитываться такие обстоятельства, как правовая и фактическая сложность уголовного дела, поведение потерпевшего и иных участников досудебного производства по уголовному делу, достаточность и эффективность действий прокурора, руководителя следственного органа, следователя, начальника подразделения дознания, органа дознания, дознавателя, производимых в целях своевременного возбуждения уголовного дела, установления лица, подлежащего привлечению в качестве подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления, а также общая продолжительность досудебного производства по уголовному делу²⁹. Данные правовые позиции Конституционный Суд РФ развивал и в ряде других своих постановлений³⁰.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в своем Постановлении №11 от 29 марта 2016 года «О некоторых вопросах возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» прямо указал, что эффективное судопроизводство предопределяется разумным сроком его осуществления. По мнению Верховного Суда РФ понятие «разумный срок» охватывает, во-первых, своевременность совершения действий, направленных на защиту и прав и

законных интересов лиц, организаций потерпевших от преступлений, в том числе своевременность назначения дела к слушанию. Во-вторых, отказ от таких действий, которые хоть и предусмотрены УПК РФ, например, отложение судебного разбирательства, назначение и проведение экспертизы, возвращение уголовного дела прокурору с целью устранения допущенных нарушений уголовно-процессуального законодательства при производстве дознания и предварительного следствия, однако совершаемые судом без оснований могут привести к увеличению длительности судопроизводства. Действия суда признаются достаточными и эффективными, если они осуществляются в целях своевременного рассмотрения дела, в частности, судом эффективно проводилась подготовка дела к судебному разбирательству, осуществлялось руководство ходом судебного заседания в целях создания условий для всестороннего и полного исследования доказательств и выяснения обстоятельств дела, а также из судебного разбирательства устранялось то, что не имело отношения к делу (статья 243 УПК РФ).

В заключении следует отметить, что требование своевременности осуществления уголовно-процессуальной деятельности является одним из критериев эффективной уголовно-процессуальной деятельности.

В целях устранения разночтения в понимании эффективного уголовного судопроизводства и критериев его определяющих, полагаем целесообразным закрепить в уголовно-процессуальном законе дефиниции данной правовой категории.

¹Гагиев А.К. Критерии эффективности деятельности судов в гражданском и арбитражном процессе. / Дисс...канд. юрид. наук. – М., 2013. – С. 20.

²Пацация М.Ш. Эффективность процессуальной деятельности проверочных инстанций арбитражного суда. / Дисс...докт. юрид. наук. – М., 2010. – С. 149.

³Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности / отв. ред. В.М. Савицкий. – М.: Наука, 1979. – С. 177.

⁴Шаргородский М.Д. Наказание, его цели и эффективность. – Л., 1973. – С. 58.

⁵Строгович М.С., Алексеева Л.Б., Ларин А.М. Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности. – М., 1979. – С. 231-232.

⁶Большой словарь иностранных слов / Сост. А.Ю. Москвин. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. – С. 329.

⁷Алексеева Л. Б., Михайловская И. Б. Показатели эффективности уголовного судопроизводства и некоторые вопросы оценки работы судебных органов // Вопросы борьбы с преступностью. – М., 1976. – Вып. 24. – С. 48.

⁸Астафьев А.Ю. Процессуальные гарантии эффективности осуществления правосудия по уголовным делам судом первой инстанции / дис...канд. юрид. наук. – Воронеж, 2013. – 237 с.

⁹Морщакова Т.Г. Теоретические основы оценки качества и организации правосудия по уголовным делам (процессуальные, статистические и социологические аспекты) / дис... докт. юрид. наук. – М., 1988. – С. 7.

¹⁰Петрухин И.Л., Батуров Г.П., Морщакова Т.Г. Теоретические основы эффективности правосудия (по уголовным делам). – М., 1979. – 392 с.

¹¹Кондрашов Ю.А. Фактор времени в юридической деятельности. / Автореф. дис... канд. юрид. наук. – Саратов, 2012. – С. 8.

¹²Петров Г.И. Фактор времени в советском праве // Правоведение. – 1982. – №6. – С.46-52; Кондрашов Ю.А. Фактор времени в юридической деятельности. / Автореф. дис... канд. юрид. наук. – Саратов, 2012. – С. 8.

¹³Кондрашов Ю.А. Фактор времени в юридической деятельности. / Автореф. дис... канд. юрид. наук. – Саратов, 2012. – С. 9.

¹⁴Тенилова Т.Л. Время в праве / Автореф. дисс... канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 1999. – С.12.

¹⁵Бедняков И.Л., Развейкина Н.А. Категория «эффективность» в уголовном процессе // Вестник Самарского государственного университета. – 2014. – № 11/2 (122). – С. 193-196; Гагиев А.К. Критерии эффективности деятельности судов в гражданском и арбитражном процессе. / Автореф. дисс. ...к.ю.н. – М., 2013. – С.13-15; Каменков В.С. Важнейшие критерии оценки результативности деятельности судебной системы // Евразийская адвокатура. – 2012. – № 1. – С. 84-88; Чучунова Н.С. Эффективность судебного разбирательства в арбитражном суде // Арбитражный и гражданский процесс. – 2007. – № 5. – С. 20-22.

¹⁶Цихоцкий А.В. Теоретические проблемы эффективности правосудия по гражданским делам. – Новосибирск, 1998. –С. 152-156.

¹⁷Кондрашов Ю.А. Фактор времени в юридической деятельности. / Автореф. дисс...канд.юрид.наук. – Саратов, 2012. – С. 11.

¹⁸Тенилова Т.Л. Время в праве. / Автореф. дисс... канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 1999. – 32 с.

¹⁹Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. / В 2 т. – М.: Наука, 1968. – Т.1. – 468 с.

²⁰ Уголовное дело № 1-2345/15. Архив районного суда гор. Челябинска

²¹ Аширбекова М.Т., Кудин Ф.М. Разумный срок как оценочное понятие в уголовно-процессуальном праве // Уголовное судопроизводство. – 2011. – № 2. – С. 21; Азаров В.А., Рожков Д.Г. Обеспечение разумного срока уголовного производства в суде первой инстанции. – Омск, 2013. – С. 50.

²² Ожегов С.И. Словарь русского языка. 70 000 слов. 21 изд. перераб. и дополн. /под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: «Русский язык». – 1989. – С. 70, 723.

²³ Рабинович П.М. Время в правовом регулировании (философско-юридические аспекты) // Изв. вузов Правоведение – Львов, 1990. – № 3. – С.19-27.

²⁴ Ожегов С.И. Словарь русского языка. 70 000 слов. 21 изд. перераб. и дополн. /под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: «Русский язык». – 1989. – С. 703.

²⁵ Оценка качества разрешения дел в судах. Принципы и предлагаемые критерии качества. Проект судов округа Апелляционного суда Рованими, Финляндия. – Март. – 2006. – С. 24-25, 29 // Режим доступа: www.oikeus.fi

²⁶ Оценка качества разрешения дел в судах. Принципы и предлагаемые критерии качества. Проект судов округа Апелляционного суда Рованими, Финляндия. – Март. – 2006. – С. 41 // Режим доступа: www.oikeus.fi

²⁷ Решение Европейского Суда по правам человека по делу «Михеев против России» от 26 января 2006 года жалоба № 77617/01 // Режим доступа: <https://www.srji.org/resources/search/5/>

²⁸ Постановление Конституционного суда РФ от 23 марта 1999 года № 5-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 133, части 1 ст. 218 и ст.220 УПК РСФСР в связи с жалобами

граждан В.К. Борисова, Б.А. Кехмана, В.И. Монастырского, Д.И. Фуфлыгина и общества с ограниченной ответственностью «Моноком» // Режим доступа: <http://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-23031999-n/>

²⁹ Постановление Конституционного Суда РФ от 11 ноября 2014 года №28-П "По делу о проверке конституционности положений части 1 статьи 1 Федерального закона "О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок" и части третьей статьи 6¹ Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В.В. Курочкина, А.Б. Михайлова и А.С. Русинова" // Режим доступа: <https://rg.ru/2014/11/21/sud-dok.html>

³⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 18 марта 2014 года №5-П «По делу о проверке конституционности части второй 1 статьи 399 Уголовно- процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кетовского районного суда Курганской области»; Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 июля 2011 г. N 17-П г. Санкт-Петербург "По делу о проверке конституционности положения пункта 5 части первой статьи 2446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.Ю. Какуева"; Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11 мая 2005 г. N 5-П «По делу о проверке конституционности статьи 405 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Курганского областного суда, жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, производственно-технического кооператива "Содействие", общества с ограниченной ответственностью "Карелия" и ряда граждан» // Режим доступа: <https://rg.ru/2014/03/28/proverka-dok.html>

ПОВОДЫ И ПРЕДЕЛЫ ПРОВЕДЕНИЯ ПРОКУРОРОМ ПРОВЕРОК В ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Манова Н. С.,

*д.ю.н., заведующий кафедрой уголовного процесса
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,
профессор*

Ключевые слова: проверка прокурором законности процессуальной деятельности органов расследования, повод для прокурорской проверки в уголовном судопроизводстве, пределы проверок прокурора законности досудебного производства.

Аннотация: В статье исследуются поводы для проведения прокурором проверок соблюдения требований закона на досудебных стадиях процесса, рассматриваются пределы их проведения в отношении следователя и в отношении дознавателя.

Keywords: prosecutor's check of the legality of the procedural activity of investigative bodies, the reason for prosecutorial examination in criminal proceedings, the scope of inspections of the prosecutor's legality of pre-trial proceedings.

The summary: The article explores the reasons for the prosecutor to conduct checks of compliance with the requirements of the law at pre-trial stages of the process, consider the limits of their conduct in relation to the investigator and the investigator.

В действующем законодательстве (в УПК РФ, в Законе о прокуратуре Российской Федерации) отсутствует как само понятие проверок исполнения закона, осуществляемых прокурором в ходе досудебного производства, так и перечень поводов для их проведения, и пределы их проведения.

В науке уголовного процесса понятие «повод» разрабатывалось, главным образом, в связи с законодательным закреплением в УПК РФ поводов для возбуждения уголовного дела¹. Не имея возможности в рамках данной статьи подробно остановиться на сущности и юридической природе данного понятия, хотим лишь заменить, что повод в теории уголовного процесса чаще всего рассматривается как предпосылка для осуществления должностными лицами, ведущими уголовно-процессуальную деятельность, тех или иных процессуальных действий. В качестве такого повода может выступать либо некий источник информации, либо соответствующее законодательное предписание.

Поводом для проведения прокурором проверки соблюдения органами предварительного расследования требований закона, как правило, выступает поступившая прокурору информация о фактах нарушения закона. Такую информацию могут содержать поступившие в прокуратуру заявления, жалобы, обращения, направленные прокурору или переданные ему устно на личном приеме².

Применительно к «общенадзорным» проверкам прокурора Конституционный Суд РФ сформулировал определенные требования к поводам для проведения проверок: «эти сведения должны указывать на признаки нарушений законов, которые нельзя подтвердить или опровергнуть в ходе межведомственного взаимодействия с соответствующим надзирающим государственным органом»³. Данные требования легли в основу положений Федерального закона от 07 марта 2017 года «О внесении изменений в Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации», которыми предусмотрено, что «при осуществлении надзора за исполнением законов органы прокуратуры не подменяют иные государственные органы. Проверка исполнения законов проводится на основании поступившей в органы прокуратуры информации о фактах нарушений, требующих принятия прокурором мер в случае, если эти сведения нельзя подтвердить или опровергнуть без проведения указанной проверки»⁴.

Поводы же к проведению прокурором проверок в досудебном производстве имеют существенную особенность, связанную с тем, что прокурор является непосредственным участником уголовно-процессуальной деятельности. Кроме того, надзорная деятельность прокурора в сфере уголовного судопроизводства должна осуществляться непрерывно и независимо от наличия информации о фактах

нарушения закона в деятельности органов предварительного расследования (ст. 37, 148, 211, 214 и др. УПК РФ, ст. 30 Закона о прокуратуре, приказы Генеральной прокуратуры РФ «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания» (п. 3)⁵, «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при осуществлении оперативно-розыскной деятельности» (п. 5)⁶, «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» (п. 1.3)⁷.

Возлагая на прокурора функцию надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования, УПК РФ тем самым подразумевает, что проведение прокурором проверок исполнения закона органами расследования должно являться систематическим. Ведомственные же нормативные акты Генеральной прокуратуры РФ прямо предписывают прокурору осуществлять проверки исполнения закона в ходе предварительного расследования постоянно и систематически.

Таким образом, можно говорить о том, что для проведения прокурором проверок в сфере уголовного судопроизводства существует специфический повод – требования закона и ведомственных приказов о постоянном, непрерывном осуществлении прокурорского надзора (путем проведения соответствующих проверок) за процессуальной деятельностью следователя и дознавателя⁸.

Как любая процессуальная деятельность процедура проведения прокурором проверок в ходе уголовного судопроизводства должна быть четко урегулирована УПК РФ, с указанием в законе на поводы для ее проведения, способы осуществления, а так же формы реагирования прокурора на результаты проведенной проверки. Однако в УПК РФ нет даже прямого требования об осуществлении прокурором постоянных, систематических проверок исполнения закона. Наряду с этим, анализ положений ст. 37 УПК РФ позволяет говорить о том, что реализация прокурором тех полномочий, которыми он наделен в досудебном производстве, обязательно предполагает осуществление им проверок, даже если уголовно-процессуальный закон не говорит напрямую об их проведении. Заложенный в законе смысл надзорной деятельности прокурора заключается в том, что он должен регулярно, не дожидаясь поступления информации о нарушениях закона, осуществлять проверки по личной инициативе, не допуская либо обеспечивая оперативное устранение нарушений закона со стороны следователя и дознавателя.

Безусловно, что это не исключает наличия иных поводов для проведения прокурором проверок в досудебном производстве. Анализ положений УПК РФ и приказов Генеральной прокуратуры РФ позволяет выделить в качестве поводов для проведения прокурором проверок соблюдения требований закона органами предварительного расследования следующее:

1) направление прокурору органами дознания и предварительного следствия копий постановлений о возбуждении уголовного дела (ст. 146 УПК РФ), отказе в возбуждении уголовного дела (ст. 148 УПК РФ); приостановлении и прекращении уголовных дел (ст. 211, 214 УПК РФ), копий иных решений, принимаемых в ходе предварительного расследования (ст. 92, 172 и др. УПК РФ);

2) осуществление дознавателем процессуально значимых действий и решений, требующих согласия прокурора (п. 4, 5, 6 ч. 2 ст. 37 УПК РФ);

3) данные о нарушениях уголовно-процессуального законодательства, допущенных в ходе предварительного расследования, полученные прокурором из иных источников (например, сведения, выявленные в ходе проведения других проверок);

4) принесение жалобы участниками процесса и иными лицами на действия (бездействие) и решения дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, следователя, руководителя следственного органа и нижестоящего прокурора (ст. 124 УПК РФ);

5) поступление прокурору ходатайства подозреваемого (обвиняемого) и постановления следователя о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (ст. 317.2 УПК РФ);

6) поступление к прокурору уголовного дела с обвинительным заключением, обвинительным актом, обвинительным постановлением (гл. 31, ст. 226, ст. 226.8 УПК РФ);

7) требования закона о систематическом проведении проверок законности процессуальной деятельности следователя и дознавателя (п. 1, 3, 4, 6, 10 ч. 1 ст. 37 УПК РФ).

О.А. Грачева предлагает «закрепить в действующем уголовно-процессуальном законодательстве следующие унифицированные поводы для проведения прокурором проверок в досудебных стадиях уголовного судопроизводства:

а) требования закона и подзаконных нормативно-правовых актов об обязательном систематическом проведении проверок в рам-

ках осуществления надзора за процессуальной деятельностью следователя и дознавателя;

б) обращения и жалобы граждан и организаций, а также полученная от них информация о нарушении действующего законодательства, ограничении их прав и свобод;

в) поступление к прокурору копий решений органов предварительного расследования и их ходатайств, направляемых в суд, о проведении соответствующих процессуальных действий;

г) данные о нарушениях уголовно-процессуального законодательства, допущенных в ходе предварительного расследования, полученные прокурором из иных источников»⁹.

Как правильно отмечено такая законодательно система поводов для проведения прокурором проверок в досудебных стадиях уголовного судопроизводства «одновременно выступает в качестве системы гарантий прав личности (наличие установленного законом повода гарантирует обязательность проведения проверки при поступлении жалобы или иного обращения к прокурору) и гарантий для органов предварительного расследования от необоснованного и избыточного вмешательства в их деятельность (установленная законом система поводов обеспечит проведение прокурорами проверок только в определенных случаях)»¹⁰.

При наличии соответствующего повода прокурором проводится тот или иной вид проверки в тех пределах, которые позволяют ему установить достаточные основания для принятия решения о наличии или отсутствии нарушений закона.

В специальной литературе нередко отождествляют понятия поводов и оснований прокурорской проверки¹¹. Если говорить о поводах и основаниях применительно к стадии возбуждения уголовного дела, то они оба выступают «в качестве процессуальных предпосылок для принятия соответствующего решения»¹². Применительно же к проверке прокурором исполнения закона эти категории характеризуют ее различные стороны и различные временные аспекты. Повод - это то, что служит предпосылкой, дает толчок для проведения проверки. Уже в ходе осуществления проверки прокурор устанавливает наличие или отсутствие нарушений действующего законодательства. Именно они являются основаниями для принятия прокурором решения по итогам проведенной проверки.

Тем самым, об основаниях можно говорить применительно к итогам проверки прокурора в досудебном производстве. Основаниями для принятия прокурором решения о наличии или отсутствии нарушения закона являются результаты проведенной прокурором проверки, то есть те фактические данные, которые подтверждают факт нарушения органом расследования требований уголовного, уголовно-процессуального и иного законодательства, допущенного в ходе возбуждения уголовного дела и предварительного расследования.

Говоря о пределах осуществления прокурором проверок в досудебном производстве, следует отметить, что изменения законодательства об уголовном судопроизводстве, произошедшие в 2007 году, значительно сузили пределы прокурорского надзора и соответствующие полномочия прокурора. «В свете изменившихся представлений о функциональном назначении прокурора в уголовном судопроизводстве, согласно которым прокурор не должен осуществлять процессуальное руководство расследованием, пределы осуществления прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия были ограничены проверкой соответствия этой деятельности закону. Прокурор более не вправе вмешиваться в процессуальную деятельность органов предварительного следствия в целях определения стратегии и тактики расследования»¹³.

Вместе с тем, указания прокурора, даваемые им по результатам осуществления проверок исполнения законов в ходе досудебной деятельности по уголовным делам, не являются безусловно обязательными для исполнения и могут быть обжалованы вышестоящему прокурору (ст. 37, 38, 39, ч. 4 ст. 124 УПК РФ). До недавнего времени это касалось только следователя. Однако 14 декабря 2015 года принят Федеральный закон № 380-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части наделения дознавателя правом обжалования некоторых решений прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным актом или обвинительным постановлением»¹⁴. Ныне, в соответствии с ч. 4 ст. 124 УПК РФ, в случаях, предусмотренных законом, дознаватель, также как и следователь, вправе обжаловать действия (бездействие) и решения прокурора вышестоящему прокурору.

Однако перечень решений прокурора и порядок обжалования их дознавателем не конкретизированы в УПК РФ. При производстве расследования дознаватель самостоятельно

собирает и оценивает доказательства по внутреннему убеждению, самостоятельно решает вопрос об их достаточности для принятия того или иного процессуального решения. Прокурор, осуществляющий процессуальное руководство производством расследования в форме дознания, наделен в отношении дознавателя широкими властными полномочиями. В частности, он наделен правом давать дознавателю письменные указания о направлении расследования, производстве процессуальных действий, возвращать ему уголовное дело для производства дополнительного дознания или пересоставления обвинительного акта, либо для производства дознания в общем порядке или пересоставления обвинительного постановления в случае его несоответствия требованиям УПК РФ.

В соответствии с ч. 4 ст. 41 УПК РФ дознаватель имеет право обжаловать указания прокурора вышестоящему прокурору. До недавнего времени данное положение не предусматривало возможности обжалования решения прокурора о возвращении уголовного дела для производства дополнительного дознания или пересоставления обвинительного акта, либо для производства дознания в общем порядке или пересоставления обвинительного постановления. В соответствии с Федеральным законом №380, в настоящее время, постановление прокурора о возвращении уголовного дела для производства дополнительного дознания может быть обжаловано дознавателем с согласия начальника органа дознания вышестоящему прокурору в течение 48 часов с момента поступления к дознавателю уголовного дела. Вышестоящий прокурор в течение 3 суток с момента поступления соответствующих материалов выносит либо постановление об отказе в удовлетворении ходатайства дознавателя, либо об отмене постановления нижестоящего прокурора. В этом случае вышестоящий прокурор утверждает обвинительный акт и направляет уголовное дело в суд.

Постановление прокурора о возвращении уголовного дела дознавателю для пересоставления обвинительного постановления или о направлении уголовного дела дознавателю для производства дознания в общем порядке может быть обжаловано с согласия начальника органа дознания вышестоящему прокурору в течение 24 часов с момента поступления к дознавателю уголовного дела. Вышестоящий прокурор в течение 2 суток с момента поступления соответствующих материалов выносит либо постановление об отказе в удовлетворении ходатайства дознавателя, либо об отмене

постановления нижестоящего прокурора. В этом случае вышестоящий прокурор утверждает обвинительное постановление и направляет уголовное дело в суд.

При проведении прокурором проверок исполнения законов органами предварительного следствия прокурор не имеет полномочий по прямому устранению выявленных нарушений. Исключение составляет полномочие по отмене незаконных постановлений о возбуждении уголовного дела (ст. 146 УПК), об отказе в возбуждении уголовного дела (ст. 148 УПК), о приостановлении (ст. 211 УПК) и прекращении (ст. 214 УПК) производства по уголовному делу, а также обязанность прокурора немедленно освободить незаконно задержанного, или лишенного свободы, или незаконно помещенного в медицинский или психиатрический стационар, или содержащегося под стражей свыше срока, предусмотренного законом (ч. 2 ст. 10 УПК РФ).

Однако, в настоящее время, в Государственной Думе Российской Федерации находится на рассмотрении Законопроект № 872311-6 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (о расширении полномочий прокурора в досудебном судопроизводстве)»¹⁵, в котором предлагается существенно расширить полномочия прокурора в досудебном производстве и, как следствие, пределы осуществления им проверок. В соответствии с данным законопроектом прокурору должны быть возвращены ряд полномочий, которые ныне переданы руководителю следственного органа: право возбуждения и отказа в возбуждении уголовного дела публичного обвинения, возбуждения дел частного и лично-публичного обвинения при отсутствии заявления потерпевшего или его законного представителя в случаях, когда преступление совершено в отношении лица, не способного в силу зависимого или беспомощного состояния либо по иным причинам самостоятельно защищать свои права и законные интересы.

Законопроект предусматривает право прокурора принимать к производству и расследовать уголовные дела. При этом речь не идет о какой-то конкретной категории дел. Прокурор по мотивированному постановлению будет вправе принимать к производству и расследовать уголовные дела при отводе следователя, дознавателя в порядке ст. 67 УПК РФ, а также в случае, когда эти лица отстранены от дальнейшего производства расследования ввиду допущенных нарушений УПК РФ и

при невозможности заменить их иным лицом, осуществляющим расследование.

Прокурору предполагается возвратить право давать следователю письменные указания о направлении расследования, производстве процессуальных действий, которые будут обязательны для следователя и руководителя следственного органа; утверждать ходатайства следователя, направляемые в суд об избрании, продлении, отмене или изменении меры пресечения либо о производстве иного процессуального действия, которое допускается на основании судебного решения; отменять любые незаконные или необоснованные постановления следователя; разрешать отводы, заявленные следователю, и его самоотводы; отстранять следователя от дальнейшего производства расследования, если ими допущено нарушение требований УПК РФ; приостанавливать или прекращать производство по любому уголовному делу. В закон предполагается ввести правило, в соответствии с которым мера пресечения, избранная в ходе досудебного производства следователем по согласованному с прокурором решению, может быть отменена или изменена только с согласия прокурора.

Также прокурору предполагается вернуть полномочие по даче следователю согласия на прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон (ст. 25 УПК РФ), в связи с деятельным раскаянием (ст. 28 УПК РФ), по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности (ст. 28.1 УПК РФ), в связи с применением к несовершеннолетнему обвиняемому принудительной меры воспитательного воздействия (ст. 427 УПК РФ).

По сути, предлагаемые в данном законопроекте изменения, возвращают систему полномочий прокурора, существовавшую до 2007 года, когда прокурор являлся руководителем следствия. На наш взгляд, это является нецелесообразным, так как и невозможно осуществлять надзор за той деятельностью, которой ты же и руководишь. Такое положение вещей лишает прокурора возможности быть объективным при осуществлении надзорной деятельности.

Вместе с тем, полагаем, что надзор прокурора за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия ныне должен опираться на метод постоянного наблюдения за осуществлением ими досудебной деятельности, но без возможности прямого вмешательства в ее ход. Постоянное наблюдение за законностью предварительного расследования путем проведения прокурором проверок, основания и пределы которых, в

свою очередь, будут регламентированы законом, в состоянии существенно повлиять на качество досудебной деятельности, обеспечить предотвращение нарушений закона, а также соблюдение прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства. И это должно найти своё воплощение в уголовно-процессуальном законодательстве как при регламентации поводов для проведения проверки, так и порядка ее осуществления.

¹ См.: Козилев Е. Н. Поводы к возбуждению уголовного дела: юридическая природа, система, пути совершенствования. // Уголовное судопроизводство. 2007. № 3. С. 35 - 40; Рылков Д. В. Повод для возбуждения уголовного дела как необходимое условие начала производства по делу // Российский следователь. 2009. № 17. С. 6 - 9; Мусаев А. Н. Поводы для возбуждения уголовного дела // Публичное и частное право. 2013. № IV (XX). С. 141 - 149; Гриненко А. В. Постановление прокурора как повод к возбуждению уголовного дела // Законность. 2012. № 11. С. 20 - 23; Бусел С. А. Повод к возбуждению уголовного дела. Проблемы и пути решения // Вестник Калининградского юридического института МВД России. Калининград, 2012. № 1 (27). С. 93 - 97 и т.д.

² См.: Приказы Генеральной Прокуратуры РФ от 07.12.2007 № 195 (в ред. от 21.06.2016) «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина» // Законность. 2008. № 3; [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/1356732/#ixzz4CzYKu9Tp> (дата обращения: 21.09.2016); от 30.01.2013 № 45 (в ред. от 05.07.2017) «Об утверждении и введении в действие Инструкции о порядке рассмотрения обращений и приема граждан в органах прокуратуры Российской Федерации» // Законность. 2013. № 4; [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_141740/ (дата обращения: 01.09.2017)

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 17.02.2015 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 6, пункта 2 статьи 21 и пункта 1 статьи 22 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с жалобами межрегиональной ассоциации правозащитных общественных объединений «Агора», межрегиональной общественной организации «Правозащитный центр «Мемориал», международной общественной организации «Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал», региональной общественной благотворительной организации помощи беженцам и вынужденным переселенцам «Гражданское содействие», автономной некоммерческой организации правовых, информационных и

экспертных услуг «Забайкальский правозащитный центр», регионального общественного фонда «Международный стандарт» в Республике Башкортостан и гражданки С.А. Ганнушкиной» // Российская газета. 2015. 2 марта.

⁴ Федеральный закон от 07.03.2017 № 27-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» // СЗ РФ. 2017. № 11, ст. 1536.

⁵ См.: Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 26.12.2017 № 33 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания» // Законность. 2017. № 5

⁶ См.: Приказ Генпрокуратуры России от 15.02.2011 № 33 (в ред. от 20.01.2017) «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при осуществлении оперативно-розыскной деятельности» (вместе с «Инструкцией о порядке составления и представления отчета о работе прокурора по надзору за исполнением законов при осуществлении оперативно-розыскной деятельности», «Инструкцией об организации делопроизводства в органах прокуратуры по документам органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность») // Законность. 2011. № 5. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=214185&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.045823005066215505#0> (дата обращения: 15.12.2017).

⁷ См.: Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 28.12.2016 № 826 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» // Законность. 2017. № 3.

⁸ См.: Грачева О.А. Проверка исполнения закона как основная форма надзора прокурора в досудебных стадиях уголовного судопроизводства: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов. 2018. С. 90.

⁹ Грачева О.А. Указ. соч. С. 92 - 93.

¹⁰ Там же. С. 93.

¹¹ См., например: Комаров И. Прокурорская проверка: необходимые основания // Административное право. 2013. № 4. С. 31 - 35.

¹² Корнуков В. М., Лазарев В. А., Холоденко В. Д. Возбуждение уголовного дела в системе уголовно-процессуальной деятельности. Саратов, 2002. С. 42 - 116.

¹³ Щепилов О. О. Соотношение прокурорского надзора, судебного и ведомственного процессуального контроля по УПК РФ // Законы России: опыт, анализ, практика. 2009. № 10. С. 117.

¹⁴ См.: Федеральный закон от 14.12.2015 № 380-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части наделения дознавателя правом обжалования некоторых решений прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным актом или обвинительным постановлением» // Российская газета. 2015. 16 декабря.

¹⁵ См.: Законопроект № 872311-6 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (о расширении полномочий прокурора в досудебном судопроизводстве)». [Электронный ресурс]. URL: [http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/\(Spravka\)?OpenAgent&RN=872311-6](http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=872311-6) (дата обращения 18.02.2017).

О ВОЗМОЖНОСТИ УЧАСТИЯ АДВОКАТА В ГЛАСНЫХ И НЕГЛАСНЫХ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЯХ

Семенцов В. А.,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного процесса
Кубанского государственного университета

Ключевые слова: адвокат, правовые позиции, оперативно-розыскная деятельность, гласные и негласные мероприятия.

Аннотация: На основе правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации по вопросу участия адвоката в гласных и негласных оперативно-розыскных мероприятиях сделан вывод о допустимости участия адвоката в гласных оперативных мероприятиях. Подчеркивается объективная

невозможность легально обеспечить реализацию права доверителя на получение квалифицированной юридической помощи при негласных оперативно-розыскных мероприятиях.

Keywords: lawyer, legal positions, operational-search activity, public and secret events.

The summary: On the basis of the legal positions of the constitutional Court of the Russian Federation on the participation of a lawyer in the public and secret operational-search activities concluded on the admissibility of the participation of a lawyer in the public operational activities. The objective impossibility to legally ensure the implementation of the right of the principal to receive qualified legal assistance in case of secret operational-search activities is emphasized.

В современной научной литературе высказываются различные суждения по вопросу об участии адвоката в проведении оперативно-розыскных мероприятий, несмотря на то, что Федеральный закон от 31 мая 2002 г. «Об адвокатской деятельности и адвокатуре»¹, Федеральный закон от 12 августа 1995 г. «Об оперативно-розыскной деятельности»² (далее – Закон об ОРД) и Кодекс профессиональной этики адвоката³ запрещают сотрудничество адвокатов с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность.

Есть мнение, что такое участие вполне возможно. Так, Г.Б. Болежанова и А.С. Малахов считают, что сотрудники оперативных подразделений не должны препятствовать участию адвоката-защитника в гласных оперативно-розыскных мероприятиях – «опросе» и «обследовании», хотя подчеркивают, что правовые основания для этого отсутствуют⁴.

А.В. Чуркин не видит препятствий к участию защитника в гласных оперативно-розыскных мероприятиях: опросе, сборе образцов для сравнительного исследования, исследовании предметов и документов, обследовании помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств, проверочных закупок, контролируемых поставок и оперативного эксперимента⁵, и предлагает дополнить Закон об ОРД ст. 5.1 «Участие защитника в гласных оперативно-розыскных мероприятиях»⁶.

А вот комиссия Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по этике и стандартам в своем разъяснении от 28 января 2016 г. № 01/16 констатирует, что участие адвоката в оперативно-розыскной деятельности допускается только в случае наличия крайней необходимости, когда столкнулся с угрозой причинения вреда своему доверителю, либо угрозой совершения преступных действий в отношении самого адвоката и его близких родственников. В то же время адвокат, участвуя в оперативно-розыскных мероприятиях, не может руководствоваться желанием помочь государству в деле борьбы с преступностью, поскольку институт адвокатуры такой цели не преследует, а создан исключительно для ока-

зания профессиональной юридической помощи⁷.

Здесь необходимо уточнить, что оперативно-розыскная деятельность осуществляется гласно и негласно, причем негласный характер присущ большей ее части в силу специфики деятельности, основанной, как предписывается в ст. 3 Закона об ОРД, «на принципах конспирации, сочетания гласных и негласных методов и средств». Более того, «оперативно-розыскная деятельность... объективно невозможна без значительной степени секретности»⁸.

В связи с этим обратимся к решениям Конституционного Суда Российской Федерации по вопросу участия адвоката в проведении гласных и негласных оперативно-розыскных мероприятий. Если это гласные оперативно-розыскные мероприятия, то правовую позицию Конституционного Суда об участии адвоката в их проведении проиллюстрируем двумя определениями:

1) от 20 декабря 2005 г., в котором отмечено, что право на доступ к адвокату должно быть обеспечено лицу при проведении его оперативно-розыскного опроса, который направлен на выявление фактов и обстоятельств, уличающих данного гражданина в совершении преступления⁹;

2) от 15 ноября 2007 г., где указано, что не может служить основанием для отказа лицу в удовлетворении ходатайства о предоставлении защитника по возбужденному уголовному делу только потому, что проводимые с его участием действия осуществлялись не как уголовно-процессуальные, а как оперативно-розыскные¹⁰.

Тем самым Конституционным Судом констатируется обязанность органов, осуществляющих гласные оперативно-розыскные мероприятия, обеспечить лицу, в отношении которого осуществляется деятельность по изобличению в преступлении, право на доступ к адвокату.

Следует также иметь в виду, что еще 27 июня 2000 г. проблема отказа заявителю в праве на доступ к адвокату стала предметом рассмотрения Конституционного Суда по делу

В.И. Маслова, итог которого – признание того факта, что направленная против конкретного лица обвинительная деятельность может подтверждаться не только актом возбуждения уголовного дела и проведением следственных действий, но и иными мерами, предпринимаемыми в целях его изобличения или свидетельствующими о наличии подозрения против него, а поэтому заподозренному лицу должна быть безотлагательно предоставлена возможность обратиться за помощью к адвокату¹¹.

Совершенно очевидно, что постановление Конституционного Суда по делу В.И. Маслова было взято законодателем за основу при изменении 4 марта 2013 г. редакции п. 6 ч. 3 ст. 49 и ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ, с закреплением там возможности воспользоваться услугами адвоката с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении.

Базируясь на исследованных положениях закона и правовых позициях Конституционного Суда можно сделать вывод о том, что получение квалифицированной юридической помощи адвоката гарантируется: *во-первых*, с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих конституционные права и свободы, т. е. уже при проверке сообщения о преступлении; *во-вторых*, независимо от формального процессуального статуса лица, которому эта помощь необходима; *в-третьих*, при проведении гласных оперативно-розыскных мероприятий по материалам проверки сообщения о преступлении и при расследовании уголовного дела.

Следовательно, участие адвоката возможно не только при осуществлении уголовно-процессуальных действий, но и наряду с ними гласных оперативно-розыскных действий, имеющих общим своим назначением защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений. Поэтому заслуживает внимания предложение Ю.Б. Чупилкина о закреплении в Законе об ОРД правового статуса заподозренного лица, подвергнутого оперативно-розыскному преследованию, с наделением его правом на помощь адвоката в ходе гласных оперативно-розыскных мероприятий¹².

Однако участие адвоката в гласных оперативно-розыскных мероприятиях связано с необходимостью соблюдения определенных условий, а именно:

1) доверителю должно быть известно о существующем законодательном запрете на

сотрудничество адвоката с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность;

2) когда без участия адвоката не представляется возможным защищать интересы доверителя на безконтрактной основе с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность;

3) если в проведении оперативно-розыскных мероприятиях лично участвует доверитель, либо в случае угрозы совершения преступления в отношении самого адвоката или членов его семьи.

Что касается негласных оперативно-розыскных мероприятий, то правовая позиция Конституционного Суда об участии адвоката в их проведении выражена иначе.

Так, в определении Конституционного Суда от 24 февраля 2005 г. № 4-О разъяснено, что требование обеспечения права на помощь адвоката (защитника) не может быть распространено на случаи проведения в отношении лица оперативно-розыскного мероприятия, подготавливаемого в условиях секретности, что исключает как предоставление лицу, в отношении которого оно проводится, возможности свободно выбрать себе адвоката, так и привлечение адвоката к участию в оперативно-розыском мероприятии органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность¹³.

В определении Конституционного Суда от 21 апреля 2011 г. указано, что Законом об ОРД не регламентируется порядок уголовного судопроизводства, а соответственно, и правовое положение подозреваемого, обвиняемого. В связи с этим, а также в силу преимущественно негласного характера и безотлагательности проводимых оперативно-розыскных мероприятий Закон об ОРД не предусматривает участия в оперативно-розыскной деятельности адвоката¹⁴.

В результате приходим к выводу, что Конституционный Суд Российской Федерации отрицает возможность участия адвоката в проведении негласных оперативно-розыскных мероприятий.

Необходимо учитывать и то обстоятельство, что оперативно-розыскная деятельность зачастую предшествует уголовно-процессуальной деятельности, создавая предпосылки для ее осуществления, о чем свидетельствует перечень оснований для проведения оперативно-розыскных мероприятий, указанный в ст. 7 Закона об ОРД. Возможность проведения оперативно-розыскных мероприятий до начала осуществления процессуальных

действий имеет принципиальное значение, позволяя осуществляющим их органам оперативным путем получать и проверять информацию о преступлении. Но опять же требуется разрешение вопроса об участии адвоката в проведении оперативно-розыскных мероприятий до начала уголовно-процессуальной деятельности, для чего вновь обратимся к правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации.

«Право на получение квалифицированной юридической помощи адвоката, – подчеркивается в определении от 9 июня 2005 г., – гарантируется любому лицу..., в отношении которого проводятся оперативно-розыскные мероприятия в связи с подозрением его в причастности к подготовке или совершению преступления», но при условии «обеспечения режима секретности, соблюдения требований оперативности и конспиративности»¹⁵. Об этом же условии, исключающем возможность воспользоваться квалифицированной юридической помощью адвоката при проведении негласных оперативно-розыскных мероприятий, указывается в определении от 27 июня 2017 г.¹⁶

Получается, что на этапе, предшествующем уголовно-процессуальной деятельности, также возможно участие адвоката, оказывающего квалифицированную юридическую помощь доверителю, но исключительно в рамках гласных оперативно-розыскных мероприятий, не требующих соблюдения конспирации и засекречивания сведений в области оперативно-розыскной деятельности.

И последнее – о правовых последствиях проведения негласных оперативно-розыскных мероприятий в отношении лица, заподозренного в причастности к преступлению, без реализации им права на получение квалифицированной юридической помощи адвоката. Объективная невозможность легально обеспечить это конституционное право при негласных оперативно-розыскных мероприятиях определяет единственное значение для сферы уголовного судопроизводства полученных данных, как ориентирующей информации, предназначенной для выдвижения версий, планирования расследования, определения очередности производства следственных и иных процессуальных действий, исключая иную их процессуальную ценность.

Основываясь на изложенном подведем итог исследованию вопроса об участии адвоката в гласных и негласных оперативно-розыскных мероприятиях.

1. До начала уголовно-процессуальной деятельности и в ходе ее осуществления допускается проведение гласных оперативно-розыскных мероприятий, не требующих соблюдения конспирации и засекречивания сведений в области оперативно-розыскной деятельности, с участием адвоката в интересах его доверителя, либо в случае угрозы совершения преступления в отношении самого адвоката или членов его семьи.

2. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации свидетельствуют об отрицании права доверителя на участие адвоката в проведении негласных оперативно-розыскных мероприятий. Объективная невозможность легально обеспечить реализацию права доверителя на получение квалифицированной юридической помощи адвоката при негласных оперативно-розыскных мероприятиях определяет единственное значение для сферы уголовного судопроизводства полученных данных, как ориентирующей информации.

¹ Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ (с изм. от 29 июля 2017 г. № 269-ФЗ) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 23. Ст. 2102.

² Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (с изм. от 6 июля 2016 г. № 374-ФЗ) «Об оперативно-розыскной деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 33. Ст. 3349.

³ Кодекс профессиональной этики адвоката (принят I Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 г.) (в ред. от 20 апреля 2017 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Болежанова Г.Б., Малахов А.С. Участие адвоката в проведении оперативно-розыскных мероприятий // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2013. № 10. С. 313–314.

⁵ Чуркин А.В. Участие защитника в оперативно-розыскной деятельности // Оперативник (сыщик). 2009. № 2 (19). С. 24–26.

⁶ Чуркин А.В. Участие адвоката в оперативно-розыскной деятельности требует законодательного решения // Адвокат. 2014. № 5. С. 17–18.

⁷ Разъяснение Федеральной палаты адвокатов от 28 января 2016 г. № 01/16, протокол № 3 «По вопросам применения п. 3.1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката» // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 1998 г. № 86-О «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона "Об оперативно-розыскной деятельности" по жалобе гражданки

И.Г. Черновой» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 1998. № 6.

⁹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2005 г. № 473-О «По делу об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Корчагина Алексея Юрьевича на нарушение его конституционных прав положениями Федерального закона "Об оперативно-розыскной деятельности"» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2007 г. № 924-О-О «По жалобе гражданина Козлова Дмитрия Борисовича на нарушение его конституционных прав пунктом 13 части четвертой статьи 47, пунктом 1 части второй статьи 75, частью первой статьи 285 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и пунктом 1 части первой статьи 6 Федерального закона "Об оперативно-розыскной деятельности"» // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 27. Ст. 2882.

¹² Чупилкин Ю.Б. Участие адвоката в оперативно-розыскных мероприятиях // Уголовный процесс. 2017. № 6. С. 39-40.

¹³ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 г. № 4-О «По делу об отказе в принятии к рассмотрению

жалобы гражданина Мотякова Тимофея Михайловича на нарушение его конституционных прав положениями статей 6 и 15 Федерального закона "Об оперативно-розыскной деятельности", статей 8, 41 и 47 Федерального закона "О наркотических средствах и психотропных веществах"» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21 апреля 2011 г. № 580-О-О «По делу об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Панова Юрия Георгиевича на нарушение его конституционных прав статьей 6 Федерального закона "Об оперативно-розыскной деятельности"» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 9 июня 2005 г. № 327-О «По жалобе гражданина Чукова Анзаура Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями пунктов 1 и 3 части первой статьи 6 и подпункта 1 пункта 2 части первой статьи 7 Федерального закона "Об оперативно-розыскной деятельности"» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2017 г. № 1419-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Козлова Дмитрия Юрьевича на нарушение его конституционных прав пунктом 8 части первой статьи 6 Федерального закона "Об оперативно-розыскной деятельности", а также пунктом 15 статьи 5, частью третьей статьи 46 и частью первой статьи 285 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

ХОДАТАЙСТВА УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Ульянов В. Г.,

*д.ю.н., профессор кафедры уголовного процесса КубГУ,
Заслуженный юрист РФ, Почетный работник прокуратуры РФ*

Ключевые слова: участники уголовного процесса, рассмотрение ходатайств следователем, предметы и документы, свойства и критерии доказательств, совершенствование закона.

Аннотация: В статье рассматриваются причины складывающегося обвинительного уклона в уголовном процессе. Анализируются законоположения ст. 159 УПК РФ, которые позволяют лицам, производящим дознание и предварительное следствие необоснованно отказывать участникам процесса в удовлетворении заявленных ходатайств. На основе текущей судебной статистики рассмотрения ходатайств в судах в порядке ст. 125 УПК РФ и личного практического опыта автор предлагает внести в уголовно-процессуальный закон дополнения, направленное на повышении эффективности исследуемого института права.

Keywords: participants of criminal trial, consideration of petitions by the investigator, objects and documents, properties and criteria of proofs, improvement of the law.

The summary: In article the reasons of the developing accusatory bias in criminal trial are considered. Statutes of Art. 159 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation which allow the persons holding inquiry and preliminary investigation to dismiss unreasonably to participants of process the stated petitions are analyzed. On the basis of the current judicial statistics of consideration of petitions in courts as it should be sch.125 the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation and personal practical experience the author suggests to make additions to the criminal procedure law. directed on increase in efficiency of the studied institute of the right.

Анализ следственной и судебной практики, статистических данных свидетельствует о нарастающей тенденции обвинительного уклона в уголовном судопроизводстве, особенно проявляющейся на досудебных стадиях процесса.

Причин тому множество. В настоящей статье позволю себе остановиться лишь на одной из проблем, как мне представляется, порождающей этот самый обвинительный уклон при производстве дознания и предварительного следствия.

Речь пойдет об эффективности применения института ходатайств участников уголовного процесса и прежде всего обязательности рассмотрения этих ходатайств дознавателями, следователями (ст.159 УПК РФ). Анализ терминологии и законодательной техники изложения положений ст. 159 УПК РФ свидетельствует о противоречивости законоположений, определенной нелогичности отдельных формулировок, которые непосредственно влияют на практику правоприменения указанной нормы закона.

Так, согласно п.2.2 части второй ст. 159 УПК РФ «лицам указанным в части второй настоящей статьи, не может быть отказано в приобщении к материалам уголовного дела доказательств, в том числе заключений специалистов, если обстоятельства, об установлении которых они ходатайствуют, имеют значение для данного дела и подтверждаются этими доказательствами». В части же второй исследуемой нормы закона к лицам, которым не может быть отказано в представлении доказательств, закон относит – подозреваемого, обвиняемого, их защитника, а также потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и их представителя.

Но возникает вопрос – откуда у указанных лиц могут взяться эти самые доказательства, в приобщении которых к материалам уголовного дела дознавателем и следователем им не может быть отказано (п.2.2 ч.2 ст.159 УПК РФ)? Ведь закон в ст. 86 УПК РФ привел исчерпывающий перечень субъектов доказывания, то есть тех, кто может собирать доказа-

тельства путем производства следственных и иных процессуальных действий. Это дознаватель, следователь, прокурор и суд. (ч.1 ст. 86 УПК РФ). В части второй ст.86 УПК РФ законодатель уже повествует о том, что подозреваемый, обвиняемый, гражданский истец и гражданский ответчик вправе собирать и представлять не доказательства, а лишь документы и предметы для приобщения их к материалам уголовного дела в качестве доказательства.

А вот отвечают ли представленные, указанными участниками уголовного процесса, документы и предметы критериям и требованиям, предъявляемым ст.ст. 74,75 УПК РФ к доказательствам, решает на свое усмотрение дознаватель, следователь. Не секрет, что в силу задач, стоящих перед каждым дознавателем и следователем, не взирая на положения ст.6 УПК РФ, усмотрение лиц производящих дознание и расследование, как правило, субъективное и носит обвинительный уклон.

Следовательно, фактически подозреваемый, обвиняемый, их защитник, потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик и их представитель вправе представлять документы и предметы, которые в случае их относимости, допустимости могут стать вещественными доказательствами после их осмотра и вынесения соответствующего постановления лицом производящим расследование в порядке ч.2 ст.81 УПК РФ. А значит каких-либо других доказательств, предусмотренных законом вышеуказанные участники процесса представлять не вправе, а наделены полномочиями только заявлять ходатайства о проведении тех или иных следственных действий с целью получения «искомых» для каждой стороны процесса доказательств.

Я не призываю к расширению полномочий участников процесса по собиранию доказательств. Это весьма специфическая процессуальная деятельность, которую осуществляют только уполномоченные государством должностные лица, наделенные законом широкими правами и корреспондирующими им обязанностями. Мне хотелось бы обратить внимание на порочную практику не исполнения дознава-

телями и следователями положений ч.2 ст. 159. Несмотря на императивный характер нормы «...не может быть отказано в допросе свидетелей, производстве судебной экспертизы и других следственных действий, если обстоятельства об установлении которых они ходатайствуют, имеет значение для дела». Какие обстоятельства имеют значение для каждого уголовного дела, в общем то, всегда известны и они изложены в ст. 73 УПК РФ «Предмет доказывания». Но вот определять имеет значение для дела допрос того или иного свидетеля или производство экспертизы (о чем ходатайствуют перечисленные участники уголовного процесса) законом возложено на дознавателя и следователя.

К большому сожалению не фиксируется официально в отчетах статистика рассмотрения ходатайств участников уголовного процесса дознавателями и следователями. Это можно увидеть только при исследовании уже оконченных производством или рассмотренных судом уголовных дел. Но косвенно, о проблеме практически повального отказа в удовлетворении ходатайств участникам уголовного процесса, свидетельствует официальная статистика обжалования действий и решений в порядке ст. 125 УПК РФ.

Но и здесь, как мне представляется, складывается весьма странная картина. Так в 2016 году поступило в суды Российской Федерации жалоб в порядке ст. 125 УПК - 127 086. Удовлетворено – 6 369, отказано в удовлетворении – 29 917. Отказано в принятии к производству, возвращено или прекращено – 90 800. За 2017 год аналогично – окончено производством 121 828 жалобы, удовлетворено – 5 898, отказано в удовлетворении – 23 693, отказано в принятии, возвращено или прекращено – 92 237¹.

Станным мне представляется то обстоятельство, что практически 70 % поступающих в суды жалоб на действия и решения лиц, производящих расследование не рассматриваются по существу вообще. Почему они возвращаются или прекращаются в таком несоизмеримо большом количестве однозначного понимания и ответа нет.

В то же время, большая часть жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ поступает в суд после необоснованных, а зачастую, и незаконных отказов в удовлетворении заявленных участниками уголовного процесса ходатайств в порядке ст.159 УПК РФ.

Такой отказ возможен лишь в случаях, когда соответствующее доказательство не имеет отношения к уголовному делу (об отно-

симости см. ком. к ч. 1 ст. 74), когда доказательство является недопустимым либо когда обстоятельства, которые призвано подтвердить указанное в ходатайстве стороны доказательство, уже установлены на основе достаточной совокупности других доказательств, в связи с чем исследование еще одного доказательства с позиций принципа разумности оказывается избыточным (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21.12.2004 N 467-О и определение Конституционного Суда РФ от 16.10.2007 N 700-О-О). Однако сама по себе достаточность, с точки зрения следователя, уже собранных по делу доказательств и имеющиеся у него сомнения в достоверности истребуемых стороной доказательств не являются основанием для отказа в удовлетворении ходатайства по той простой причине, что заявитель ходатайства может стремиться не только к подтверждению, но и к опровержению ранее выясненных следователем обстоятельств, а вопрос о достоверности может быть решен лишь в процессе исследования уже полученного доказательства. В силу принципа равенства сторон следователь как представитель стороны обвинения не может и не должен решать за противоположную сторону защиты, какими доказательствами она будет подтверждать свою позицию по делу. Если обвинитель, будучи процессуальным противником стороны защиты, наделялся бы правом решать, каким оружием последняя будет с ним сражаться, он бы, естественно, постарался, чтобы это оружие было как можно слабее.

Закрепляя в пункте 3 части второй статьи 38 УПК Российской Федерации полномочие следователя самостоятельно направлять ход расследования, принимать решение о производстве следственных и иных процессуальных действий, законодатель вместе с тем не исключает необходимость выполнения следователем в процессе уголовного преследования всего комплекса предусмотренных уголовно-процессуальным законом, в частности статьями 7, 11, 14 и 16 УПК Российской Федерации, мер по охране прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29 июня 2004 года № 13-П, определения Конституционного Суда Российской Федерации от 24 января 2008 года № 63-О-О, от 29 сентября 2011 года № 1190-О-О, от 25 января 2012 года № 173-О-О и от 17 июня 2013 года № 933-О)².

Однако указанное законоположение не может рассматриваться как позволяющее произвольно отклонять ходатайства стороны за-

щиты о приобщении к уголовному делу доказательств (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 25 января 2012 года № 27-О-О)³.

При этом уголовно-процессуальный закон (часть вторая статьи 159 и статья 274 УПК Российской Федерации) исключает возможность произвольного отказа как в получении доказательств, о которых ходатайствует сторона защиты, так и в приобщении к материалам уголовного дела и исследовании представленных ею доказательств. Такой отказ возможен лишь в случаях, когда доказательство не имеет отношения к уголовному делу и не способно подтверждать обстоятельства, подлежащие установлению при производстве по уголовному делу. Принимаемое при этом решение во всяком случае должно быть обосновано ссылками на конкретные доводы, подтверждающие неприемлемость соответствующего доказательства (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2004 года № 467-О, от 4 апреля 2006 года № 100-О и от 19 июня 2012 года № 1063-О)⁴.

Если же лицо производящее дознание или предварительное следствие по мнению участников уголовного процесса необоснованно отказало им в удовлетворении заявленных ходатайств в порядке ст. 119 УПК РФ, то можно обжаловать решения и действия дознавателя, следователя, прокурора в суд в порядке ст. 125 УПК РФ.

Согласно части первой статьи 125 УПК Российской Федерации постановления дознавателя, следователя, руководителя следственного органа об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовного дела, а равно иные решения и действия (бездействие) дознавателя, следователя, руководителя следственного органа и прокурора, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию, могут быть обжалованы в районный суд по месту совершения деяния, содержащего признаки преступления.

А складывающееся положение дел (смотрите приведенную статистику судебного департамента при Верховном суде РФ) с рассмотрением в судах страны жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ формирует в определенной степени «замкнутый круг».

Ведь как указал Конституционный Суд Российской Федерации еще в 1999 г. (в Постановлении от 23 марта 1999 года № 5-П), законность и обоснованность действий и реше-

ний органов предварительного расследования, имевших место в ходе досудебного производства, по общему правилу, проверяется судом, в том числе по жалобам участников уголовного судопроизводства и других заинтересованных лиц, в рамках судебного производства по уголовному делу после передачи в суд его материалов с обвинительным заключением; в случаях же, когда действия и решения органов предварительного расследования порождают последствия, выходящие за рамки собственно уголовно-процессуальных отношений, существенно ограничивая при этом конституционные права и свободы личности, восстановление которых по прошествии времени может оказаться невозможным, судебный контроль за их законностью и обоснованностью должен осуществляться по жалобам заинтересованных лиц незамедлительно (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 18 октября 2012 года № 1888-О, от 23 апреля 2013 года № 549-О, от 17 июня 2013 года № 987-О и др.).

Решение же следователя об отказе в удовлетворении ходатайства защитника о приобщении заключения специалиста к материалам уголовного дела в качестве доказательства, не выходящее за пределы уголовно-процессуальных отношений, не может признаваться затрудняющим доступ граждан к правосудию, поскольку сторона защиты не лишена права заявить такое ходатайство при разбирательстве уголовного дела в суде первой инстанции (статьи 271 и 291 УПК Российской Федерации). Лицо, которому судом отказано в удовлетворении ходатайства, вправе заявить его вновь в ходе дальнейшего судебного разбирательства; при этом суд не вправе отказать в удовлетворении ходатайства о допросе в судебном заседании лица в качестве свидетеля или специалиста, явившегося в суд по инициативе сторон (части третья и четвертая статьи 271 УПК Российской Федерации).

В последние годы по проблемам, так или иначе связанным с ходатайствами и жалобами в досудебном производстве, были защищены кандидатские и докторские диссертации С.А. Волковым, В.Н. Галузо, Л.В. Головкин, В.М. Лебедевым, И.З. Федоровым, Г.П. Химичевой, О.В. Химичевой, О.И. Цоколовой, З.Т. Чеджемовым, В.С. Шадриним, О.А. Шварц, В.А. Яблоковым и др. На мой взгляд наибольший интерес для теории и практики уголовного процесса представляют результаты исследования Максимова О.А., изложенные автором в кандидатской диссертации «Правовой институт ходатайств и жалоб на досудеб-

ных стадиях уголовного процесса РФ как способ защиты прав граждан»⁵

Опираясь на свой личный опыт работы в должностях следователя и прокурора могу с уверенностью утверждать, что в недавнем прошлом надзирающие за следствием прокуроры самым тщательным образом следили за законностью и обоснованностью вынесенных постановлений об отказе в удовлетворении заявленных ходатайств. Как правило, с изучения заявленных ходатайств стороной защиты и другими участниками процесса начиналось изучение уголовного дела, поступившего к прокурору с обвинительным заключением. Нередко, уголовные дела возвращались прокурором на дополнительное расследование именно с целью восполнения пробелов предварительного следствия и повторного рассмотрения заявленных ходатайств участниками процесса.

В этой связи, полагал бы с целью усиления процессуального контроля и прокурорского надзора на досудебных стадиях уголовного процесса необходимо внести в ст.159 УПК РФ дополнение содержащее требование вынесе-

ния постановления об отказе в удовлетворении заявленных ходатайств участниками процесса только с согласия руководителя подразделения органа предварительного расследования. Уверен, что указанная новелла ограничит следователя в принятии субъективных процессуальных решений, способствует реализации прав и интересов участников уголовного процесса, и как следствие – повысит качество расследуемых дел. Одновременно, как мне представляется, это «разгрузит» судебное следствие от рассмотрения тех же ходатайств, в удовлетворении которых участникам уголовного процесса было отказано на досудебных стадиях уголовного процесса.

¹ <https://www.cdep.ru>

² <https://www.ksrf.ru>

³ см. там же

⁴ <http://www.ksrf.ru>

⁵ <http://www.dissercat.com/content/pravovoi-institut-khodataistv-i-zhalob-na-dosudebnykh-stadiyakh-ugolovnogo-protsessa-rossiis>

О НЕОБХОДИМОСТИ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ЭЛЕКТРОННОГО ДОКУМЕНТООБОРОТА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Долгов А.М.,

к. ю. н., доцент кафедры уголовного процесса

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Ключевые слова: уголовное дело, предварительное расследование, предварительное следствие, дознание, электронный документооборот.

Аннотация: Статья посвящена исследованию вопросов электронного документооборота при производстве предварительного расследования по уголовному делу. Предлагается внести изменения в действующее законодательство

Keywords: criminal case, preliminary investigation, preliminary investigation, inquiry, electronic document flow.

The summary: The article is devoted to the study of electronic document management in the preliminary investigation of a criminal case. It is proposed to amend the current legislation.

Можно с полной уверенностью сказать о том, что 21 век – это век цифровых технологий. Это находит свое подтверждение в различных областях общественной жизни. Так,

для граждан в настоящий момент достижимо, не выходя из дома и имея в своем пользовании компьютер, подключённый к сети Интернет, оплачивать различные виды платежей, приобре-

ретать товары и услуги, полноценно общаться посредством видеосвязи, то есть, в целом, они обладают широким кругом коммуникативных возможностей.

Такое достаточно широкое развитие цифровых технологий не могло не затронуть и взаимоотношений гражданина и государства, в лице его органов власти.

Так, все шире и шире применяется в повседневной деятельности порядок получения государственных услуг с использованием сети Интернет, посредством использования портала Госуслуг. Значительное количество государственных органов оказывают государственные услуги с использованием электронного документооборота.

В этой связи и в сфере уголовного судопроизводства произошли некоторые изменения законодательства.

Федеральным законом от 23.06.2016 №220-ФЗ в УПК РФ введена норма, регламентирующая порядок использования электронных документов в уголовном судопроизводстве. Однако, указанная правовая норма предусматривает возможность использования в уголовном судопроизводстве электронного документооборота только лишь на судебных стадиях, что, как мы считаем, не совсем оправдано.

Действительно, в настоящий момент отсутствует практическая возможность применения электронного документооборота в досудебных стадиях уголовного судопроизводства. Ни правоохранительные органы, осуществляющие уголовное преследование, ни вовлекаемые участники уголовного судопроизводства, не готовы к внедрению в уголовный процесс полноценного электронного документооборота по уголовному делу, при котором уголовное дело представляло бы собой не какое-то количество томов, а хранилось бы в виде электронных документов на электронном цифровом носителе, либо в облачном хранилище.

Бесспорно, что в таком виде электронное уголовное дело обладает рядом преимуществ перед уголовным делом, выполненным на бумажном носителе.

Приведем только лишь некоторые из них.

В случае составления документов по уголовному делу в электронном виде и хранении их на цифровом носителе отпадают какие-либо возможные сомнения в дате и времени составления документов, так как, при наличии специальной технической возможности, исходя из названия и сведений о файле, достоверно

идентифицируются дата, время составления и автор файла.

Объем, занимаемый уголовным делом, хранимым на цифровом носителе, неизмеримо мал по сравнению с уголовным делом, выполненным на бумажном носителе. Данное преимущество принимает особенную значимость по отношению к многоэпизодным уголовным делам, или делам, по которым производился ряд судебных экспертиз, объем которых зачастую составляет десятки томов бумаги по 250 листов в каждом томе.

Нельзя не согласиться с точкой зрения профессора О.В. Гладышевой, которая считает, что «Для упрощения процедуры следственных действий существует неиспользуемый внутренний ресурс, а именно внедрение необходимых технических средств, способных упростить и ускорить их производство»¹.

Возможность удаленного ознакомления с материалами уголовного дела, либо его отдельными процессуальными документами, выполненными в электронном виде, для лиц, имеющих процессуальное право на такое ознакомление и фактический удаленный доступ к цифровому носителю.

Процессуальный контроль и прокурорский надзор за производством предварительного расследования по уголовному делу руководителем следственного органа (в т.ч. вышестоящим), а также прокурором, осуществляющим надзор за соблюдением законности при расследовании уголовного дела как в форме предварительного следствия, так и в форме дознания, в режиме «он-лайн», который включает в себя возможность оперативного вынесения процессуального документа руководителем следственного органа либо акта прокурорского реагирования надзирающим прокурором, а также незамедлительное уведомление следователя о вынесении указанных документов, что, в свою очередь, сказывается на эффективности деятельности указанных должностных лиц. По совершенно справедливому мнению Х.М. Лукожева, «повышение эффективности деятельности органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование, – важнейшая задача государства»².

Принесение участниками уголовного судопроизводства (потерпевшим, его представителями, подозреваемым, обвиняемым, защитником и др. лицами) ходатайств и жалоб в электронном виде, предполагает рассмотрение, вынесение процессуальных документов по результатам их рассмотрения и направление вынесенных процессуальных документов заинтересованным лицам также в электронном виде

и посредством сети Интернет, что, в свою очередь, гарантирует соблюдение прав участников уголовного процесса на своевременное рассмотрение их ходатайств и жалоб в сроки, регламентированные процессуальным законодательством, а также практически незамедлительное уведомление о принятом решении.

Так, профессор В.А. Семенцов полагает, что требование своевременности принятия должно предъявляться к уголовно-процессуальным решениям наряду с требованиями законности, обоснованности, мотивированности и справедливости³.

По нашему мнению, введение полноценного электронного документооборота при расследовании уголовного дела это вопрос лишь времени. Между тем, одной из реальных проблем, препятствующих развитию указанных новшеств в уголовный процесс, является правовая нерегламентированность электронного документооборота как на стадии возбуждения уголовного дела, так и на стадии производства предварительного расследования.

Необходима научная проработка возможности правовой регламентации электронного документооборота в досудебном уголовном процессе России, при этом необходимо иметь ввиду, что «уголовно-процессуальный закон должен соответствовать специальным критериям справедливости... . Современные средства обеспечения законности и справедливости уголовно-процессуальной деятельности должны оставаться важнейшим направлением изысканий в современной уголовно-процессуальной науке»⁴.

Разработка проблемы правовой регламентации электронного документооборота в досудебных стадиях уголовного процесса России обладает как фундаментальным, так и прикладным значением.

С точки зрения теории уголовного процесса до настоящего времени концептуально не рассматривались и не обсуждались вопросы электронного документооборота на стадии возбуждения уголовного дела и на стадии предварительного расследования. Документирование осуществления уголовного преследования в электронной форме способно как существенно упростить деятельность правоприменительных органов, так и с высокой степенью защитить права участников уголовного процесса. Однако разработка правовой регламентации возможности производства уголовного преследования с использованием «электронного уголовного дела» порождает множество серьезных аспектов, требующих новых научных знаний и уточнения существующих.

В прикладном плане требуют соответствующей детальной проработки вопросы электронной фиксации производства процессуальных и следственных действий, приобщения полученных электронных документов к материалам «электронного уголовного дела», создания реестра «электронных уголовных дел» и материалов проверок сообщений о преступлениях, производимых и документируемых в электронном виде и многие другие.

Теоретическая значимость результатов такого исследования, обеспечит развитие нового научного направления в науке уголовного процесса – «Электронное уголовное дело».

Практическая значимость состоит в оптимизации и совершенствовании уголовно-процессуального законодательства, в расширении потенциала практической правоприменительной деятельности, в научном обосновании новейших средств уголовно-процессуальных средств правообеспечения.

Для судебной, прокурорской и следственной практики насущной является потребность в выработке научно обоснованных рекомендаций по применению особых правил производства по уголовным делам в условиях качественного умножения и количественного расширения цифровых технологий.

Для адвокатской практики, направленной на защиту прав и интересов участников уголовного судопроизводства, необходимо выработать новые правила осуществления полномочий защитника с использованием функционала электронного документооборота между адвокатом – защитником и должностными лицами, а также органами, осуществляющими уголовное преследование.

Таким образом, в качестве итогов данного исследования необходимо отметить исключительную важность правовой регламентации электронного документооборота на досудебных стадиях уголовного процесса, которая позволит в более полной мере реализовать назначение уголовного судопроизводства, обозначенное законодателем в УПК РФ.

¹ Гладышева О.В. Об упрощении уголовного судопроизводства, следственных и иных процессуальных действий. Юридический вестник Самарского университета. 2017. Том 3. № 4. С. 109.

² Лукожев Х.М. Координирующий прокурор в уголовном судопроизводстве//Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной деятельности и национальной безопасности: сб. науч. ст./под общ.

и науч. ред. О.В. Гладышевой, В.А. Семенцова. Краснодар, Просвещение, 2016. С. 53.

³ Семенцов В.А. Своевременность процессуальных решений по уголовному делу. LEX RUSSICA. 2011. № 6. С. 1180.

⁴ Мельников В.Ю. Значение принципа справедливости//Справедливость и равенство в уголовном судопроизводстве: Сборник статей по материалам всероссийской научно-практической конференции: В 2-х частях. Сост.: Калиновский К.Б., Запляпин Л.А. С.-Петербург. 2016. С.139.

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НОТАРИАЛЬНОЙ ТАЙНЫ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Лагодина Е. И.,

к. ю. н, доцент, заслуженный юрист Кубани,

кафедра уголовного процесса ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Ключевые слова: нотариус, взаимодействие, нотариальная тайна, следователь, судебное решение.

Аннотация: Статья посвящена вопросам обеспечения нотариальной тайны в уголовном судопроизводстве. Рассмотрены коллизии норм Основ законодательства Российской Федерации о нотариате, Уголовно-процессуального Кодекса Российской Федерации и Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ». Предложены формы взаимодействия органов предварительного расследования и нотариата.

Keywords: notary, interaction, notarial secret, investigator, court decision.

The summary: The article is devoted to the issues of notarial secrecy in criminal proceedings. The article deals with the conflict of norms of the Russian Federation legislation On notaries, the code of Criminal procedure of the Russian Federation and the Federal law "on advocacy and advocacy in the Russian Federation". The forms of interaction between the preliminary investigation and the notary are proposed.

Нотариат представляет собой необходимую составную часть правовой системы любого государства, базирующегося на принципах правового государства, признания гражданского общества и представляет собой систему органов и должностных лиц, совершающих от имени Российской Федерации нотариальные действия в целях обеспечения защиты прав и законных интересов граждан и юридических лиц.

Роль нотариуса в защите конституционных прав предопределяется установленными законодательством принципами нотариальной деятельности. Важнейшим принципом нотариальной деятельности является тайна совершения нотариальных действий. Принцип обеспечения нотариальной тайны закреплен в статье 5 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате (далее Основы) в соответствии с которой нотариусу при исполнении

служебных обязанностей, лицу, замещающему временно отсутствующего нотариуса, а так же лицам, работающим в нотариальной конторе, запрещается разглашать сведения, оглашать документы, которые стали им известны в связи с совершением нотариальных действий, в том числе и после сложения полномочий или увольнения.

Специфика деятельности нотариуса такова, что ему приходится иметь дело с тайной частной жизни граждан или тайной коммерческой деятельности юридических лиц. Нотариус наделен правом принимать на хранение денежные средства или иное движимое имущество, может быть информирован о самых разных сторонах личной жизни граждан, их имущественном положении, распоряжении на случай смерти: о создании наследственных фондов, заключении наследственных договоров.

Сведения, которыми располагает нотариус, а так же подготовленные им в ходе своей деятельности документы, могут представлять интерес при расследовании уголовного дела. Причем, принимая во внимание особую доказательственную силу нотариальных актов в сфере гражданской юрисдикции, а так же высокий уровень использования информационных технологий нотариусом при совершении нотариальных действий (применение средств видеофиксации, регистрация всех нотариальных действий в Единой информационной системе нотариата, ведение электронных журналов регистрации входящей и исходящей корреспонденции) помощь нотариуса органам дознания и следствия была бы бесценна.

Вопрос о сотрудничестве нотариуса и дознания, следствия неоднократно был предметом научного исследования.

Так, О.В. Моисеева полагает, что сотрудничество нотариуса с органами заключается в представлении нужной информации (носителем которой он является); в качестве адресата представлений следователя об устранении обстоятельств, способствовавших совершению преступлений; свидетеля по уголовному делу; и, что самое впечатляющее, подозреваемого (обвиняемого)¹.

По мнению А.К. Шеметова, активно помощь нотариуса может осуществляться и при консультировании следователя, предоставлении справок различного рода, возможное участие его при производстве оперативно-розыскных мероприятий².

Если говорить об использовании нотариуса в качестве специалиста по уголовному делу, его помощь была бы необходима при расследовании уголовных дел, связанных с экономическими преступлениями, особенно в сфере недвижимости и корпоративных отношениях, поскольку нотариус сегодня наделен широкими полномочиями в этой области и, безусловно, является компетентным. Однако полагаем, что по делам, непосредственно связанным с исполнением обязанностей нотариуса, содержащего признаки преступления, в качестве специалиста по вопросам правомерности исполнения нотариальной процедуры должны быть привлечены специалисты нотариальной палаты соответствующего субъекта федерации.

Проблема состоит в том, что в законе нет подробной регламентации деятельности нотариуса, связанной с представлением сведений, составляющих нотариальную тайну и правил проведения оперативно-розыскных и

следственных действий конкретно в отношении нотариусов.

Сведения о совершенных нотариальных действиях могут выдаваться только лицам, от имени и по поручению которых совершены эти действия (пункт 3 статьи 5 Основ). Исключениями из этого правила являются случаи предоставления информации по требованию суда, прокуратуры, органов следствия в связи с находящимися в их производстве уголовными, гражданскими или административными делами, а так же по требованию судебных приставов-исполнителей в связи с находящимися в их производстве материалами по исполнению исполнительных документов.

При этом Основы не уполномочивают нотариуса выдавать указанным лицам документы, а лишь предоставлять информацию в виде справок.

Это противоречит целому ряду процессуальных норм.

Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» предоставил адвокатам право в целях оказания юридической помощи запрашивать от государственных и иных органов, общественных объединений, иных организаций различные документы, а на этих лиц возложил обязанность предоставлять данные документы или их заверенные копии. Однако это не согласуется с Основами, так как адвокат не включен в исчерпывающий перечень лиц, приведенный в ст. 5 Основ, которым такая информация может быть предоставлена.

Таким образом, адвокат только как поверенный по доверенности может получить от нотариуса сведения (документы) только о тех нотариальных действиях, которые совершены от имени его доверителя или по его поручению.

Нотариус, в свою очередь, обязан проверить полномочия адвоката: наличие у него адвокатского удостоверения, ордера адвокатского образования или доверенности.

Что касается сведений, то они могут исследоваться в виде свидетельских показаний по делу (ч. 1 ст. 56 УПК РФ). В этой связи так же имеются проблемы. Обратившись к законодательному регулированию отношений, связанных с деятельностью адвокатов, по некоторым основаниям имеющих схожий статус с нотариусом, занимающимся частной практикой, можно констатировать наличие практически сформированного правового режима охраны адвокатской тайны. Так, в соответствии со статьей 8 Федерального закона «Об адвокатской тайне», адвокат не может быть вызван и допрошен в качестве свидетеля об обстоятель-

ствах, ставших ему известными в связи с обращением к нему за юридической помощью или в связи с ее оказанием за исключением случаев, если о допросе в качестве свидетеля ходатайствует адвокат с согласия лица, которому он оказывал юридическую помощь; проведение оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий в отношении адвоката допускается только на основании судебного решения.

В Уголовно-процессуальном кодексе РФ так же содержатся положения о том, что адвокат не подлежит допросу об обстоятельствах, ставших ему известными в связи с обращением к нему за юридической помощью или в ходе оказания помощи (ст. 56).

Нотариус обладает свидетельским иммунитетом только на основании ст. 51 Конституции РФ и п. 1 ч. 4 ст. 65 УПК РФ, но не входит в перечень лиц, обладающих специальным профессиональным свидетельским иммунитетом (ч. 3 ст. 56 УПК), как, например, судьи, присяжные заседатели, адвокаты, священнослужители.

Возникает вопрос, как же быть с положениями ст. 16 Основ законодательства «О нотариате», согласно которым в случае возбуждения в отношении нотариуса уголовного дела в связи с совершением нотариального действия суд (и только он!) может освободить нотариуса от обязанности хранить в тайне сведения, которые стали ему известны при осуществлении его профессиональной деятельности.

Уголовно-процессуальный кодекс, устанавливая в статье 183 судебный порядок выемки документов, содержащих государственную или иную, охраняемую федеральным законом тайну на основании судебного решения, не содержит особых условий по порядку допроса нотариуса в качестве свидетеля по уголовному делу в связи с совершением им нотариального действия. В то же время допрос нотариуса о ставших ему известными обстоятельствах выступает одной из форм представления информации, составляющую нотариальную тайну.

Нотариус – лицо, исполняющее публично-правовые функции по защите прав и интересов граждан, на которого закон возложил не только обязанность хранить тайну совершения нотариальных действий, но и ответственность за нарушение этой тайны в виде возмещения причиненного ущерба (статья 17 Основ).

Статьи 5, 16 Основ законодательства РФ о нотариате, регулирующие вопросы сохранения нотариальной тайны, противоречат ст. 56

УПК РФ, но корреспондируются с ч. 1 ст. 23 и ч. 1 ст. 24 Конституции РФ, гарантирующих каждому право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну и запрет на использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия.

По мнению Федеральной нотариальной палаты, истребование у нотариусов сведений о совершенных нотариальных действиях, изъятии реестров для совершения нотариальных действий и иных документов, сформированных в процессе осуществления нотариальной деятельности, без судебного решения о производстве выемки является неправомерным³.

С указанным выводом согласился Следственный комитет Российской Федерации и рекомендовал должностным лицам ведомства, в целях обеспечения бесспорной легитимности доказательств, собираемых в ходе проверки сообщения о преступлении, придерживаться следующего порядка:

1. при истребовании документов, содержащих нотариальную тайну, их осмотре и изъятии (в ходе осмотра) должны соблюдаться предусмотренные УПК РФ основания и особые условия их производства (получение судебного разрешения);

2. нотариус, разрешая требование следователя о представлении документов, сформированных в процессе осуществления нотариальной деятельности (направленное ему в порядке части первой статьи 144 УПК РФ), вправе не представлять истребованные у него документы без судебного разрешения на их осмотр и изъятие;

3. нотариус, давая следователю объяснения, вправе не сообщать сведения о совершенных им нотариальных действиях без судебного разрешения на их разглашение;

4. следователь вправе осматривать и изымать (в ходе осмотра без судебного разрешения) добровольно представленные гражданами документы, содержащие сведения о совершенных с их участием нотариальных действиях, поскольку в этом случае права граждан не нарушаются⁴.

Проблемы сохранения конфиденциальности персональных данных являются сегодня весьма актуальными⁵, вопросы защиты гражданских прав на информацию являются наиболее проблемными⁶.

В связи с изложенным, учитывая особый статус нотариуса как лица, осуществляющего публично-правовые функции, полагаем необходимым рекомендовать законодателю внести изменения в УПК РФ, с тем, чтобы проведение

любых следственных действий в отношении нотариуса об обстоятельствах, ставших ему известными в связи с осуществлением профессиональной деятельности, осуществлялось только на основании судебного решения.

¹ Моисеева О.В. Особенности правового взаимодействия нотариата и органов уголовной юстиции // Вестник Московского университета МВД России. 2016. №7. С. 14-18.

² Шеметов А.К. Взаимодействие нотариуса и субъектов уголовного судопроизводства // Нотариус - научно-практическое и информационное издание. № 4/2018. С. 16-17.

³ Письмо Федеральной нотариальной палаты №1720/06-06 от 01.07.2014.

⁴ Информационное письмо Следственного комитета Российской Федерации «О порядке получения сведений о совершенных нотариальных действиях в ходе проверки сообщения о преступлении» №211-51098-14 от 30.12.2014.

⁵ Петрыкина Н.И. К вопросу о конфиденциальности персональных данных//Законы России: опыт, анализ, практика.-2007. №6. – С. 115.

⁶ Боташева Ф.Н. Коммерческая информация как объект гражданских прав: Автореф. дис. канд. юр. наук: 12.00.03 / Институт международного права, экономики, гуманитарных наук и управления им. К. В. Россинского.- Краснодар, 2003. – 25 с.

К ВОПРОСУ О НАЗНАЧЕНИИ И ИСПОЛНЕНИИ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ РАБОТ

Мамедов Р.Я.,

к.ю.н., доцент кафедры уголовного процесса

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Ключевые слова: принудительные работы, уголовное наказание, назначение и отбывание наказания, исправительные центры.

Аннотация: В работе автор рассматривает вопросы понятия и порядка назначения уголовного наказания в виде принудительных работ. Освещаются отдельные проблемы, возникающие на практике при назначении принудительных работ и их исполнении. Излагаются предложения для решения этих проблем.

Keywords: forced labor, criminal penalty, appointment and serving sentence, corrective centers.

The summary: In work the author considers questions of a concept and an order of criminal sentencing in the form of forced labor. The separate problems arising in practice at purpose of forced labor and their execution are covered. Offers for the solution of these problems are stated.

С 01.01.2017 года осужденным могут назначаться принудительные работы, при условии, что санкция соответствующей статьи Уголовного кодекса Российской Федерации предусматривает это наказание. Данный вид наказания введен в Уголовный кодекс Российской Федерации Федеральным законом от 07.12.2011 года N 420 –ФЗ как альтернатива лишению свободы.

Принудительные работы новым наказанием можно считать относительно, так как еще в XIX в. в России применялось схожее наказание в виде «заключения в рабочий дом», поскольку оно было предусмотрено в Уложении

о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. Можно упомянуть еще о ссылке и каторге, которые нашли свое законодательное закрепление еще с середины XVII века. И в советское время был известен такой уголовно-правовой институт как условное осуждение к лишению свободы с обязательным привлечением к труду, так называемые, «стройки народного хозяйства» или «химия», применявшийся судами в период с 1964 года по 1993 год. Особенно в 70-80 годах прошлого столетия указанный вид наказания получил широкое распространение в правоприменительной практике, так как действительно условное

осуждение к лишению свободы с обязательным привлечением к труду оказывало положительное влияние на исправление осужденного. Возможно, именно, этот опыт повлиял на введение в новый уголовный кодекс принудительных работ. Авторы проекта введения принудительных работ в систему наказаний в действующий Уголовный кодекс неоднократно отмечали, что основой появления данного вида наказания явилась «химия» советского периода времени.¹

Предвидим возражения относительно приведенного выше сравнения принудительных работ со «стройками народного хозяйства». Условный характер наказания в виде условного осуждения к лишению свободы с обязательным привлечением к труду, разница в системе условий отбывания наказания могут поставить под сомнение возможность отождествления указанной меры уголовно-правового характера, существующей в советское время, с принудительными работами. Отчасти, с этим можно согласиться. Однако, по нашему мнению, авторы законопроекта о принудительных работах за образец брали именно «химию» советского времени, поскольку данный вид наказания давал наиболее высокие показатели в достижении целей уголовной политики государства – исправление и перевоспитание осужденного, сокращение преступности в стране.

Но желание реанимировать «химию» в современных условиях, на наш взгляд, и привело к трудностям назначения и применения принудительных работ на практике, анализ некоторых из них будет приведен далее.

Принудительные работы – это разновидность уголовного наказания, которая предусматривает привлечение осужденного к выполнению работ с вычетом из его заработной платы определенной суммы. Признаки принудительных работ имеются еще в двух уголовных наказаниях, действующего Уголовного кодекса Российской Федерации. Это исправительные работы и обязательные работы. Но все три наказания имеют существенные отличия.

Исправительные работы отбываются по основному месту работы осужденного и или по месту работы по выбору самого осужденного, в рабочее время, из заработной платы осужденного ежемесячно удерживается в доход государства от 5 до 20 %. Этот показатель определяет факт отбывание наказания лицом, осужденным приговором суда к исправительным работам.

Обязательные работы выполняются осужденным в свободное от его работы время, на «общественных началах», т.е. эта работа не оплачивается. В данном случае у осужденного нет выбора работы, он должен выполнять ту работу, которую ему поручат.

Оба эти наказания выполняются по месту жительства осужденного.

Принудительные работы – являются более жесткой мерой наказания в сравнении с другими формами работ. Они заключаются в привлечении осужденного к труду в местах, определяемых учреждениями и органами уголовно-исполнительной системы. Отбывается наказание в специальных учреждениях – исправительных центрах и под надзором. И не всегда эти исправительные центры могут находиться по месту жительства осужденного и даже не в пределах субъекта Федерации, где проживает данное лицо. Осужденные проживают и находятся в исправительных центрах постоянно, территорию центра покидать не разрешается, только в исключительных случаях с разрешения администрации исправительного центра. Работают они на участках и работах, которые определяет администрация центра, из заработной платы осужденного производятся удержания в доход государства в размере, постановленном приговором суда, и в пределах от 5 до 20 %.

Следует отметить, что целью введения уголовного наказания в виде принудительных работ является гуманизация российского уголовного законодательства, а также расширение возможностей судей по применению наказания, отличного от лишения свободы.

Назначение принудительных работ имеет определенные ограничения. Принудительные работы не назначаются: несовершеннолетним, лицам, признанным инвалидами первой или второй групп, беременным женщинам, женщинам, имеющим детей в возрасте до трех лет, женщинам, достигшим 55-летнего возраста, мужчинам, достигшим 60-летнего возраста, а также военнослужащим.

После введения в действие положений закона о дополнении Уголовного кодекса Российской Федерации принудительными работами, прошло почти два года, а практика показывает, что суды очень осторожно назначают данный вид наказания. В некоторых судах при рассмотрении уголовных дел еще ни разу не назначали наказание в виде принудительных работ. Это свидетельствует о наличии в уголовном законодательстве неясностей и проблем по данному вопросу, которые не устранены до настоящего времени. Прямое указание

в ч. 1 ст. 53.1 Уголовного кодекса Российской Федерации на альтернативный характер принудительных работ лишению свободы явилось довольно необычной новеллой уголовного законодательства, которая породила множество противоречивых суждений и толкований как со стороны ученых, так и со стороны правоприменителей. Такое положение поставило практиков в «тупик», поскольку касается одного из главных вопросов при постановлении приговора — назначение наказания, где не должно быть судебных ошибок.

Согласно отчету о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за первое полугодие 2017 года принудительные работы судами было назначено только 196 лицам.² Ничего существенного в этом направлении не изменилось и в настоящее время.

Трудности назначения нового вида наказания на практике, с которыми столкнулись судьи, обусловлены в первую очередь, недостатками положений самой ст. 53.1 УК РФ, которые не соответствуют некоторым нормам Общей части Уголовного кодекса Российской Федерации. Несовершенство закона, регулирующего назначение наказания в виде принудительных работ, усугубляется наличием множества противоречивых работ, содержащих различные варианты порядка назначения и исполнения этого вида наказания, опубликованных в специальной литературе за указанный период. С некоторыми из этих предложений, по нашему мнению, согласиться нельзя.

Так, отдельные авторы, ссылаясь на часть 1 статьи 53.1 УК РФ, где указано, что принудительные работы применяются как альтернатива лишению свободы, считают, что самостоятельно назначить принудительные работы нельзя. По их мнению, вначале суд должен назначить наказание в виде лишения свободы, и лишь потом, если придет к выводу о возможности исправления осужденного без реального отбывания наказания в местах лишения свободы, заменить лишение свободы на принудительные работы на тот же срок, что и лишение свободы.³

Данная позиция ошибочна. Принудительные работы являются самостоятельным наказанием, и они назначаются, если санкция соответствующей статьи предусматривает указанную меру наказания. Предварительного назначения лишения свободы не требуется. В противном случае, суд назначает два уголовных наказания за одно преступление, что противоречит Общей части Уголовного кодекса. А также делает невозможным назначение прину-

дительных работ по статьям Уголовного кодекса Российской Федерации, санкции которых предусматривают принудительные работы, но не предусматривают лишение свободы, например, ч. 1 ст. 159.1, ч.1 ст. 159.2 УК РФ. В санкциях отдельных статей, где предусмотрены и принудительные работы, и лишение свободы, наказание в виде лишения свободы выше, чем срок принудительных работ, например, ч. 2 ст. 121, ч. 2 ст. 159.1 УК РФ. Получается, что при назначении лишения свободы на срок свыше пяти лет и при наличии условий отбывания наказания без реального нахождения в местах лишения свободы, произвести замену лишения свободы на принудительные работы нельзя. На этом трудности не заканчиваются, если пойти по пути, предлагаемыми отдельными авторами. Для примера можно обратиться к вопросу назначения дополнительных наказаний. Здесь обнаруживается полная неразбериха. Можно, конечно, не назначать дополнительные наказания, но тогда это будет противоречить ст. ст. 6, 43, 60 Общей части Уголовного кодекса Российской Федерации, где раскрываются понятие и цели наказания, общие начала наказания, из которых следует, что наказание назначается с учетом принципа справедливости.

Надо признать правильную практику судов, которые назначают принудительные работы не в порядке замены лишения свободы, а самостоятельно.

«Альтернатива лишению свободы», упомянутая в ч. 1 ст. 53.1 УК РФ, должна рассматриваться и толковаться так, как толкуется слово «альтернатива» в толковом словаре русского языка С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой: — «Альтернатива — необходимость выбора одного из двух (или нескольких) решений».⁴

«Если в пределах альтернативной санкции судом выбирается один из видов наказания, то это и есть альтернативный выбор».⁵

На формирование ошибочного мнения о возможности назначения принудительных работ с предварительным назначением лишения свободы влияют положения ч. 2 ст. 53 УК РФ, где говорится о замене наказания в виде лишения свободы на принудительные работы.

В специальной литературе в последнее время можно встретиться с предложениями о возможности назначения принудительных работ как самостоятельно, так в результате одномоментной замены лишения свободы на принудительные работы.

Считаем, что второго варианта, заключающегося в одномоментной замене назначенного судом лишения свободы на принудитель-

ные работы, быть не должно, так как для назначения принудительных работ не требуется предварительного назначения наказания в виде лишения свободы с целью последующей замены лишения свободы на принудительные работы.

Для правильного толкования закона и единообразного его применения на практике следует исключить ч.2 из статьи 53.1 УК РФ. Часть 2 ст. 53.1 УК РФ не несет в себе никакого содержательного смысла, а лишь дезориентирует правоприменителя. Ведь, принудительные работы могут быть назначены только в тех случаях, когда данный вид наказания предусмотрен соответствующими статьями Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации. В других случаях, в результате замены лишения свободы или без замены самостоятельно, назначить принудительные работы нельзя. Необходимо, чтобы санкцией соответствующей статьи был предусмотрен данный вид наказания. Напрашивается вопрос: если суд приходит к выводу о возможности исправления осужденного без реального отбывания наказания в местах лишения свободы, то зачем выстраивать такую сложную схему: сначала назначить лишение свободы, затем заменить это наказание на принудительные работы? Почему сразу, как это предусмотрено законом, не назначить принудительные работы?

Принудительные работы назначаются при совершении далеко не всех преступлений, а только при совершении преступлений небольшой, средней, а также тяжких, совершенных впервые. Считаем верным мнение о том, что «впервые» относится только к тяжким преступлениям.

Полагаем, если лицо имеет судимость, но признано виновным в совершении преступления небольшой или средней тяжести, то вправе назначить ему наказание в виде принудительных работ, при условии, что санкция статьи предусматривает данный вид наказания, поскольку ст. 53.1 УК РФ не предусматривает запрета на назначение принудительных работ при наличии у лица судимости.

На основании ч.1 ст. 60.7 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации каждый осужденный к принудительным работам обязан трудиться в местах и на работах, определяемых администрацией исправительных центров. Администрация исправительных центров обязана, исходя из наличия рабочих мест, привлекать осужденных к труду с учетом их пола, возраста, трудоспособности, состояния здоровья и (по возможности) специальности. Полагаем, что и при отсутствии у

обвиняемого инвалидности не всегда суду следует назначать ему принудительные работы, поскольку при некоторых заболеваниях исполнение назначенного наказания в виде принудительных работ становится невозможным (обвиняемый не является инвалидом, но у него, к примеру, активная фаза двухстороннего туберкулеза). В связи с чем, считаем, что при назначении принудительных работ судьям следует исследовать состояние здоровья подсудимого, при необходимости запрашивать документы о состоянии здоровья подсудимых на возможность отбывания ими назначенного наказания в виде принудительных работ.

Также должен решаться вопрос назначения принудительных работ в отношении женщин при достижении 55 лет, мужчин - 60 лет, ориентируясь не на их возраст, а на состояние здоровья и возможность отбывать наказание в виде принудительных работ, что позволит исключить дискриминацию лиц по возрасту. Тем более, это актуально в настоящее время в свете нынешней пенсионной реформы.

Представляется, что принудительные работы как уголовное наказание в будущем получит широкое применение, поскольку не является лишением свободы и связано с привлечением осужденных к труду, в связи с чем, способствует исправлению осужденного, не отрывая его, при этом, от реальной жизни в обществе.

Итак, принудительные работы следует рассматривать именно в качестве самостоятельного уголовного наказания, назначаемого судом без предварительного назначения наказания в виде лишения свободы.

Принудительные работы назначаются за совершение преступлений небольшой или средней тяжести и при наличии у лица судимости по предыдущему приговору.

Для формирования правильного толкования закона и единообразной практики назначения принудительных работ предлагается исключить из ст. 53.1 Уголовного кодекса Российской Федерации часть 2.

При назначении принудительных работ рекомендовать судьям запрашивать документы о состоянии здоровья подсудимых на возможность отбывания назначенного наказания в виде принудительных работ.

Предлагаем рассматривать дискриминационными ограничения в назначении принудительных работ женщинам при достижении ими 55-летнего возраста, а мужчинам при достижении 60-летнего возраста. Вопрос о возможности назначения принудительных работ данной категории подсудимых разрешать по

документам о состоянии здоровья подсудимого на возможность отбывания наказания в виде принудительных работ.

¹ Орлов П. Приговор без посадки// Российская газета – 2009. – 3 дек.; Куликов В. От суммы до тюрьмы // Российская газета. – 2010. – 16 февр.; Он же. Работа вместо неволи// Российская газета. – 2010. – 16 марта.

² www.cdep.ru/userimages/sudebnaya-statistika/2017/F1-svod_1-2017/xis

³ Куликов А.М., Золотов К.Д. Принудительные работы как вид наказания в российском уголовном праве// Молодой ученый.- 2018. № 16.- С.218-220.

⁴ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка// Москва, «АзЪ», 1992. С.20

⁵ Бриллиантов А. Правовые проблемы применения принудительных работ// Уголовное право.- 2012.- № 6.-С.16

ОПЫТ ВНЕДРЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКИХ ИННОВАЦИЙ В ПЕНИТЕНЦИАРНУЮ СИСТЕМУ РОССИИ

Маркелов С. В.

профессор кафедры уголовного процесса

Краснодарского университета МВД России

Ключевые слова: реформирование, инновации, передовой опыт, уголовно-исполнительная система, европейские стандарты, пенитенциарная система.

Аннотация: содержание статьи посвящено вопросам реформирования уголовно-исполнительной системы России после распада СССР. Обосновывается, что эффективность преобразований, несомненно, повысилась бы, если бы был осуществлен планомерный, целенаправленный подход к изучению и внедрению европейских инноваций в пенитенциарную систему.

Keywords: reform, innovation, best practices, the penal system, European standards, the prison system.

The summary: is proved that the effectiveness of reforms would undoubtedly have increased if a systematic, targeted approach to the study and implementation of European innovations in the penitentiary system had been implemented.

Процесс внедрения организационных инноваций в уголовно-исполнительную систему России начался в конце 80-х гг. под воздействием изменений в социально-политическом развитии нашего общества. Исправительно-трудовая политика и соответствующее законодательство, практика его исполнения вошли в противоречие с объективными потребностями социального развития. В этот период были предприняты попытки реформы системы исполнения наказаний сначала со стороны МВД Союза, а затем – МВД России¹. В силу объективных и субъективных причин осуществить намеченные преобразования не удалось. В 1991-1997 гг. было принято более 40 законодательных, президентских и правительственных актов, обеспечивающих поддержку и развитие

системы. Это позволило в определенной степени приблизить условия исполнения и отбывания наказаний к требованиям Конституции РФ и международных правовых актов, способствовало стабилизации обстановки в исправительных учреждениях. Между тем эффективность преобразований, несомненно, повысилась бы, если бы был осуществлен планомерный, целенаправленный подход к изучению и внедрению европейских инноваций в пенитенциарную систему.

В отечественной науке четко просматривается тенденция нарастания внимания к проблемам исполнения уголовных наказаний за рубежом, где по понятным причинам и европейские стандарты, и обмен опытом между пенитенциарными системами различных стран

происходят значительно интенсивнее, нежели с нашей страной. Еще на заре перестроечных процессов происходили заметные подвижки в сторону, если не заимствования, то хотя бы осознание необходимости познания специфики зарубежной пенитенциарной практики. На это имелись свои возможности получения информации и из первых рук², и из переводной литературы³, и публикаций различных авторов в ведомственной периодике⁴, посещающих исправительные учреждения за рубежом России.

Конечно, сейчас легко говорить о наличии предвзятости и т.п. во многих работах того периода⁵, в которых концентрировался исключительно негатив зарубежной пенитенциарной практики в виде, например, широко якобы применявшейся «рвотной терапии», «ограничений подвижности, питания и отправок естественных потребностей», «лишения чувств», «шоковой терапии», «психирургии», «имплантации электродов в мозг» и т.д. Понятно, что заимствовать что-либо из этого опыта и тем более реализовывать в собственной практике вряд ли было можно. Шла борьба систем, и все методы, включая запрещенные, были хороши. Однако времена меняются, меняются и реформируются системы, изменяются и взгляды на способы и сами способы борьбы. В прошлое уходит и тенденциозность, и пристрастность в оценках зарубежной практики в целом и достижений отдельных стран европейской цивилизации. В принципе и европейские стандарты, и собственно иностранный опыт исполнения наказаний представляют собой некое достижение и вполне могут быть объединены для упрощения их трактовки и восприятия в один феномен, который условно можно назвать зарубежным пенитенциарным опытом.

Этот феномен, или опыт, представляют собой сознательную предметную практическую деятельность всех тех, кто изучает, обобщает, распространяет и внедряет его. Это и есть опыт, но не только. Это еще и результат этой предметной деятельности, собственно достижения, внедренные новации, свершения и т.д. Именно благодаря им цивилизация и идет по пути прогресса, развития, совершенствования, повышения эффективности деятельности различных ее составляющих, институтов, систем. К их числу, несомненно, принадлежит и тюремная система Европы, элементами которой являются в первую очередь уголовно-исполнительные системы стран «ветеранов» в Совете Европы, обязанные воспринимать и применять у себя достижения,

опыт и стандарты, а также уголовно-исполнительные системы таких стран, как Россия, стремящаяся взять все то позитивное, что достигнуто в этом сообществе. В этом стремлении должна иметь место некая переоценка ценностей, своеобразная переориентация, пересмотр способов, методов в подходах к оценкам этих ценностей и достижений.

Сделать это не просто, но нужно, необходимо и важно. Здесь, к сожалению, остается весьма значительной сила традиции, традиционного неприятия, пессимистичного отношения ко всему новому, передовому, прогрессивному. Эти противоречия всегда были и будут, и устранить, преодолеть, уничтожить их полностью невозможно в принципе, однако, сгладить можно и, главное, нужно.

Важно понимать, что это – не просто рассуждения по поводу, или философствование по случаю, нет, это простая и очевидная констатация фактического положения дел в нашей уголовно-исполнительной системе, где противоречия между накопленными теоретическими знаниями и практическим их применением (теорией и практикой), между старым и новым, или между поколениями, противоречия между должным и сущим, т.е. между тем, что должно, хотелось бы, чтобы было, и тем, что на самом деле, к сожалению, остается и десятилетиями не меняется, и, возможно, еще многими другими явлениями еще долго будут жить.

Каждому из нас видится довольно простой выход из той или иной ситуации, разница лишь в том, что кому-то более дорогостоящий, но менее революционный, а кому-то более революционный, но не такой дорогой. Однако речь ведь не о том, как из этой сложившейся ситуации выходить, а о том, как ее хотя бы чуточку подправить на основе реализации конкретной идеи, конкретных мер и мероприятий. Сложность заключается в выборе оптимального способа, метода улучшения и в определении спектра направлений деятельности системы, по которым такие улучшения представляются наиболее приемлемыми, необходимыми.

При этом подходить к выбору оптимума надо весьма жестко, основываясь не просто на велении времени, а исключительно на объективно существующих реалиях и достигнутых конкретных результатах конкурентов. Разумеется, необходимо учитывать, прежде всего, собственные реалии и специфику национальной модели исполнения наказания с акцентом на реализованные уже возможности, на собственные достижения и опыт. Помимо этого

немаловажным обстоятельством выступает также определение критериев желаемого результата, успеха от реализации опыта. В качестве таковых могли бы выступать и уровень рецидива пенитенциарных преступлений, и вообще уровень рецидива преступлений по освобождению, и соблюдение прав и законных интересов осужденных, и материально-бытовые условия отбывания наказания и т.д. и т.п. Но эти, скажем, глобальные показатели, которые иллюстрируют успешность всей системы в целом, конечно же желаемы, но, к сожалению, в одночасье вряд ли достижимы в результате использования даже самого передового зарубежного опыта. Поэтому лучше и полезнее для системы был бы выбор более «мелких» критериев, к числу которых можно, например, отнести уровень соблюдения взятых страной, да и, как следствие, конкретными подразделениями системы исполнения наказаний обязательств, вытекающих из конкретных европейских стандартов. В качестве критериев успеха могут также служить показатели, свидетельствующие, например, о снижении количества жалоб осужденных, о тенденциях в развитии пенитенциарного здравоохранения и т.д.

Есть еще одно очень важное обстоятельство, о котором почему-то либо забывают, либо относят его исключительно к сфере теории и, тем самым, весьма преуменьшая его значение. Нелишним в связи с этим будет напомнить, что в науке давно известны так называемые «критерии», позволяющие считать то или иное новшество, или чей-то чужой, включая зарубежный, опыт положительным, передовым. Как правило, соблюдаются они далеко не все, и чаще других многие судят о полезности каких-либо новаций лишь с точки зрения их востребованности. Разумеется, востребованность опыта – важный критерий, но только один и явно не достаточный, поскольку всего критериев можно насчитать гораздо больше. Полагаем, полезно будет хоть вскользь их упомянуть все, не раскрывая слишком подробно, так как это давно уже сделано в научной и учебной литературе, да и емкость терминов, определяющих эти критерии, настолько велика, что они говорят сами за себя. Предварительно заметим, что многие из них не учитываются и вовсе не принимаются в расчет, в результате чего наступают либо негативные, отрицательные последствия, либо у «восприимчивых» просто опускаются руки, что, впрочем, тоже можно отнести к последствиям подобного рода.

Вспомнить хотя бы опыт локальных зон, привезенный в свое время из дружественной

Румынии и в приказном порядке внедренный в практику отечественных колоний. В связи с этим на первом месте в списке критериев стоит научность опыта, который может быть сформирован только на основе осмысления, изучения большого количества фактов, данных о той или иной сфере деятельности УИС, куда мы собираемся «завозить» зарубежный опыт.

Вслед за научностью идет так называемая «сознательная целеустремленность», то есть необходимо и важно четко представлять себе цель, или для чего мы собираемся что-то внедрять. Случается, что цель может и, как правило, бывает и провозглашается благой, но почему-то, несмотря ни на что, получается отрицательный результат, который при проведении опытной работы в социальных системах не допустим в принципе, и неслучайно это «ненаступление» таких последствий и получение более высоких результатов также относят к числу рассматриваемых критериев.

Необходимо вспомнить и такие из них, как актуальность опыта, т.е. соответствие его задач и целей потребностям сегодняшнего, а скорее – завтрашнего дня, а также длительность, перспективность функционирования или использования. И, наконец, о результатах использования опыта свидетельствуют два взаимодополняющих критерия: а) результаты должны быть более высокими по сравнению с повседневной практикой и б) ни при каких условиях нельзя допускать, чтобы результаты по своей сути были негативными. Таковы критерии. Всегда ли они соблюдаются? К сожалению, нет, не всегда. Причин тому предостаточно, но мы попытаемся указать на основные из них.

Вольно или невольно скептиков и просто равнодушных в нашем отечестве по-прежнему, остается немало. Пытаясь найти хоть какое-то объяснение такому, в общем-то, удивительному феномену в виде негативного единодушия, мы пришли к выводу, что факт незнания зарубежного опыта есть свидетельство, по крайней мере, трех положений: «не знаю, и знать не хочу», «познакомился бы, да негде взять», «не знаю языка, а на русском ничего нет».

Далее. Несоблюдение критериев, представляемых к опыту, и как следствие, незнание зарубежного опыта, ассоциируется, к сожалению, с имевшим и имеющим место своеобразным навязыванием того самого зарубежного, в котором у нас потребности-то часто и нет. Однако если сделать хотя бы кратенький экскурс в историю, то в России никогда не было ни ненависти, ни зависти ко всему зарубежному, будь то устройство тюрем или мода разговари-

вать по-французски. Более того, у нас всегда умели различать «чужой» опыт и опыт «чуждый», неприемлемый в принципе. Иными словами, у нас интуитивно знали неписанный закон всякой цивилизации, суть которого состоит в совмещении «двух талантов» – своего и иностранного, которое всегда дает скачок в будущее. Закон этот у нас всегда знали хорошо, чтити и умело применяли. К сожалению, не во всех сферах, включая тюремную. Получается, что мы неожиданно для себя вдруг забыли, что по отношению к иностранному и иностранцу всегда судили об уровне цивилизованности страны или ее подсистем. Забыли мы и такой постулат: «если к нам «они» пришли по доброй воле и «без меча», не надо от них шараться».

Между тем, третий блок причин несоблюдения критерием, предъявляемых к опыту, может объяснить многое. Нам всегда была свойственна некая удаль, размах, безудержность и даже бесшабашность, «...отсюда, неперевоодимость самого слова «простор», окрашенного чувством мало понятным и объясняющим, почему русскому человеку может показаться тесным расчлененный и перегороженный западноевропейский мир; отсюда и русское, столь отличное от западного, понимание свободы, не как права строить свое и утверждать себя, а как права уйти, ничего не утверждая и ничего не строя»⁶. Необходимо к этому добавить, что часто – в ущерб себе и собственному народу. Именно отсюда проистекает, казалось бы, ничем не объяснимое, даже порой показное безразличие ко всему иностранному, западному. Именно поэтому нас никогда не устроит покамерное одиночное содержание осужденных и всегда останутся чуждыми некий прагматизм и дотошность, поиск выгоды исключительно во всем, чем отличен от нас иной зарубежный пенитенциарный деятель. А если к этому добавить, что с удалью и размахом в русском человеке по не всем понятным причинам уживаются лень и благодушие, то станет понятно, почему чей-то опыт, чьи-то достижения приживаются в российских исправительных учреждениях весьма и весьма туго. В связи с этим актуализируется необходимость всемерной активизации усилий, связанных с накоплением, обобщением и распространением зарубежного пенитенциарного опыта. Эти, в общем-то, хорошо знакомые и отработанные этапы использования собственного положительного опыта в отечественной практике остаются до настоящего времени без внимания и реализации в отношении опыта зарубежного. Хотя, в определенном смысле, можно признать

объективный характер этого процесса в части лишь накопления этого опыта, поскольку на то имеются складывающиеся в нашу пользу обстоятельства, позволяющие получать (а стало быть и накапливать) информацию об опыте из первых рук.

Что же касается этапов обобщения и особенно распространения – собственно, внедрения, то об этом приходится только мечтать. Учиться же на собственных ошибках – удовольствие весьма дорогое, хотя и полезное. Поэтому проблема распространения зарубежного пенитенциарного опыта стоит сегодня особенно остро, что, кстати сказать, должен ощутить и осознать каждый руководитель, каждый сотрудник. Кроме того, важно понять, что распространить, внедрить чужую инновацию, в собственную практическую деятельность – дело весьма не простое. Причем сложность процесса внедрения складывается не столько из количества затраченных материальных, интеллектуальных и иных ресурсов, сколько от осознания того, что из любого опыта на новую (нашу) почву можно перенести лишь самую главную идею опыта, его квинт-эссенцию, его суть. Нет и не может быть необходимости копировать опыт, это невозможно и слишком затратно, и, главное, – бесперспективно.

Важная роль принадлежит пропаганде опыта, носящей конструктивный характер и содержащий научный комментарий конкретных путей и способов реализации на практике достижений передовых пенитенциарных систем Европы. В качестве одного из первых и необходимых шагов в данном направлении состоит в реализации идеи, связанной с преодолением языкового барьера, который, как показывает опыт, выступает подчас практически весьма серьезным и трудным препятствием на пути знакомства наших практиков (да и не только) с Европейскими стандартами и пенитенциарным зарубежным опытом.

Немаловажным обстоятельством, во многом определяющим успешность реализации зарубежных инноваций в отечественной практической деятельности, и которое, безусловно, подлежит тщательному учету, является состояние положения дел в нашей уголовно-исполнительной системе. Это – своего рода база, платформа, основание, на котором деятельность, связанная с использованием зарубежного пенитенциарного опыта, может быть построена (структурирована), организована и реализована. Образно говоря, здесь не должно быть «белых пятен» и «черных дыр», выступающих подчас серьезным препятствием

на этом пути. Речь идет о таких, например, важнейших параметрах системы, как приведение условий отбывания наказаний осужденными к европейским стандартам, соблюдение и обеспечение прав и законных интересов и осужденных, и персонала, расширение сферы применения наказаний, альтернативных лишению свободы, состояние и предупреждение пенитенциарного рецидива, мнение общества о положении дел в системе, темпы ее реформирования и т.д.

Приходится учитывать и некоторую парадоксальность ситуации в целом, состоящей в том, что даже если вдруг «наши» осознают важность и необходимость реализации в практике исправительных учреждений достижений европейской цивилизации, мы ни при каких условиях, никогда не сможем это сделать с фотографической точностью. Причины парадокса лежат в различиях философий исполнения наказания, в особенностях национальных традиций, или своеобразной «привычки» исполнять наказание в колонии, а не в одиночной камере, и даже в климате.

В связи с этим, очевидно, что речь должна идти не о ликвидации или безусловном преодолении подобного рода препятствий и преград, а о поиске способов их смягчения, а, возможно, и снятии тех из них, которые носят, так сказать, формальный характер, заключающийся в различных трактовках тех или иных понятий, но не более того. В любом случае было бы грубейшей ошибкой бросаться с открытым забралом на реализацию идеи, связанной с внедрением зарубежного компонента везде и всюду. Желательно? В принципе, да! Но вовсе не обязательно, какой бы заманчивой не выглядела разработка проекта приказа об использовании того или иного элемента опыта.

Причин тому несколько. Во-первых, вряд ли в приказном порядке можно внедрить нечто, что пока не совсем, а то и совсем не понятно. Во-вторых, даже если сделать хороший литературный перевод всех документов, составляющих в своей совокупности Европейские стандарты и пенитенциарный зарубежный опыт, то и этого было бы недостаточно для внедрения, поскольку важно первоначально понять и осознать суть этих стандартов и опыта не на бумаге, а на деле, на практике. А для этого необходимо время, и немалое. В-третьих, «любой приказ, который может быть неправильно понят, будет понят неправильно», – об этой армейской аксиоме, которая здесь вполне, к слову сказать, применима, тоже не стоит забывать.

¹ Концепция реорганизации уголовно-исполнительной системы МВД России (на период до 2005 года) - М., 1996.

² Стручков Н.А. и др. Обсуждение пенитенциарных проблем на международном уровне. Рязань: РВИШ МВД СССР, 1977; Стручков Н.А. и др. Обсуждение пенитенциарных проблем на международном уровне. – Рязань: РВИШ МВД СССР, 1981

³ Митфорд Дж. Тюремный бизнес. Перевод с англ. М.: 1978.

⁴ Подшивка журнала «К новой жизни» (1970-1985 гг.).

⁵ Например, Пирожков В.Ф. Современные буржуазные теории перевоспитания осужденных и их критика. В кн.: Организация исправления и перевоспитания осужденных. – М.: Академия МВД СССР, 1982. с.90-96.

⁶ Вейдле В.В. – цит. По кн.: Таранов П.С. Золотая книга руководителя. – М.: 2000. с.475.

О СПЕЦИФИКЕ ДОКАЗЫВАНИЯ В СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Бойченко О. И.,

к.ю.н., доцент кафедры уголовного процесса

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Ключевые слова: Доказывание в уголовном процессе, возбуждение уголовного дела, достаточные данные в стадии возбуждения уголовного дела, отказ в возбуждении уголовного дела, достаточность доказательств в уголовном процессе.

Аннотация: В настоящей статье рассматриваются некоторые особенности специфики доказывания в стадии возбуждения уголовного дела.

Keywords: Evidence in criminal proceedings, Institute criminal proceedings, Sufficient data at the stage of initiation of criminal proceedings, Refusal to Institute criminal proceedings, Sufficiency of evidence in criminal proceedings.

The summary: This article discusses some features of the specifics of proof in the stage of initiation of criminal proceedings.

В науке уголовного процесса считается общепризнанной точка зрения о том, что на стадии возбуждения уголовного дела осуществляется уголовно-процессуальное доказывание, которое обладает определённой спецификой¹.

Методологически общепринятую концепцию специфики доказывания в стадии возбуждения уголовного дела описывает П.А. Лупинская, которая соотносит особенности доказывания в первой стадии уголовного процесса применительно к выявленному ей специфическому признаку каждой стадии уголовного процесса. В частности, она указывает, что «любое итоговое решение, завершающее ту или иную процессуальную стадию, может быть принято лишь при наличии совокупности фактических данных, достаточных для ответа на главный вопрос этой стадии. Фактические данные представляют собой основания решения, а их установление происходит путём доказывания»².

Согласно положениям действующего уголовно-процессуального законодательства РФ, процесс доказывания осуществляется на протяжении всего уголовного судопроизводства, в том числе и на стадии возбуждения уголовного дела. Так, например, в соответствии со ст. 86 УПК РФ, собирание доказательств допускается в ходе уголовного судопроизводства. Пункт 56 статьи 5 УПК РФ под уголовным судопроизводством понимает досудебное и судебное производство по уголовному делу. Досудебное производство – это уголовное судопроизводство с момента получения сообщения о преступлении до направления прокурором уголовного дела в суд для рассмотрения его по существу (п. 9 ст. 5 УПК РФ). Таким образом, собирание доказательств, а значит и само доказывание, уже возникает с момента получения сообщения о преступлении в стадии возбуждения уголовного дела. Другие нормы действующего УПК РФ также подтверждают указанный вывод. В частности, ч. 1 ст. 144 УПК РФ провозглашает, что при проверке сообщения о преступлении дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном УПК

РФ, назначать судебную экспертизу, принимать участие в её производстве и получать заключение эксперта в разумный срок, производить осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование, требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов, привлекать к участию в этих действиях специалистов, давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий.

Процесс доказывания в ходе возбуждения уголовного дела может завершиться вынесением одного из следующих решений:

- 1) о возбуждении уголовного дела;
- 2) об отказе в возбуждении уголовного дела;
- 3) о передаче сообщения по подследственности либо в суд.

По мнению отдельных авторов, результатом рассмотрения сообщения о преступлении должно стать только одно из двух решений: возбуждение уголовного дела или отказ в возбуждении уголовного дела. Как они полагают, решение о передаче заявления или сообщения по подследственности или подсудности является не итоговым, а промежуточным решением³. На наш взгляд, выносимые решения на стадии возбуждения уголовного дела являются итогом деятельности по проверке сообщений о преступлении, поэтому указанные в ст. 145 УПК РФ виды решений выступают в качестве итогового результата процесса установления в ходе доказывания следующих обстоятельств:

- влекущих за собой возбуждение уголовного дела;
- влекущих за собой отказ в возбуждении уголовного дела;
- являющихся основаниями передачи сообщения о преступлении по подследственности либо в суд.

Обстоятельства, влекущие за собой возбуждение уголовного дела, именуются в ч. 2 ст. 140 УПК РФ как «признаки преступления». Признаки преступления представляют собой обстоятельства совершения общественно опасного, уголовно наказуемого деяния, предусмотренного определенной нормой уголовного закона. Согласно ч. 2 ст. 21 УПК РФ в

каждом случае обнаружения признаков преступления прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель принимают предусмотренные УПК РФ меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления.

Признаки преступления как обстоятельства, влекущие за собой возбуждение уголовного дела, выясняются в ходе процессуальной деятельности по терминологии действующего закона с помощью «достаточных данных».

В теории уголовного процесса многие учёные утверждают, что гносеологические предпосылки получения в стадии возбуждения уголовного дела достаточных данных процессуальными средствами есть основание рассматривать их доказательствами⁴.

Действующий УПК РФ прямо указывает, что полученные в ходе проверки сообщения о преступлении сведения могут быть использованы в качестве доказательств при условии соблюдения положений статей 75 и 89 УПК РФ (ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ).

Сведения, указывающие на признаки преступления, по своему происхождению могут быть получены в ходе уголовно-процессуальной деятельности путём производства отдельных следственных и иных процессуальных действий, допускаемых в стадии возбуждения уголовного дела. На данный момент, согласно ст. 144 УПК РФ, допустимыми следственными действиями в первой стадии уголовного процесса являются: получение образцов для сравнительного исследования, судебная экспертиза, осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование. Также указанная норма позволяет использовать в ходе проверки сообщения о преступлении такие иные процессуальные действия, как получение объяснений, истребование документов и предметов, изъятие их в порядке, установленном УПК РФ, производство документальных проверок, ревизий, исследование документов, предметов, трупов, привлечение к участию в этих действиях специалистов.

Отдельным положением следует выделить предписание законодателя относительно возможности проведения оперативно-розыскных мероприятий в ходе проверки сообщения о преступлении.

Полученные таким образом сведения необходимо оценить по вопросу их достаточности для того, чтобы возникло обоснованное предположение о наличии обстоятельств, влекущих за собой возбуждение уголовного дела.

Между тем в науке уголовного процесса существует и иная точка зрения, сторонники которой полагают, что «достаточные данные» в стадии возбуждения уголовного дела нельзя считать доказательствами и, в связи с этим, процесс доказывания в стадии возбуждения уголовного дела в такой форме, в какой он протекает на других этапах уголовно-процессуальной деятельности, отсутствует⁵.

По нашему мнению, и доказательства, и процесс доказывания в стадии возбуждения уголовного дела, безусловно, имеют место, однако их существование обусловлено спецификой начального этапа уголовно-процессуальной деятельности в ходе проверки сообщения о совершённом преступлении.

Детальный анализ положений действующего уголовно-процессуального законодательства показывает, что в состав достаточных данных, указывающих на признаки преступления, могут входить в том числе и доказательства. В частности, ст. 144 УПК РФ позволяет в ходе проверки сообщения о преступлении получать сведения, отвечающие требованиям ст. 75 УПК РФ и ст. 89 УПК РФ, то есть, такие, которые должны соответствовать условиям допустимости доказательств, а также правилу о том, что материалы оперативно-розыскной деятельности необходимо преобразовать в надлежаще процессуально оформленные доказательства.

Достаточные данные должны быть относимы к обстоятельствам, образующим признаки преступления, то есть, к обстоятельствам, характеризующимся наличием в деянии противоправности, общественной опасности, виновности и наказуемости. Осуществление доказывания путём использования достаточных данных в стадии возбуждения уголовного дела требует от компетентных органов обязательного выявления с их помощью признаков состава преступления. При этом, имеющиеся достаточные данные должны, как минимум, указывать на наличие события (деяния), содержащего все или некоторые признаки преступления, то есть они должны иметь отношение к объективной стороне и объекту преступления. Вместе с тем, в условиях так называемой очевидности на момент возбуждения уголовного дела имеющиеся достаточные данные могут указывать на конкретное лицо, причастное к совершению преступления, либо с их помощью могут быть даже выявлены все основные искомые по делу обстоятельства.

Полученные в стадии возбуждения уголовного дела достаточные данные, по общему правилу, позволяют формировать обоснован-

ный вывод о том, что в деянии лица содержатся признаки преступления. В этой связи мнения авторов, исследующих указанную проблематику, разделились на две противоположных точки зрения. Приверженцы первой из них отмечают, что сведения, полученные в ходе проверки сообщения о преступлении, необходимо оценить по вопросу их достаточности для того, чтобы возникло обоснованное предположение о наличии обстоятельств, влекущих за собой возбуждение уголовного дела⁶. Одним из основных аргументов в поддержку своей позиции они приводят довод о том, что использование в ходе возбуждения уголовного дела достаточных данных, указывающих на возможный фрагментарный и вероятный характер оснований, может привести к тому, что в данной стадии уголовного процесса делается приблизительная квалификация преступления, которая может изменяться в ходе дальнейшего расследования⁷.

Представители другой концепции считают, что установить достоверность сведений, содержащихся в материалах проверки сообщения о преступлении, возможно, поскольку достоверность зависит от определённой совокупности сведений о фактах, которая может быть получена в стадии возбуждения уголовного дела⁸.

На наш взгляд, под «достаточными данными», указывающими на признаки преступления, необходимо понимать совокупность сведений, которые бы позволили сделать обоснованный вывод о совершении деяния, подпадающего под признаки преступления. Поэтому вопрос о достижении достаточных данных для возбуждения уголовного дела решается в каждом конкретном случае соответствующим органом, указанным в ст. 144 УПК РФ, которая предписывает обязанность принять, проверить сообщение о любом совершённом или готовящемся преступлении и принять по нему решение⁹.

Специфика проводимой проверки сообщений о преступлении сказывается и в ходе выяснения обстоятельств, влекущих за собой отказ в возбуждении уголовного дела.

В соответствии со ст. 24 УПК РФ основания отказа в возбуждении уголовного дела отождествляются с основаниями прекращения уголовного дела. Однако, обстоятельства, исключающие производство по делу, влекут не только невозможность возбуждения уголовного дела, но и прекращение уже возбужденного уголовного дела. Вместе с тем, познавательная деятельность на этапе проверки сообщений о преступлениях не равнозначна последующему

после возбуждения уголовного дела уголовно-процессуальному доказыванию в применении способов и использовании средств установления названных обстоятельств. Поэтому нельзя говорить об одинаковых возможностях в способах собирания, проверки и оценки сведений до возбуждения уголовного дела наряду с собиранием, проверкой и оценкой доказательств в ходе дальнейшего производства¹⁰.

Представляется, что предусмотренные действующим уголовно-процессуальным законом способы проверки сообщений о совершённом преступлении в стадии возбуждения уголовного дела является вполне достаточными для того, чтобы выяснить наличие или отсутствие признаков преступления. Однако, формулирование оснований отказа в возбуждении уголовного дела в ст. 24 УПК РФ в существующем виде, на наш взгляд, не совсем точно соотносится с положениями ст. 148 УПК РФ. Согласно последней нормы, отказ в возбуждении уголовного дела возможен при отсутствии оснований для возбуждения уголовного дела. Тогда как, ст. 24 УПК РФ содержит перечень конкретных обстоятельств, при установлении которых допускается отказ в возбуждении уголовного дела.

Формулировка ч. 1 ст. 148 УПК РФ о том, что при отсутствии основания для возбуждения уголовного дела руководитель следственного органа, следователь, орган дознания или дознаватель выносят постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, предполагает наличие такого условия, при котором в ходе проверки сообщения о преступлении будет установлено отсутствие достаточных данных, указывающих на признаки преступления. В связи с этим, ч. 1 ст. 148 УПК РФ необходимо дополнить указанием, что основаниями отказа в возбуждении уголовного дела являются также обстоятельства, предусмотренные ст. 24 УПК РФ. Поэтому ч. 1 ст. 148 УПК РФ следует изложить в новой редакции:

«1. В случае отсутствия оснований для возбуждения уголовного дела, а равно при наличии обстоятельств, перечисленных в ст. 24 УПК РФ, руководитель следственного органа, следователь, орган дознания или дознаватель выносят постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. Отказ в возбуждении уголовного дела по основанию, предусмотренному пунктом 2 части первой статьи 24 настоящего Кодекса, допускается лишь в отношении конкретного лица».

В теории уголовного процесса не подвергается сомнению то факт, что любое из обстоятельств ст. 24 УПК РФ, влекущих за собой

отказ в возбуждении уголовного дела, должно быть установлено с помощью достаточных доказательств¹¹. «Под основаниями решения об отказе в возбуждении уголовного дела следует понимать достаточные доказательства о наличии одного из предусмотренных в законе обстоятельств»¹². При этом отдельные авторы справедливо утверждают, что сам процесс установления оснований отказа в возбуждении уголовного дела различается в зависимости от характера обстоятельств, а также от объёма и качества первичных сведений о преступлении¹³.

Если в ходе проверки сообщения о преступлении будет установлено отсутствие оснований к возбуждению уголовного дела, т.е. отсутствие достаточных доказательств, указывающих на наличие признаков преступления, то в постановлении об отказе в возбуждении уголовного дела должен быть сформулирован вывод о недостаточности сведений, полученных в результате предварительной проверки сообщения о преступлении. В данном случае в основе принимаемого решения об отказе в возбуждении уголовного дела может быть вероятное знание.

Достижение достоверных результатов при отказе в возбуждении уголовного дела следует связывать с выводом том, что установлены обстоятельства, предусмотренные ст. 24 УПК РФ. На наш взгляд, обеспечение таких посредством достаточных доказательств, необходимых для принятия решения об отказе в возбуждении уголовного дела по ст. 24 УПК РФ, должно подтверждаться соответствующими законодательными предписаниями. Поэтому в постановлении об отказе в возбуждении уголовного дела необходимо указывать достаточные доказательства, с помощью которых были установлены указанные обстоятельства. В связи с этим предлагаем дополнить ст. 148 УПК РФ новой частью следующего содержания:

«1.2. В постановлении об отказе в возбуждении уголовного дела необходимо указывать достаточные доказательства, послужившие основанием для установления обстоятельств, предусмотренных ст. 24 УПК РФ».

При выявлении обстоятельств, являющихся основаниями передачи сообщения о преступлении по подследственности либо в суд, характеризуются тем, что установленные посредством достаточных данных признаки преступления должны послужить началом к предварительному расследованию уголовного дела конкретным органом в зависимости от правил подследственности в соответствии со

ст. 151 УПК РФ, а по уголовным делам частного обвинения в соответствии с ч. 2 ст. 20 УПК РФ – рассмотрению судом. При этом доказывание в данном случае характеризуется аналогичными специфическими чертами, которые были нами рассмотрены применительно к решению о возбуждении уголовного дела.

¹ Кузнецов, Н.П. Доказывание в стадии возбуждения уголовного дела / Н.П. Кузнецов. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1983. – С. 9-11; Левченко, О.В. Доказывание в уголовном процессе России / О.В. Левченко. – Астрахань: Изд-во Астрах. гос. техн. ун-та., 2000. – С. 18, Быков, В.М., Березина, Л.В. Доказывание в стадии возбуждения уголовного дела по УПК РФ / В.М. Быков, Л.В. Березина. – Казань: Изд-во «Таглитат» ИЭУП, 2006. – С. 31, и др.

² Лупинская, П.А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика / П.А. Лупинская. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2010. – С. 82.

³ Смирнов, А.В., Калиновский, К.Б. Уголовный процесс: учебник / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский / под общ. ред. А.В. Смирнова. – 7-е изд., перераб. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. – С. 311.

⁴ Белозеров, Ю.Н., Рябоконь, В.В. Законность и обоснованность возбуждения уголовных дел органами внутренних дел: учебное пособие / Ю.Н. Белозеров, В.В. Рябоконь. – М.: МССШМ МВД СССР, 1988. – С. 35; Белоусов, А.В. О доказательственном значении объяснений, полученных в стадии возбуждения уголовного дела / А.В. Белоусов // Прокурорская и следственная практика. – 1998. – № 3. – С. 54-56; Громов, Н.А., Лисоволентко, В.В., Затона, Р.Е. Доказательственное значение представленных следователю предметов и документов / Н.А. Громов, В.В. Лисоволентко, Р.Е. Затона // Следователь. – 1999. – № 2. – С. 2-6; Маевский, В. Допустимость доказательств, полученных органами дознания до возбуждения дела / В. Маевский // Российская юстиция. – 2000. – № 6. – С. 38-39; Меликян, М.Н. Предварительная проверка заявлений и сообщений о преступлениях / М.Н. Меликян. – Краснодар: Печатный двор Кубани, 2001. – С. 93; Сморгунова, М.Е. Теоретические основы и практика проверки досудебных доказательств в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Сморгунова Марина Евгеньевна. – Нижний Новгород, 2004. – С. 144-162; Сергеев, А.В., Овчинникова, О.В. Возможность доказывания в стадии возбуждения уголовного дела / А.В. Сергеев, О.В. Овчинникова // Российский следователь. – 2009. – № 20. – С. 15-17; Доля, Е.А. Правовое значение результатов гласных оперативно-розыскных мероприятий для уголовного дела и реформы уголовного процесса / Е.А. Доля // Законность. – 2011. – № 4. – С. 16-22; Ряполова, Я.П. Процессуальные действия, проводимые в стадии возбуждения уго-

ловного дела: правовые, теоретические и организационные основы: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Ряполова Ярослава Петровна. – М., 2012. – С. 10-13 Терехин, В.В. Допустимость материалов проверки как доказательств / В.В. Терехин // Российский следователь. – 2013. – С. № 11. – С. 28-30; Сумин, А.А. Некоторые проблемы применения статьи 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации / А.А. Сумин // Адвокат. – 2013. – № 4. – С. 7-9; Воскобойник, И.О., Гайдышева, М.Г. Проблемы формирования доказательственной базы при проверке сообщений о преступлении / И.О. Воскобойник, М.Г. Гайдышева // Адвокатская практика. – 2013. – № 5. – С. 23-26, Сиверская, Л.А. Рассмотрение сообщений о преступлениях: правовое регулирование и процессуальный порядок: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Сиверская Людмила Анатольевна. – М., 2014. – С. 90-99, и некоторые др.

⁵ Масленникова, Л.Н. Процессуальное значение результатов проверочных действий в доказывании по уголовному делу: учебное пособие / Л.Н. Масленникова. – М.: Изд-во Академии МВД РФ, 1993. – С. 24-26; Григорьева, Н. Исключение из разбирательства дела недопустимых доказательств / Н. Григорьева // Российская юстиция. – 1995. – № 11. – С. 5; Кипнис, Н.М. Допустимость доказательств в уголовном судопроизводстве / Н.М. Кипнис / отв. ред. П.А. Лупинская. – М.: Юрист, 1995. – С. 45; Шекшуева, О.Н. К проблеме возбуждения уголовного дела / О.Н. Шекшуева // Современные проблемы раскрытия и расследования преступлений. – Барнаул, 1996. – С. 21; Костенко, Р.В. Возможность осуществления доказывания на стадии возбуждения уголовного дела / Р.В. Костенко // Уголовное судопроизводство. – 2006. – № 1. – С. 24.

⁶ Зиновьев, А.Ю. Пределы доказывания в стадии возбуждения уголовного дела / А.Ю. Зиновьев // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Право», выпуск 13. – Екатеринбург, 2008. – № 2 (102). – С. 41-43; Яшин, В.Н. Предмет и пределы доказывания проверки сообщения о преступлении / В.Н. Яшин // Вестник образовательного консорциума среднерусский университет, Серия: Юриспруденция. – Подольск, 2014. – № 4. – С. 53-58; Михайлов, В.А. Проблемы оптимизации процессуальных форм уголовного судопроизводства на основании Конституции Российской Федерации / В.А. Михайлов // 150 лет Уставу уголовного судопроизводства России: современное состояние и перспективы развития уголовно-процессуального законодательства: Сборник материалов междунаро-д. научн.-практ. конф.: в 2-х ч. М.: Академия управления МВД России. – 2014. – Ч. 1. – С. 75-76.

⁷ Зиновкина, И.Н. Проверка заявлений и сообщений о преступлениях: проблемы правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Зиновкина Ирина Николаевна. – М., 2015. – С. 51;

Пелих, И.А. Сведения и их характер на стадии возбуждения уголовного дела в контексте установления и изменения пределов доказывания / И.А. Пелих // Актуальные вопросы борьбы с преступными. – Рязань, 2016. – № 1. – С. 65-66.

⁸ Победкин, А.В. Некоторые вопросы соби-рания доказательств по новому уголовно-процессуальному законодательству России / А.В. Победкин // Государство и право. – 2003. – № 1. – С. 18-19; Наумов, А.В. Уголовное преследование на стадии возбуждения уголовного дела / А.В. Наумов // Законность. – 2005. – № 3. – С. 50; Константинов, В.В. Пределы доказывания на стадии возбуждения уголовных дел о должностных преступлениях, совершаемых сотрудниками ОВД / В.В. Константинов // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2010. – № 1 (12). – С. 284; Петров, А.В. Достаточные данные – необходимое условие для возбуждения уголовного дела / А.В. Петров // Законность. – 2011. – № 2. – С. 8-9; Гаджиев, Я.А. Стадия возбуждения уголовного дела в системе российско-го уголовного судопроизводства: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Гаджиев Яхья Анверович. – М., 2015. – С. 85.

⁹ Бойченко, О.И. Пределы доказывания в стадии возбуждения уголовного дела / О.И. Бойченко // Закон и право. – 2013. – № 7. – С. 87-90.

¹⁰ Токарева, Е.В., Тришкина, Е.А. Пределы доказывания при принятии решения о возбуждении уголовного дела / Е.В. Токарева, Е.А. Тришкина // Проблемы совершенствования деятельности по предупреждению и расследованию преступлений: междунаро-д. научн.-практ. конф. (Москва, 1 октября 2016). – М., 2016. – С. 149-151.

¹¹ Зинатуллин, З.З. Уголовно-процессуальное доказывание: учеб. пособ. / З.З. Зинатуллин. – Ижевск: Изд-во УдГУ, 1993. – С.148-149; Аксенов, В.В. Проверка сообщения о преступлении как форма уголовно-процессуального доказывания: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Аксенов Владимир Васильевич. – М., 2004. – С. 36-39; Костенко, Р.В. Доказательства в уголовном процессе: концептуальные подходы и перспективы правового регулирования: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.09 / Костенко Роман Валерьевич. – СПб., 2006. – С. 110; Сергеев, А.В., Овчинникова, О.В. Возможность доказывания в стадии возбуждения уголовного дела / А.В. Сергеев, О.В. Овчинникова // Российский следователь. – 2009. – № 20. – С. 15-17; Ряполова, Я.П. Процессуальные действия, проводимые в стадии возбуждения уголовного дела: правовые, теоретические и организационные основы: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Ряполова Ярослава Петровна. – М., 2012. – С. 10-13; Сиверская, Л.А. Рассмотрение сообщений о преступлениях: правовое регулирование и процессуальный порядок: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Сиверская Людмила Анатольевна. – М., 2014. – С. 90-99.

¹² Костенко, Р.В. Особенности процесса до-казывания в стадии возбуждения уголовного дела /

Р.В. Костенко // Уголовный процесс: от прошлого к будущему: мат-лы Междунаро-д. научн.-практ. конф. (Москва, 21 марта 2014 года). В 2-х частях. Часть 1. – М., Академия Следственного комитета Российской Федерации, 2014. – С. 194-198.

¹³ Быков, В.М. Проблемы стадии возбуждения уголовного дела / В.М. Быков // Журнал рос-

сийского права. – 2006. – № 7. – С. 54-55; Зиновкина, И.Н. Проверка заявлений и сообщений о преступлениях: проблемы правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Зиновкина Ирина Николаевна. – М., 2015. – С. 85-95.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОЦЕНКИ ОТНОСИМОСТИ И ДОСТОВЕРНОСТИ ВЕЩЕСТВЕННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Костенко Р. В.,

д.ю.н., профессор,

профессор кафедры уголовного процесса

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Ключевые слова: Вещественные доказательства в уголовном процессе, относимость вещественных доказательств в уголовном процессе, достоверность вещественных доказательств в уголовном процессе, оценка доказательств в уголовном процессе

Аннотация: В настоящей статье рассматриваются некоторые особенности оценки относимости и достоверности вещественных доказательств по уголовным делам

Keywords: Material evidence in criminal proceedings, Relevance of physical evidence in criminal proceedings, Reliability of physical evidence in criminal proceedings, Evaluation of evidence in criminal proceedings.

The summary: This article discusses some features of the assessment of relevance and reliability physical evidence in criminal cases.

В теории уголовного процесса оценка доказательств традиционно рассматривается, как мыслительная, логическая деятельность субъектов доказывания.¹ Тем не менее, как верно пишет Т.З. Егорова, «если бы оценка сводилась только к актам мысли, к сугубо умственным операциям, то она не выходила бы за пределы сознания соответствующего субъекта уголовно-процессуального доказывания, была бы никому, кроме этого лица, неизвестна и лишалась бы всякого своего правового значения».² В связи с этим, справедливым необходимо признать утверждение о том, что оценка доказательств неразрывно связана со всеми составляющими уголовно-процессуального доказывания, осуществляется на всём его протяжении, пронизывает его.³

На отдельных этапах доказывания тот или иной его элемент проявляется в большей или меньшей степени. В ходе предварительного

расследования преобладают собирание и проверка доказательств, в судебных прениях – оценка доказательств. Однако в каждом из этих случаев можно обнаружить и иные элементы процесса доказывания.⁴

Оценка вещественных доказательств происходит по правилам, закрепленным ст. 88 УПК РФ о том, что каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности – достаточно для разрешения уголовного дела.

Некоторые ученые считают, что впервые оценка относимости вещественных доказательств должна проводиться после приобщения предмета в качестве вещественного доказательства. Так, например, по мнению Г.Б. Карновича, «всякий предмет, могущий иметь значение вещественного доказательства, изъятый при осмотре места происшествия или при обыске,

а также поступивший в следственный орган в результате произведенной выемки или иным путем, должен быть немедленно осмотрен следователем и приобщен к делу в качестве вещественного доказательства специальным постановлением. Если впоследствии выяснится, что какой-либо предмет не имеет доказательственного значения, то его можно также постановлением следователя исключить из числа вещественных доказательств»⁵.

А.А. Рясов в своей работе указывает, что «вещественными доказательствами следует признавать все изымаемые в ходе следственных действий объекты. В случае же необходимости следует специальным постановлением исключать те объекты, которые, как выяснилось в ходе расследования, не имеют отношения к делу».⁶

С таким мнением необходимо согласиться, поскольку вещественные доказательства должны иметь неразрывную связь с событием преступления, установить которую удастся во многих случаях не сразу после их получения, даже если они обнаружены на месте совершения преступления, либо имеются другие обстоятельства, позволяющие считать их связанными с событием преступления.⁷

В этой связи следует поддержать тех авторов, которые считают, что необходимо после изъятия объектов материального мира проводить их осмотр и (или) исследование, а затем оценку относимости сведений, содержащихся в них для решения вопроса о признании их вообще доказательствами.⁸

Как верно отмечает В.А. Лазарева, «обнаружение материального объекта с признаками вещественного доказательства – лишь первый этап. Следующий этап заключается в поиске и обнаружении заключенных в этих материальных объектах следов преступления. Осмотр вещественного доказательства – необходимое следственное действие, цель которого – выявить и зафиксировать признаки вещественного доказательства. Вещественное доказательство должно быть по возможности сфотографировано. В случае необходимости выявления скрытой информации путем применения сложного оборудования и специальных знаний вещественное доказательство направляется для производства экспертизы».⁹

Во многих случаях выявленные и зафиксированные в протоколе осмотра признаки вещественного доказательства несут в себе информацию, не относящуюся к уголовному делу.

Так, в ходе осмотра места происшествия был изъят поверхностный след обуви, переко-

пированный на дактилопленку светлого цвета. В ходе дальнейшего расследования у подозреваемого при обыске в квартире были изъяты ботинки, которыми, по мнению следователя, мог быть оставлен след, изъятый с места происшествия. Ботинки были подробно описаны в протоколе осмотра и направлены на экспертизу. Перед экспертом был поставлен вопрос: «Не оставлен ли след, изъятый с места происшествия ботинками, представленными на исследование?» Эксперт дал категорически отрицательный вывод».¹⁰

В представленном примере очевидно, что, принимая решение об изъятии следа обуви и ботинок, следователь оценивал их с позиции относимости к делу, что было отражено в протоколах их осмотра. Сведения о том, что след обуви, изъят с места происшествия, а ботинками мог быть оставлен этот след, являлись относимыми к делу, но в предположительной форме. В дальнейшем это не подтвердилось и не дало возможность приобщить их к делу в качестве вещественного доказательства.

После осмотра или исследования объекта необходимо провести оценку сведений об этом объекте. Если выявленные сведения относятся к уголовному делу и обладают признаками, указанными в ч. 1 ст. 81 УПК РФ, то выносится постановление о признании предмета (объекта) в качестве вещественного доказательства.

Приобщение же всех изъятых предметов в ходе осмотра места происшествия, либо в ходе других следственных действий, либо полученных в порядке ч. 2 ст. 86 УПК РФ, будет способствовать «загруженности» уголовного дела ненужными материалами.

В ряде случаев приобщение в качестве вещественных доказательств всех предметов и следов, изъятых в ходе следственных и иных процессуальных действий, приводит к абсурдным ситуациям.

Так, в ходе осмотра места происшествия по уголовному делу, возбужденному по факту кражи драгоценных вещей из квартиры, был изъят след пальца руки с внешней поверхности двери мебельной стенки, где хранились похищенные драгоценности. После проверки изъятых следов по дактилоскопическим учетам было установлено, что след пальца руки оставлен следователем проводившем осмотр места происшествия.¹¹

При расследовании убийства в ходе осмотра места происшествия был обнаружен труп с двумя ножевыми ранениями, а также нож длиной около 27 см с имеющимися на клинке пятнами бурого цвета. В ходе произ-

водства судебных экспертиз было установлено, что представленный на исследование нож не соответствовал размерам ран, пятна бурого цвета на клинке являлись кровью человека, который не являлся потерпевшим по данному делу. В дальнейшем указанный нож, приобщённый к данному уголовному делу в качестве вещественного доказательства, ни в каких процессуальных документах не фигурировал.¹²

В приведённом примере полученные сведения об обнаруженном на месте происшествия ноже не относились к конкретному уголовному делу, но могли иметь доказательственное значение в ходе раскрытия другого преступления.

Оценка относимости вещественных доказательств может происходить неоднократно и её результаты могут меняться в ходе производства по уголовному делу.

Как указывает Л.В. Клейман, вначале при получении соответствующих доказательств достигается лишь предположительный вывод об их относимости.¹³ Аналогичного мнения придерживаются и некоторые другие процессуалисты.¹⁴ Так, Л.Д. Кокорев и Н.П. Кузнецов считают, что «собирать необходимо все те сведения, которые по мнению следователя, могут быть использованы для установления обстоятельств уголовного дела. В ходе дальнейшего производства эта оценка может измениться: то, что считалось относящимся к делу, в действительности не является таковым. И наоборот, то чему следователь сначала не придавал никакого значения, оказывается весьма важным, но это не свидетельствует о том, будто информация изменила свое значение. Меняется оценка фактических данных по мере того как вероятное значение становится достоверным. Значение же доказательства является объективным, не зависящим от представления о нем субъектов доказывания, поскольку объективна его связь с искомым обстоятельством».¹⁵

Однако вынесение постановления о признании предмета вещественным доказательством ещё не означает, что осуществлена окончательная оценка его относимости к обстоятельствам уголовного дела.

Так, при расследовании уголовного дела по факту кражи автотранспортного средства из гаража в ходе осмотра места происшествия был обнаружен навесной замок с признаками взлома и монтировка, находящаяся на расстоянии 3 метров от гаража. Следователь, осмотрев замок, признал его вещественным доказательством, так как на нём имелись явные следы взлома. В ходе дальнейшего расследования

было установлено, что обнаруженная монтировка принадлежала соседу гражданина, являющегося владельцем гаража. Этот гражданин был задержан по подозрению в совершении преступления. В ходе проведения судебно-трасологической экспертизы перед экспертом был поставлен вопрос: «Не оставлены ли следы взлома на замке, рабочей поверхностью, монтировки?» Эксперт дал положительный вывод, что позволило следователю признать монтировку вещественным доказательством. В дальнейшем защитник подозреваемого заявил ходатайство о назначении повторной судебно-трасологической экспертизы, так как первоначальная была проведена, по его мнению, с явным нарушением экспертной методики. Ходатайство защитника было удовлетворено, была назначена повторная экспертиза, результаты которой не подтвердили выводы первоначальной. Монтировка была исключена из числа вещественных доказательств, а в ходе дальнейшего расследования установлено другое лицо, совершившее это преступление.¹⁶

В связи с этим ряд ученых справедливо считают, что оценка относимости доказательств должна происходить во второй раз тогда, когда в процессе производства по уголовному делу принимаются решения об установлении обстоятельств материально-правового характера. В этих случаях сведения оцениваются не только на предмет наличия связи с обстоятельствами и фактами, имеющими значение для правильного разрешения уголовного дела, но и с позиции их допустимости и достоверности. Поэтому можно сказать, что признание сведений о фактах недостоверными либо недопустимыми автоматически означает и их неотносимость к уголовному делу.¹⁷

В частности, Президиум Московского городского суда в надзорном порядке рассмотрел жалобу адвоката на приговор Измайловского районного суда г. Москвы, которым Д. осужден за покушение на сбыт наркотических средств в особо крупном размере. Постановлением следователя автомашина марки «Фольксваген Пассат», принадлежащая Д. была признана вещественным доказательством и приобщена к уголовному делу, т.к. в ней было обнаружено наркотическое средство – гашиш. Приговором суда автомашина обращена в доход государства. Президиум Московского городского суда исключил из приговора указание об обращении автомашины в доход государства, указав при этом следующее: «...к орудиям преступления автомашина не относится, поскольку она не использовалась непосредственно для достижения преступного ре-

зультата. Поэтому установленных законом оснований для конфискации автомашины у суда первой инстанции не имелось. Кроме того, само признание автомашины вещественным доказательством не соответствует требованиям закона. Из постановления следователя усматривается, что вещественным доказательством автомашина признана потому, что в ней обнаружено наркотическое средство. Однако в ч. 1 ст. 81 УПК РФ такое основание признания предмета вещественным доказательством отсутствует, что не было учтено судом первой инстанции».¹⁸

Оценка достоверности вещественного доказательства, также, как и любого другого доказательства, связана с определением соответствия объективной действительности тех сведений, которые несут в себе вещественные доказательства.

По мнению отдельных авторов, «достоверность доказательств нельзя выявить в момент его получения, так как окончательно она определяется на завершающем этапе доказывания, когда оценивается вся совокупность собранных доказательств».¹⁹ При этом указывается, что требование достоверности не может быть предъявлено заранее к каждому доказательству в момент его получения.²⁰

Традиционно считается, что на достоверность вещественных доказательств оказывает влияние «механизм их образования», т.е. обнаружение, извлечение, фиксация, исследование и хранение.²¹ Как пишет Ю.К. Орлов, «в теории доказательств давно отвергнута концепция об особой роли вещественных доказательств как «немых свидетелей», которые в отличие от «говорящих свидетелей» не лгут. Вещественные доказательства могут оказаться неподлинными. Они вполне могут быть сфальсифицированы. Судебной практике известны случаи искусной подделки даже пальцевых отпечатков, не говоря уже об умелой инсценировке (симуляции) самоубийств, пожаров, ограблений и других ситуаций)».²²

Так, например, по уголовному делу была назначена судебно-дактилоскопическая экспертиза. В постановлении следователя указывалось, что в распоряжение эксперта предоставлены: след пальца руки, изъятый с поверхности рукоятки ножа, перекопированный на отрезок л.л. № 1 и дактило карта убитого. При сравнительном их исследовании эксперт пришел к выводу о совпадении межпапиллярных линий, в представленном на исследовании следе с папиллярными линиями указательного пальца правой руки в дактило карте убитого. Подобное неестественное совпадение означало, что перекопированные

производилось не со следа пальца руки, а непосредственно с пальца руки убитого.²³

Кроме того, к моменту обнаружения предмета материального мира, содержащего признаки вещественного доказательства, часть информация может быть утеряна или вообще неизвестна в силу различных обстоятельств.

По другому примеру, при расследовании мошенничества для следователя важное значение имело установление факта подлинности завещания. Для этого он назначил судебно-почерковедческую экспертизу, поставив перед экспертом вопрос: «Была ли выполнена подпись в завещании в графе «Завещатель» гражданином Н.? Проведя исследование, эксперт пришел к отрицательному выводу. Однако в дальнейшем было установлено, что за 16 дней до подписания завещания, у Н. было предынсультное состояние, повлекшее нарушение опорно-двигательной функции пишущей руки. Проконсультировавшись со специалистом, следователь установил, что подобное заболевание вызывает атаксию почерка, выражающуюся в появлении признаков необычного выполнения и изменении ряда частных признаков. После получения данной информации и соответствующей консультации специалиста, следователь назначил повторную судебно-почерковедческую экспертизу, предоставив в распоряжение эксперта необходимые дополнительные материалы. Эксперт, располагая всей необходимой информацией, пришел к положительному выводу».²⁴

При оценке достоверности вещественных доказательств необходимо учитывать продолжительность времени, которое прошло с момента образования объекта и до момента его обнаружения, природные условия, характер и свойства объекта, условия его хранения и т.п.

В частности, следователь направил на экспертизу документ, содержащий признаки подделки договора купли-продажи домовладения и поставил перед экспертом вопросы: 1) Имеются ли в представленном договоре купли-продажи признаки технической подделки документа? 2) Установить последовательность выполнения реквизитов документа: подписи, печатного текста и оттиска печати? Эксперт не смог ответить на вопросы, поставленные перед ним, поскольку документ бы заламенирован.²⁵

Специфической особенностью вещественных доказательств является также тот факт, что на их достоверность оказывают влияние не только объективные закономерности отражения сведений о преступлениях на материальных носителях. Достоверность вещественных доказательств в определенной степени зависит и от субъективных критериев. Например, достоверность веще-

ственного доказательства будет в том числе зависеть от того, насколько правильно и полно следователь зафиксирует сведения об объекте материального мира в протоколе его осмотра, эксперт профессионально проведет судебную экспертизу и составит заключение.

При этом необходимо учитывать, что они «... всегда оцениваются в совокупности с другими доказательствами, и, прежде всего, с документами, в которых фиксируется обстоятельства их изъятия и результаты исследования. Например, похищенная вещь является доказательством лишь в совокупности с протоколами допроса лиц, подтвердивших ее прежнюю принадлежность потерпевшему, протоколом ее опознания потерпевшим и т.п. Аналогично отпечаток пальца или след обуви может иметь доказательственное значение лишь в совокупности с заключением эксперта, в котором фиксируются результаты его исследования, и т.д.».²⁶

В таком случае, достоверность вещественных доказательств зависит также от оценки достоверности протокола следственного действия, в котором содержится описание результатов осмотра вещественного доказательства, от оценки достоверности заключений экспертов, проводивших исследования с вещественными доказательствами.

Надлежащая оценка достоверности вещественных доказательств возможна при условии их проверяемости. «Так, например, существует определенная проблема установления достоверности вещественных доказательств, исходно представленным в цифровом виде. Это относится к аудиозаписям, выполненным с помощью цифровых устройств, магнитофонов, цифровых регистраторов и других технических средств. В настоящее время большое распространение получили аппаратно-программные комплексы, позволяющие вводить аналоговые фонограммы в ПЭВМ, оцифровывать их, а затем редактировать, микшировать, синтезировать голосовые и речевые сигналы, производить монтаж, разнообразные манипуляции с речевой и текстовой информацией, осуществлять перезапись фонограмм с измененным содержанием вновь как на аналоговый, так и материальный носитель. Это принципиально расширило возможности подделки фонограмм, являющихся вещественными доказательствами. Сложность в оценке достоверности фонограмм на аналоговых и цифровых носителях записи (даже подтвержденных с помощью технологии цифровой подписи) заключается в принципиальной возможности их полной или частичной фальсификации и подлога без оставления видимых следов проведенных манипуляций. Таких примеров в современной практике

становится всё больше, к ним можно отнести различные мобильные мошенничества или записи переговоров на цифровых носителях, достоверность сведений которых установить экспертным путем нельзя».²⁷

¹ Белкин, Р.С. Собрание, исследование и оценка доказательств. Сущность и методы / Р.С. Белкин. – М.: Наука, 1966. – С. 65; Мухин, И.И. Важнейшие проблемы оценки судебных доказательств в уголовном и гражданском судопроизводстве / И.И. Мухин. – Л.: Изд-во Ленинград. ун-та., 1974. – С. 22-24; Резник, Г.М. Внутреннее убеждение при оценке доказательств / Г.М. Резник. – М.: Юрид. лит., 1977. – С. 3; Орлов, Ю.К. Основы теории доказательств в уголовном процессе. Научно-практическое пособие / Ю.К. Орлов. – М.: Проспект, 2000. – С. 78-79; Костенко, Р.В. Оценка уголовно-процессуальных доказательств / Р.В. Костенко. – М.: Юрлитинформ, 2012. – С. 37-39, и др.

² Егорова, Т.З. Средства доказывания и их оценка в судебных стадиях российского уголовного процесса: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Егорова Татьяна Зинуровна. – Ижевск, 2003. – С. 44-45.

³ Костенко, Р.В. Указ. соч. С. 18.

⁴ Кокорев, Л.Д., Кузнецов, Н.П. Уголовный процесс: доказательства и доказывание / Л.Д. Кокорев, Н.П. Кузнецов. – Воронеж, Изд-во Воронеж. ун-та., 1995. – С. 221.

⁵ Карнович, Г.Б. К вопросу о классификации вещественных доказательств / Г.Б. Карнович // Советская криминалистика на службе следствия. Сборник статей. – М.: Госюриздат, 1956. – С. 13.

⁶ Рясков, А.А. Проблемы собирания вещественных доказательств в досудебных стадиях российского уголовного процесса: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Рясков Александр Алексеевич. – Волгоград, 2008. – С. 6.

⁷ Рясков, А.А. Возможности использования вещественных доказательств при расследовании преступлений / А.А. Рясков // Криминалистика и судебно-экспертная деятельность в условиях современности: Мат-лы Междунаро. научн.-практ. конф.: в 2-х томах. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2013. – С. 191-192.

⁸ Попова, Н.А. Вещественные доказательства: собирание, представление и использование их в доказывании: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Попова Надежда Анатольевна. – Саратов, 2007. – С. 10.

⁹ Лазарева, В.А. Доказывание в уголовном процессе. Учебно-практическое пособие / В.А. Лазарева. – М.: Юрайт, 2013. – С. 322.

¹⁰ Архив Прикубанского районного суда г. Краснодара за 2015 год, уголовное дело № 1365/15.

¹¹ Архив ЭКЦ ГУ при МВД РФ по Краснодарскому краю за 2015 год, дело № 125/15.

¹² Архив Ленинского районного суда г. Краснодара за 2014 год, уголовное дело № 167/14.

¹³ Клейман, Л.В. Установление относимости доказательств при расследовании преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Клейман Лариса Викторовна. – Омск, 2001. – С. 15-16.

¹⁴ Костенко, Р.В. Оценка уголовно-процессуальных доказательств. Монография / Р.В. Костенко. – Изд. 2-е. – М.: Юрлитинформ, 2012. – С. 36.

¹⁵ Кокорев, Л.Д., Кузнецов, Н.П. Указ. соч. С. 125.

¹⁶ Архив Прикубанского районного суда г. Краснодара за 2015 год, уголовное дело № 1245/15.

¹⁷ Клейман, Л.В. Указ. соч. С. 18.

¹⁸ Постановление Президиума Московского городского суда от 18.03.2011 по делу № 44у-51/11.

¹⁹ Шейфер, С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам / С.А. Шейфер. – М.: Норма, 2009. – С. 65.

²⁰ Теория доказательств в советском уголовном процессе / Белкин Р.С., Винберг А.И., Дорохов В.Я., Карнеева Л.М., и др.; редкол.: Жогин Н.В. (отв. ред.), Миньковский Г.М., Ратинов А.Р., Тана-

севич В.Г., Эйсман А.А. – 2-е изд., испр., и доп. – М.: Юрид. лит., 1973. – С. 222.

²¹ Лазарева, В.А. Указ. соч. С. 323; Попова, Н.А. Указ. соч. С. 13, и др.

²² Орлов, Ю.К. Указ. соч. С. 160-161.

²³ Архив Ленинского районного суда г. Краснодара за 2014 год, уголовное дело № 13543/14.

²⁴ Архив Краснодарского краевого суда за 2015 год, уголовное дело № 25467/15.

²⁵ Архив Майкопского городского суда за 2014 год, уголовное дело № 13456/14.

²⁶ Орлов, Ю.К. Указ. соч. С. 160.

²⁷ Барыгина, А.А. Особенности оценки отдельных видов доказательств в уголовном судопроизводстве. Монография / А.А. Барыгина. – М.: Юрлитинформ, 2013. – С. 225-228; Россинская, Е.Р., Галяшина, Е.И. Настольная книга судьи. Судебная экспертиза. Теория и практика, типичные вопросы и нестандартные ситуации / Е.Р. Россинская, Е.И. Галяшина. – М.: Проспект, 2016. – С. 305-306.

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ МЕР ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЗАЩИТЫ В ОТНОШЕНИИ ЭКСПЕРТОВ

Турилов Г. Г.,

*к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовного процесса юридического факультета
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»*

Нуриев А. А.,

*заместитель начальника отдела – начальник отделения
Оперативно-розыскная часть по обеспечению безопасности лиц,
подлежащих государственной защите Главного управления министерства внутренних дел
Российской Федерации по Краснодарскому краю, майор полиции*

Ключевые слова: эксперт, категории экспертов, заключение эксперта, меры государственной защиты.

Аннотация: В статье, на основании изучения действующего законодательства и правоприменительной практики рассмотрены вопросы организации мер государственной защиты в отношении экспертов. Сделан вывод, о том, что рациональным способом решения проблемных вопросов, будет внесение изменений в Уголовно-процессуальный Кодекс Российской Федерации, направленных на возможность ограничения указания персональных данных экспертов в заключении и протоколе допроса.

Keywords: expert, expert category, expert opinion, state protection measures.

The summary: In the article, on the basis of the study of the current legislation and law enforcement practice, the issues of organizing state protection measures in relation to experts are considered. It was concluded that a rational way to solve problematic issues would be to amend the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation aimed at limiting the indication of personal data of experts in the conclusion and the protocol of interrogation.

Ежегодно порядка 10 миллионов граждан Российской Федерации становятся участниками уголовного судопроизводства и примерно четверть из них, подвергается оказанию незаконного воздействия со стороны преступников либо лиц, входящих в их окружение. При совершении преступлений криминальные элементы, как правило, не стесняются в выборе средств и методов, совершая противоправные деяния различного рода, сопровождающиеся особой жестокостью и цинизмом. Нередко, будучи уверены в своей безнаказанности, преступники подавляют волю жертв преступлений, заставляя их отказываться как от обращения в правоохранительные органы, так и от участия в уголовном судопроизводстве.

Мерами реагирования со стороны государства на складывающуюся ситуацию стало принятие 20 августа 2004 года Федерального закона №119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства»¹. Все последующие годы Правительство Российской Федерации принимало достаточные меры по развитию и совершенствованию данного вида деятельности, и в последние годы можно уверенно говорить о формировании достаточной правовой базы для реализации всех предусмотренных законом норм.

Статьей 2 Федерального закона №119-ФЗ регламентирован перечень участников уголовного процесса, подлежащих государственной защите. Однако особый интерес в настоящей статье вызывает эксперт, поскольку являясь независимой от обстоятельств совершенного преступления стороной, именно эксперт формирует доказательства, которые в практике являются основополагающими при предъявлении обвинения лицу, подозреваемому в совершении преступления.

Следует отметить, что статья 17 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации устанавливает, что судья, присяжные заседатели, а также прокурор, следователь, дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью². При этом, никакие доказательства не имеют заранее установленной силы.

Если рассмотреть в целом существующую доказательственную базу, регламентированную частью 2 статьи 74, а именно, что в качестве доказательств допускаются показания подозреваемого, обвиняемого; показания по-

терпевшего свидетеля; заключения и показания эксперта; заключение и показания специалиста; вещественные доказательства; протоколы следственных и судебных действий, а также иные документы; можно отметить, что наряду с вещественными доказательствами заключение и показания эксперта в большей части лишены обвинительного либо оправдательного уклона и наделены признаками, позволяющими сделать объективные выводы о самом событии преступления, и правильно квалифицировать его.

Наиболее характерным и распространенным примером значимости заключения эксперта для правильной квалификации преступления является заключение о степени вреда жизни и здоровью, причиненного потерпевшему при совершении преступления. В частности пунктом «г» части 2 статьи 161 Уголовного Кодекса Российской Федерации предусмотрена ответственность за открытое хищение чужого имущества с применением насилия не опасного для жизни и здоровья. При этом, тоже деяние, но совершенное с применением насилия опасного для жизни и здоровья, будет квалифицировано по части 1 статьи 162 Уголовного Кодекса Российской Федерации. Степень и опасность вреда для жизни и здоровья потерпевшего будет определена именно результатами судебно-медицинской экспертизы и именно заключение и показания эксперта лягут в основу обвинительного заключения.

Значимость заключения эксперта и его показаний для решения вопроса о наличии самого состава преступления, также являются основополагающими при квалификации деяний, предусмотренных статьями 222 Уголовного Кодекса Российской Федерации «Незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение оружия, его основных частей, боеприпасов»³ и именно с этой целью частью 4 статьи 195 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации предусмотрено, что судебная экспертиза может быть назначена и произведена до возбуждения уголовного дела.

Таким образом, учитывая на ключевое значение и роль эксперта в предварительном и судебном следствии, гарантии его личной безопасности, беспристрастности и объективности принимают большее значение, чем существующие ныне практика и результаты работы в данном направлении. Согласно сведениями ФГУП «ГИАЦ МВД России» доля экспертов из числа лиц, в отношении которых в установ-

ленном порядке принято решение о применении мер безопасности, незначительна. Так, в 2014 году из 3401 лица, находящегося под государственной защитой в соответствии с Федеральным законом №119-ФЗ, меры безопасности применялись в отношении 6 лиц отнесенных к категории экспертов, специалистов, переводчиков, понятых, а также участвующих в уголовном судопроизводстве педагогов и психологов. В 2015 их число составило 7 из 3196 лиц, в 2016 – 9 из 2880 лиц и в первом полугодии 2017 года – 5 из 1912 лиц. При этом следует отметить, что в связи с установленной формой ведомственной статистической отчетности установить точное число экспертов, находившихся под государственной защитой, в настоящее время невозможно.

При этом, еще на этапе применения мер государственной защиты в отношении экспертов, возникает ряд спорных вопросов, связанных в первую очередь с их статусом и основаниями для организации мер государственной защиты, предусмотренных статьей 16 Федерального закона №119-ФЗ.

Для начала следует рассмотреть само понятие эксперта, существующие в действующем законодательстве Российской Федерации. Так, в соответствии со статьей 57 УПК РФ эксперт – это лицо, обладающее специальными знаниями и назначенное в порядке, установленном указанным кодексом, для производства судебной экспертизы и дачи заключения.

Статья 12 Федерального закона от 31 мая 2001 года №73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»⁴ дает определение государственного судебного эксперта, которым является аттестованный работник государственного судебно-экспертного учреждения, производящий судебную экспертизу в порядке исполнения своих должностных обязанностей.

Пункт 60 части 1 статьи 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации устанавливает, что экспертное учреждение – государственное судебно-экспертное или иное учреждение, которому поручено производство судебной экспертизы. Данное положение закреплено и в статье 41 Федерального закона №73-ФЗ. Статья 11 Федерального закона №73-ФЗ предусматривает, что организация и производство судебной экспертизы может осуществляться также экспертными подразделениями, созданными федеральными органами исполнительной власти или органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, к которым относятся и экспертно-

криминалистические подразделения органов внутренних дел Российской Федерации»⁵.

Таким образом, можно выделить три основные категории экспертов, подлежащих государственной защите в соответствии с Федеральным законом №119-ФЗ, к которым можно отнести:

- государственных судебных экспертов;
- физических лиц, уполномоченных следственными и судебными органами на проведение судебных экспертиз;
- сотрудников экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел Российской Федерации.

Порядок применения мер государственной защиты к первым двум категориям экспертов не вызывает особых вопросов, однако организация мер безопасности в отношении сотрудников экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел Российской Федерации, приводит к коллизии действующих правовых норм. Так, в соответствии с пунктом 5 части 1 статьи 2 Федерального закона №119-ФЗ государственной защите подлежит эксперт, как участник уголовного судопроизводства. Вместе с тем, пунктом 6 статьи 2 Федерального закона от 20 апреля 1995 года №45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов»⁶, государственной защите подлежат сотрудники федеральных органов внутренних дел, осуществляющих охрану общественного порядка и обеспечения общественной безопасности, а также исполнение приговоров, определений и постановлений судов по уголовным делам, постановлений органов расследования и прокуроров. В соответствии с частью 1 статьи 195 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, признав необходимость назначения судебной экспертизы следователь выносит об этом постановление, которое, в соответствии с частью 1 статьи 199 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, направляет руководителю соответствующего экспертного учреждения.

Таким образом, сотрудник экспертно-криминалистического подразделения органа внутренних дел Российской Федерации, осуществляя исполнение постановления органа предварительного следствия по уголовному делу о назначении экспертизы, в случае возникновения соответствующих оснований, подлежит государственной защите как в соответствии с пунктом 6 статьи 2 Федерального закона №45-ФЗ, так и в соответствии с пунктом 5 части 1 статьи 2 Федерального закона №119-

ФЗ. Разъяснений по данному вопросу в действующих нормативных правовых актах Российской Федерации не имеется.

Как отмечалось ранее гарантии сохранения личной безопасности эксперта при проведении экспертизы, напрямую связаны с его объективностью при подготовке заключения. Вместе с тем, нормы права, предусматривающие гарантии такой безопасности в Уголовно-процессуальном Кодексе Российской Федерации, также имеют неоднозначное толкование. В соответствии с частью 3 статьи 11 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, при наличии достаточных данных о том, что потерпевшему, свидетелю или иным участникам уголовного процесса, которым эксперт признается статьей 57 Кодекса, угрожают убийством, применением насилия, уничтожения или повреждения их имущества либо иными опасным противоправными деяниями, суд, прокурор, руководитель следственного органа, следователь, орган дознания, начальник органа дознания, начальник подразделения дознания и дознаватель принимают в пределах своей компетенции в отношении указанных лиц меры безопасности, предусмотренные статьями 166 частью 9, 186 частью 2, 193 частью 8, 241 пунктом 4 части 2 и 278 частью 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Если рассмотреть подробнее указанные нормы, из них следует, что часть 9 статьи 166 Кодекса предусматривает возможность не приводить данные о личности потерпевшего, его представителя, свидетеля, их близких родственников, родственников и близких лиц. Эксперт, как участник уголовного судопроизводства в данной статье не фигурирует, напротив статья 204 Кодекса предусматривает возможность проведения допроса эксперта, а в соответствии с пунктом 4 части 1 статьи 204 Кодекса в заключении эксперта указываются сведения об экспертном учреждении, а также фамилия, имя и отчество эксперта, что не позволяет в данном случае применять положения части 9 статьи 166 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации по отношению к эксперту.

Частью 2 статьи 186 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации установлен исчерпывающий перечень лиц и основания для контроля и записи телефонных и иных переговоров, соответствующий части 9 статьи 166 Кодекса, и эксперт, как участник уголовного судопроизводства также отсутствует.

Часть 8 статьи 193 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федера-

ции «Предъявление для опознания» также не применима по отношению к экспертам, поскольку частью 1 указанной статьи предусмотрена возможность предъявления для опознания лица только свидетелю, потерпевшему, подозреваемому или обвиняемому.

Часть 5 статьи 278 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации устанавливает исчерпывающий перечень лиц, которых суд вправе допросить без оглашения подлинных данных об их личности, к которым также отнесены – свидетель, его близкие родственники, родственники и близкие лица. Эксперт, как и в предыдущих случаях, воспользоваться данной нормой не может.

Только пункт 4 части 2 статьи 241 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации устанавливает, что закрытое судебное разбирательство допускается на основании определения или постановления суда в случаях, когда этого требуют интересы обеспечения безопасности участников судебного разбирательства, их близких родственников, родственников или близких лиц, однако данная норма не исключает прямого и открытого контакта эксперта с подсудимым, являющимся основным источником угрозы безопасности лиц, подлежащих государственной защите.

Напротив, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации предусматривает нормы, прямо ставящие под угрозу безопасность эксперта, и объективность данного им заключения. Помимо указанной выше нормы, предусматривающей указание персональных данных эксперта в заключении и протоколе его допроса, часть 3 статьи 195 Кодекса предусматривает ознакомление с постановлением о назначении судебной экспертизы подозреваемого, обвиняемого, его защитника, потерпевшего, его представителя и разъяснение прав, предусмотренных статьей 198, а именно, пункт 5 части 1 указанной статьи дает право подозреваемому (обвиняемому) участвовать с разрешения следователя при производстве судебной экспертизы. Пункт 5 части 1 указанной статьи также дает подозреваемому (обвиняемому) право знакомиться с заключением эксперта, а также с протоколом его допроса.

Таким образом, действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации не содержит норм, направленных на обеспечение безопасности экспертов участвующих в уголовном процессе, поскольку права подозреваемого (обвиняемого) на ознакомление с материалами уголовного дела в настоящее время не могут быть ограничены в части полу-

чения сведений о лицах, участвующих в уголовном процессе.

Хотелось бы еще раз обратить внимание на то, что именно заключение эксперта и его показания в большей степени влияют на квалификацию совершенного преступления, и гарантировать отсутствие возможности возникновения у подозреваемого (обвиняемого) умысла на совершение в отношении эксперта противоправных действий в настоящее время невозможно, исходя из психологических особенностей каждого преступника.

Безусловно, Уголовный Кодекс Российской Федерации предусматривает ответственность как за дачу заведомо ложного заключения и показаний экспертом по статье 307 Кодекса, так и за подкуп эксперта либо его принуждению к даче ложного заключения, соединенного с шантажом, угрозой убийством, причинением вреда здоровью, уничтожением или повреждением имущества, по статье 309 Кодекса, но не исключает саму возможность совершения указанных действий и негативные последствия на результатов предварительного и судебного следствия и неотвратимости наказания, как одного из основных принципов уголовного судопроизводства.

Кроме того, фактическое отсутствие процессуальных норм, обеспечивающих безопасность экспертов на этапе предварительного следствия, в последующем, в случае возникновения основания для применения мер безопасности в соответствии с Федеральными законами №45-ФЗ и 119-ФЗ, не позволяет реализовать весь комплекс предусмотренных законодательством мер безопасности, в частности «Обеспечения конфиденциальности сведений о защищаемом лице», хотя, как было указано выше, эксперт, являясь независимой от обстоятельств совершенного преступления стороной, давая ключевые доказательства по уголовному делу, имеет право на сохранение тайны о своих персональных данных, в целях исключения в последующем фактов оказания незаконного воздействия со стороны подозреваемых (обвиняемых), и лиц, входящих в их окружение.

Исходя из действующей правовой базы, подразделения по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите, при организации мер безопасности в отношении экспертов, будут вынуждены действовать

в условиях открытого противостояния и пресечения попыток оказания незаконного воздействия на защищаемое лицо, что в свою очередь влечет за собой значительное задействование их сил и средств.

Наиболее рациональным способом решения озвученных выше проблемных вопросов, будет внесение изменений в Уголовно-процессуальный Кодекс Российской Федерации, направленных на возможность ограничения указания персональных данных экспертов в заключении и протоколе допроса. Определение исчерпывающего перечня основания для отказа подозреваемому (обвиняемому) в праве на участие в проведении экспертизы. Вопрос же организации мер государственной защиты в отношении сотрудников экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел может быть рассмотрен профильными ведомствами для дачи соответствующих разъяснений и уточнений.

¹ О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства. Федеральный закон от 20 августа 2004 г. N 119-ФЗ (с изменениями и дополнениями) // Российская газета, 25 августа 2004 г., № 182. (Далее – Федеральный закон №119-ФЗ.)

² «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 №174-ФЗ (с изменениями и дополнениями). М., Эксмо, 2018. (Далее - УПК РФ).

³ Уголовный кодекс Российской Федерации (с изменениями и дополнениями). М., ЭКСМО, 2018. (Далее - УК РФ)

⁴ О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации. Федеральный закон от 31.05.2001 №73-ФЗ (с изменениями и дополнениями) // Российская газета, 5 июня 2001 г., № 106. (Далее – Федеральный закон №73-ФЗ).

⁵ О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации. Федеральный закон от 31.05.2001 №73-ФЗ (с изменениями и дополнениями) // Российская газета, 5 июня 2001 г., № 106.

⁶ О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов. Федеральный закон от 20.04.1995 №45-ФЗ (с изменениями и дополнениями) // Собрание законодательства РФ. 08.12.2011. № 17, ст. 1455. (Далее – Федеральный закон №45-ФЗ.)

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ОСНОВНОГО И ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ ВЕКТОРОВ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Кабельков С. Н.,

*доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики
Института права Волгоградского государственного университета, к.ю.н., доцент*

Ключевые слова: дифференциация уголовного процесса, упрощенные уголовно-процессуальные производства, досудебное производство, уголовно-процессуальная форма, дознание, предварительное расследование, научная концепция дифференциации.

Аннотация: В статье рассматриваются современные тенденции дифференциации уголовного судопроизводства, а именно упрощения и усложнения процедур при производстве по уголовному делу. Автор акцентирует внимание на том, что процесс дифференциации не может протекать самостоятельно и поэтому затрагивает целый ряд уголовно-процессуальных институтов. Представляется недопустимым создание благоприятного режима для реализации положений отдельных процессуальных институтов под предлогом дифференциации. Анализ предложений, высказанных в юридической литературе позволил сделать вывод о том, что дифференциация уголовного судопроизводства должна отвечать интересам сторон и иметь границы, определенные реализацией назначения уголовного судопроизводства в целом.

Keywords: differentiation of criminal procedure, simplified criminal proceedings, pre-trial proceedings, criminal procedural form, pre-knowledge, a preliminary investigation, the scientific concept of differentiation.

The summary: The article discusses the current trends of differentiation of criminal proceedings, namely the simplification and complexity of procedures in criminal proceedings. The author emphasizes that the process of differentiation cannot proceed independently and therefore affects a number of criminal procedural institutions. It is unacceptable to create a favourable regime for the implementation of the provisions of individual procedural institutions under the pretext of differentiation. Analysis of the proposals made in the legal literature led to the conclusion that the differentiation of criminal proceedings should meet the interests of the parties and have boundaries defined by the implementation of the purpose of criminal proceedings in General.

Проводя анализ и определяя тенденции развития уголовно-процессуального права последних десятилетий, обращает на себя внимание предпринимаемые законодателем попытки в области урегулирования вопросов, связанных с дифференциацией уголовного судопроизводства.

Совершенно очевидно, что среди всего многообразия уголовно-процессуальных норм можно выделить некие общности и частности, правового регулирования, которые позволяют говорить об эффективности их применения. Здесь сразу следует определить вектор, определяющий необходимость рассмотрения вопросов, связанных с дифференциацией. В качестве такового следует безоговорочно признать повышение эффективности уголовного судопроизводства. Под эффективностью в данном контексте следует понимать возможность разрешения вопросов связанных с уста-

новлением обстоятельств, подлежащих доказыванию, лиц, совершивших преступление, привлечение их к ответственности, а в конечном итоге, и рассмотрением дела по существу с наименьшими затратами времени и использования человеческих ресурсов участников уголовного судопроизводства. На стремление к эффективности указывают практически все принципы, закрепленные в действующем уголовно-процессуальном законодательстве. Действительно, следует с одной стороны «пожалеть» правоприменителя, предоставив ему возможность решать стоящие перед ним уголовно-процессуальные задачи меньшими затратами, но с другой стороны нельзя «забывать» про процессуальные гарантии всех участников судопроизводства.

Осознание того, что разные категории уголовных дел, в зависимости от сложности, определяют совокупность уголовно-

процессуальных средств, направленных на их разрешение подвигло юридическую общественность затронуть тему о дифференциации уголовного судопроизводства¹.

Уголовно-процессуальному законодательству советского периода известны некие вариации упрощенных процедур, но они возникали для разрешения конкретных, скорее политических, чем уголовно-процессуальных задач и в силу этого не могли быть долговечными и стать постоянной частью уголовно-процессуального права. Речь идет об отправлении правосудия – вынесения приговоров – так называемыми «тройками» в 30-е годы XX в., а также упрощения процессуальных процедур во время Великой Отечественной войны в отношении дезертиров, и др. лиц, незамедлительное наказание которых было обусловлено потребностями военного времени.

Признав очевидным факт того, что производство по конкретным уголовным делам требует, в зависимости от их специфики, больших или меньших процессуальных ресурсов, в советский период была проведена некая дифференциация и предусмотрена протокольная форма досудебной подготовки материалов (Глава 34 УПК РСФСР)². Рассмотрение уголовных дел в судах проходило по единым правилам. С учетом уровня преступности, компетентности сотрудников органов предварительного расследования и судей такой процессуальный механизм был способен обеспечить необходимый уровень правопорядка.

В 1987 г. была принята Рекомендация № R (87) 18 Комитета Министров Совета Европы государствам-членам «Об упрощении уголовного правосудия»³ к которому советская уголовно-процессуальная наука отнеслась не только настороженно, но критически. Неприятие данной доктрины в то время кроется не столь в коммунистической идеологии, которой были «пропитаны» уголовно-процессуальные нормы, сколько в «попирании» упрощенным правосудием идеи установления истины по делу. Считалось, что рассмотреть уголовное дело по существу можно только установив истину, а упрощенное правосудие, во-первых, не позволит сделать это, а, во-вторых, нивелирует уголовно-процессуальные гарантии.

При разработке действующего УПК РФ, его авторы отнеслись в идеи дифференциации более лояльно, что нашло отражение в процедурах усложнения (производство в суде присяжных) и упрощения (производство у мирового судьи) судопроизводства. В дальнейшем

законодатель реализовал идеи, направленные на упрощение процессуального механизма (сокращенная форма дознания).

Не удивительно, что идеи дифференциации обсуждаются в юридической литературе и в настоящее время. Например, А.П. Кругликовым рассматривается проблематика соотношения дифференциации уголовного судопроизводства и уголовной ответственности⁴. Однако некоторые авторы склонны слишком «вольно» к ней относиться. Так, П.Г. Сычев считает, что в рамках уголовного судопроизводства может существовать некая специфика производства по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности⁵. В силу этой специфики предлагается наделить юридическое лицо статусом участника уголовного судопроизводства. Представляется, что главным признаком участника уголовного судопроизводства является возможность личного участия в деле, осознанного поведения и способность принятия решений направленных на защиту своих интересов, а существующий механизм представительства является вынужденным исключением из данного правила. При чем представителями признаются близкие люди, которые априори действуют в интересах представляемого лица. Юридическое лицо, как участник уголовного судопроизводства, не сможет действовать самостоятельно, а, значит, зависит от действий некоего физического лица - представителя, интересы которого могут быть не всегда прозрачными.

Совершенно очевидно, что все уголовно-процессуальные институты взаимосвязаны между собой и правильная их реализация служит гарантией качественной работы уголовно-процессуального механизма. Однако, попытка наделения уголовно-процессуальное право не свойственными категориями может нарушить существующий баланс. Поэтому предпринимаемая действия, направленные на изменения уголовно-процессуального законодательства главное не ошибиться при определении общего и частных в конкретной правовой категории. Следует исходить из давно уже установленных в познании и разработанных философией уяснении свойств и сути некоего явления или категории.

Имеет место ситуация, когда возникает риск «за деревьями не увидеть лес». Не стоит надеяться на то, что размывание неких давно установленных и проверенных практикой границ будет способствовать достижению задач уголовного судопроизводства. Скорее это приведет к большей запутанности и наделение

отечественного уголовного процесса чертами прецедентного права.

На основании вышеизложенного следует обратиться к идеи создания научной концепции дифференциации, предопределяющей векторы упрощения и усложнения уголовно-процессуальных форм.

¹ Гуляев А.П. Дифференциация уголовных деяний и уголовно-процессуальное право // Сов. гос-во и право. 1986. № 7. С. 86-90; Смирнов А.В. О дальнейшей дифференциации порядка производства по уголовным делам // Правоведение. 1986 № 1 С. 78-83.

² Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ Рекомендация № R (87) 18 Комитета Министров Совета Европы государствам-членам «Об упрощении уголовного правосудия» Принята Комитетом Министров 17 сентября 1987 года на 410-м заседании Представителей Министров [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Кругликов А.П. Дифференциация уголовного судопроизводства и уголовная ответственность //Legal Concept. 2017. Т. 16. № 3. С. 33-37.

⁵ Сычев П.Г. О пределах дифференциации уголовного судопроизводства по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности //Российская юстиция. 2017. № 6. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

СУДЕБНЫЙ КОНТРОЛЬ КАК ГАРАНТ ЗАЩИТЫ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ГРАЖДАН

Маркелова О. Н.,

доцент кафедры гражданского права и процесса

Краснодарского университета МВД России

Ключевые слова: судебный контроль, права человека, судебная власть, правоохранительная функция, конституционный контроль, правовой механизм.

Аннотация: содержание статьи посвящено вопросам защиты прав и законных интересов граждан. Обосновывается, что важнейшей ролью восстановления нарушенных прав и свобод граждан и возмещения им причиненного ущерба является судебная защита.

Keywords: judicial control, human rights, judicial power, law enforcement function, constitutional control, legal mechanism.

The summary: the content of the article is devoted to the protection of the rights and legitimate interests of citizens. It is proved that the most important role of restoration of the violated rights and freedoms of citizens and compensation to them of the caused damage is judicial protection.

Одним из основных и значимых направлений в настоящее время, в условиях динамичного развития общества и правового государства, является защита прав и законных интересов граждан. Эта необходимость соответствует не только внутренним интересам России, но и способствует также развитию международных отношений. Соответственно, конституционной обязанности государства защищать личность, её права и интересы корреспондирует право каждого человека на обращение в судебные органы. Данные органы со-

гласно предмета своего ведения распределяют обращения, рассматривают и разрешают правовые споры, то есть принимают все меры для защиты личности от посягательств. Ограничений на обращение граждан в органы правосудия не существует, не имеет значения социальная принадлежность, пол, национальность и другие особенности, которые характеризуют личность.

Таким образом, наиболее действенным средством защиты прав гражданина является судебная защита¹. Почему? Судебная власть

обладает следующими свойствами, которые отсутствуют у других ветвей власти и других органов:

1. только в суде ответчиком может выступать государство в лице конкретных органов;
2. рассмотрение дел в суде происходит на основе гласности;
3. судебные решения и приговоры должны незамедлительно исполняться всеми органами государства, общественными организациями и гражданами;
4. при отправлении правосудия суд независим от внешнего воздействия;
5. в некоторых случаях судебная защита является единственной возможностью восстановления права, либо удовлетворения законного интереса;
6. существует возможность обжалования решения нижестоящего суда.

Право на защиту в суде – это право лица, реализация которого зависит от его усмотрения, никто не может обязать гражданина осуществить его.

Таким образом, судебная защита является важнейшей составляющей защиты государством прав и свобод личности. Защита в суде является разновидностью государственной деятельности, обладающей властными полномочиями и осуществляется посредством специально созданных органов – судов. Полномочия данных органов, а также само право на защиту регламентировано Конституцией РФ, причём регламентация не ограничивается только одной статьёй.

Так, Конституция устанавливает самостоятельность судебной власти, относит суды к органам, которые осуществляют государственную власть, гарантирует обеспечение прав и свобод человека посредством осуществления правосудия². Основным документом также установлено равенство граждан перед судом, закреплены основополагающие принципы судопроизводства, организация судебной власти. Только у суда есть право своим судебным решением ограничить некоторые права и свободы (арест, заключение под стражу и т.д.). Также Конституция относит судебную власть к предмету ведения Российской Федерации.

К другим источникам права, регламентирующим право на судебную защиту, относят не только нормы внутреннего законодательства, но и нормы международного права, которые являются составной частью правовой системы России.

Международные договоры устанавливают право каждого человека на восстановление его прав, предусмотренных конституцией и законами в случае их нарушения, право на справедливое судебное разбирательство дела независимым и беспристрастным судом в разумные сроки, а также на эффективные средства правовой защиты. Суды должны действовать на основе закона. Данные права изложены в следующих основных документах: Всеобщая декларация прав человека 1948г., Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950г., Международный пакт о гражданских и политических правах 1966г..

Закон (Конституция РФ) в логической последовательности излагает статьи, посвящённые защите прав граждан. А теория права относит судебную защиту к правоохранительной функции государства. Однако влияние судебной власти, отграничение её от других органов государственной власти приводят к трансформации судебной защиты прав и свобод граждан в самостоятельную государственную функцию. Судебная власть безусловно является самым эффективным средством защиты прав и осуществляет следующие основные функции:

1. функция правосудия, согласно Конституции РФ судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства;

2. контрольно-надзорная функция, посредством которой осуществляется контроль за законностью действий (решений) органов исполнительной власти и их должностных лиц.

Таким образом понятие правосудия определяется как форма осуществления властных полномочий, присущих только судам, которая завершается принятием судебных решений, являющихся обязательными для исполнения всеми лицами, в отношении которых данные решения выносятся³.

Главными чертами судебной защиты являются её универсальность, неограниченность. Также исследователь Кашепов В.П. выделяет такую черту как всеобщность. Закреплённое законом, имеющим высшую юридическую силу, право на судебную защиту действует независимо от наличия процедуры его реализации.

Необходимо также отметить, что права, нарушаемые судом не исключаются из объектов судебной защиты. То есть право на судебную защиту предусматривает защиту интересов не только от произвола законодательной и исполнительной, но и судебной власти (защита от ошибочных решений суда).

Право на судебную защиту не подлежит ограничению. А одним из основных механизмов охраны свобод гражданина является судебный контроль. Судебный контроль является функцией судебной власти, которая заключается в проверке законности актов, действий/решений органов государственной власти и органов местного самоуправления, которая осуществляется в особом процессуальном порядке и закреплена в Конституции РФ.

Система судебного контроля сформировалась после принятия ФЗ «Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан» от 14 декабря 1995 г. № 197-ФЗ, который положил начало институту судебного контроля⁴. В данном ФЗ регламентировано право граждан на обращение в суд за защитой своих прав, а процесс осуществления этого права закреплён в следующих нормативных актах: Гражданский процессуальный кодекс, Арбитражный процессуальный кодекс, Уголовный процессуальный кодекс. Единично судебные органы в защите прав граждан действовать не могут. Они взаимодействуют с органами исполнительной власти в осуществлении судебного контроля. Основными направлениями судебного контроля являются следующие: конституционный контроль, контроль судов общей юрисдикции, контроль арбитражных судов. В деятельности конституционных судов наиболее чётко прослеживается функция судебного контроля. Конституционный суд по итогу рассмотрения дела может принимать решения, которые будут иметь общеобязательный характер и обладать нормативностью.

Таким образом, судебная защита прав и свобод человека и гражданина важнейший элемент государственной защиты, наиболее эффективное средство восстановления нарушенных прав. Установленное Конституцией РФ место судебной власти, обеспечивающее её самостоятельность и независимость, конституционные требования к судьям, демократические принципы судопроизводства, возможность получения квалифицированной юриди-

ческой помощи делают суд доступным для каждого человека органом правовой защиты личности, ее прав и законных интересов. Эффективная защита прав личности должна осуществляться посредством судебного контроля, обеспечивать действие этих прав. Существенным является то обстоятельство, что гражданин имеет право на обжалование любых действий, решений органов государственной власти, их должностных лиц, общественных объединений, а также органов местного самоуправления. Реальное обеспечение правовой защиты субъективных прав граждан, установленных в Конституции РФ (а ранее – в Декларации прав и свобод человека и гражданина) и в других законах, представляет собой важнейшую задачу современного правового государства. Необходимо добиваться максимальной эффективности правовой защиты нарушенных исполнительной властью (органами управления, их должностными лицами, государственными и муниципальными служащими) прав и свобод граждан; в подобных случаях важнейшую роль играет правовой механизм восстановления нарушенных прав и свобод граждан и возмещения им причиненного ущерба. Российское законодательство устанавливает различные социальные и правовые формы и способы восстановления нарушенных прав и свобод граждан.

¹ Эффективность юридических механизмов защиты прав человека: Политические, экономические, социально-психологические аспекты. Лукашева Е.А. // ГиП. 2014 № 16. С

² Теоретические основы правосудия.- Петрухин И.Л., М., 2015. С. 367.

³ О правозащитной функции судебной власти см.: Карпов Д.В. Проблемы конституционно-правового гарантирования правозащитной функции судебной власти в Российской Федерации: Автореф. Дисс., кюн. Н. Новгород, 2016.

⁴ Скитович В.В. Судебная власть как системное образование. С. 150., 2013.

К ВОПРОСУ О КОРЫСТНЫХ МОТИВАХ УБИЙСТВ, СОВЕРШЁННЫХ ПО НАЙМУ

Мураев П. П.,

*доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики института права
Волгоградского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент*

Василян А. А.,

*старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики
института права Волгоградского государственного университета*

Ключевые слова: убийства по найму, «заказные» убийства, правоохранительная, уголовно-правовая система, заказчик, исполнитель, корыстные.

Аннотация: убийства по найму или как их ещё называют «заказные», определяющей особенностью их является субъектный состав преступления. Заказчик и исполнитель преступления по возможности составляют минимальную совокупность соучастников, это одно из главных черт «механизма» таких убийств.

В связи с этим авторы статьи поставили **цель** определить современное состояние убийств по найму в классификации преступлений совершённых на территории Южно-Федерального округа и в России в целом, корыстная мотивация этих преступлений, роль правоохранительных органов в раскрытии и расследовании преступлений данного вида. **Результатом** работы стала авторская позиция по изучаемому вопросу, основанная на статистических данных, мнению научной среды, на ссылку практического опыта. **Выводы:** современное состояние сложившаяся в стране, позволяет сказать, что правоохранительная система в целом, её работа видна, но не на достаточном уровне. Правоохранительная система и уголовно-правовая, порой идут в разрез между собой, однако повышение эффективности их взаимодействия, использования отдельных направлений, требует дальнейшего развития в организационно-тактическом, управленческом и других направлениях.

Keywords: murders on hiring, "custom" murders, law-enforcement, criminal and legal system, the customer, the performer, mercenary

The summary: murders on hiring or as they are called still "custom", their defining feature is the subject corpus delicti. The customer and the performer of crime by an opportunity make the minimum set of accomplices, it is one of the main lines of "mechanism" of such murders.

In this regard authors of article set the object to determine the current state of murders by hiring in classification of the crimes committed in the territory of the Southern Federal district and in Russia in general, mercenary motivation of these crimes, a role of law enforcement agencies in disclosure and investigation of crimes of this look. The author's position on the studied question based on statistical data, to opinion of the scientific environment on the reference of practical experience became result of work. Conclusions: the current state developed in the country, allows to tell that law-enforcement system in general, its work is visible, but not nadostatochny level. Law-enforcement system and criminal and legal, sometimes there is to a section among themselves, however an increase in efficiency of their interaction, use of the separate directions, demands further development in organizational and tactical, administrative and other directions.

Сложившаяся неблагополучная криминальная ситуация в России не является исключением и для Южно-Федерального округа, где прежде всего сохранилось количество тяжких и особо тяжких преступлений, в том числе и убийств по найму.

Как известно преступность в том числе убийства из корыстных побуждений, убийств по найму, является вечным спутником суще-

ствования любого государства. Они последовательно видоизменяются вместе с развитием общества, которое их порождает.

Проблемы борьбы с организованными преступными структурами наносящими большой материальный и моральный ущерб государству и его гражданам, является в настоящее время весьма острой.

Из-за отсутствия достаточной информации о лицах и преступных группах специализирующихся на совершении наемных убийствах их количественном и качественном составе, планах и замыслах не достигается главная цель в борьбе с этим видом тягчайших преступлений.

В последние годы в структуре убийств отчетливо наметились две их разновидности, ставшие как бы закономерностью, с одной стороны, реальной защитой и созданию безопасности в жизни людей, с обратной стороны, системой организации для правоохранительных систем, их функционирования. Это тяжкие преступления, убийства совершенные из корыстных побуждений и совершенные по «заказу». Объяснять причины и тех, и других, можно по разному. Явно видно одно: проявляется неспособность всей правоохранительной системы, сделать её работу более эффективной, с данными видами преступлений, что возможно уже и привело к снижению социального престижа её в обществе.

Как правило убийства по найму характеризуется тем, что в основе их мотивов, как правило, лежит корысть (лицо стремится к получению материальной выгоды, причём не законной).

Пленум Верховного Суда РФ в постановлении №9, 2015года указывает, что пункт №9 в первую очередь охватывает лишение жизни потерпевшего, обусловленное стремлением виновного «присвоить» материальную выгоду для себя или других лиц, а также намерением избавиться от материальных затрат. «Заказное» убийство надлежит квалифицировать как убийство предписано получением исполнителем преступления материального или иного вознаграждения. Наниматель для совершения убийства за вознаграждение, пытавшийся подстрекать к его совершению или оказавшее определённое пособничество в совершении такого убийства, несёт ответственность по соответствующей части ст.33 и п. «з» ч.2 ст.105 УК РФ.

Для такого вида убийства, то есть из корыстных мотивах важно, чтобы эти мотивы могли бы возникнуть не после убийства, а до или в момент убийства и служили бы мотивированным фактом этого убийства. Если же преступник лишил жизни человека не из корысти, а после совершения преступления решил воспользоваться материальными ценностями убитого, то в таком случае будет квалификация, как совокупность преступлений, то есть бескорыстного убийства и кражи.

Не может быть квалифицировано как убийство, совершенное из корыстных побуждений, преступления, когда преступник убивает с намерениями возратить своё собственного имущества, находящегося у потерпевшего неправомерно, или в связи с неправомерным использованием предметов имущества потерпевшего, а также, когда мотивом преступления является месть за материальный ущерб, нанесенный преступнику потерпевшим. Убийство, совершенное во время грабежа, разбоя, также не квалифицируется как убийство из корыстных побуждений. В данном случае преступник не ставит цели присвоения чужого имущества, путем применения насилия, опасного для жизни или здоровья потерпевшего, а при совершении убийства, сопряженного с разбоем, это цель и есть.

Разновидность убийств, ответственность за которое предусмотрена п. «з» ч.2 ст.105 УК РФ, является убийство по найму. Убийство по найму, по смыслу его совершения, также предполагает определённый корыстный мотив: убийца лишает жизни потерпевшего за материальное вознаграждение. Если согласие на убийство даётся и совершается в виду других побуждений, то виновный несёт ответственность за убийство ч.1 ст.105 УК РФ.¹

Случаи убийства предусмотренные квалификацией по п. «з» ч.2 ст. 105 УК РФ, не соответствуют убийству совершённого в связи с неуплатой потерпевшим оговорённой суммы или в связи с тем, что потерпевший не отдаёт долг, в связи с чем данное преступление не подлежит квалификации по данной статье. В подобных ситуациях преступник понимает, что в результате совершения убийства должник не сможет вернуть его долги и то есть это убийство из мести, а не из корыстных побуждений.

Убийство из корыстных побуждений совершённое в процессе разбойного нападения, а равно сопряжённое с вымогательством или бандитизмом, относится к одной из разновидностей такого вида убийств.

Убийства, содержание, их форма, вид вины, при разбойном нападении может быть совершено и с прямым, так и с косвенным умыслом. Если преступники оставляют потерпевшего раздетого на морозе, потерпевший в результате этого погибает от переохлаждения. Возможно предположить, что преступники не хотели смерти потерпевшему, но могли и обязаны были понимать, что смерть может наступить и отнеслись к этому поступку халатно, безразлично.

Особое место в ряду «нетрадиционных» преступлений и в том числе убийства по найму, их сложность предупреждения и расследования, относят их на «лидирующее место» с точки зрения их общественной опасности. Данные виды преступлений, стали событием повлиявшим на многое направление в жизни нашей страны и не только. Известны и памятные убийства Владислава Листьева, Галины Старовойтовой, Дмитрия Холодова, Бориса Немцова и совсем недавно в братском нашему народу ДНР, политическое, «заказное» убийство Александра Захарченко, где в настоящее время работают в раскрытии данного преступления и наши правоохранные органы.

Убийство по найму, устранение физически конкурента, должника, кредитора стало первостепенным способом решения проблем. В наше время, вся правоохранительная система в стране в целом, всё больше сталкивается с проблемой роста количества корыстных убийств, «заказных» убийств, которые в настоящее время делаются как «норма» в сфере экономической деятельности, легальной, так и нелегальной. Речь идет о запугивании конкурентов, в решении таким способом различных проблем в бизнесе, политики и т.д.

Убийства по найму, их определяющей особенностью, всегда является состав участников преступления. Заказчик и кто непосредственно будет исполнять преступление, составляет по возможности минимальную совокупность соучастников преступления. При этом для квалификации по п. «з» ч.2 ст.105 УК РФ обязан быть корыстный мотив, хотя бы у одного из соучастников и достаточно этого было бы только у исполнителя, который будет заключаться в стремлении получить вознаграждение. Убийства по найму

не всегда совершаются из-за денег, могут быть и другие мотивы, то есть, обещание «заказчика» устроить исполнителя убийства на руководящую должность, продвижение по службе и т.д. Мотивация заказчика может быть разной, хотя как показывают жизнь и специальные познания, «заказные» убийства совершаются чаще всего на корыстных мотивах.

«Заказные» убийства или убийства по найму, у нас в стране совершаются не редко, а статистика расследованных дел, число их небольшое.

Приведённые в статье факты говорят о том, что убийства по найму имеют достаточно широкое распространение в России и в Южном Федеральном округе. О чём свидетельствуют статистические данные расследования таких видов преступлений.

¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации //Под общ. ред. Ю.И. Скуратова и В.М. Лебедева. - М.:НОРМА-ИНФРА- М,2001

². Марогулова И.Л. Некоторые вопросы квалификации убийства //Журнал российского права, № 2, февраль 2001

³.Гайбович М.В. Учебное пособие «Организационно тактические особенности раскрытия убийств, свершенных по найму. Специфика производства допроса и очных ставок при их расследование». Волгоград 2003

⁴. Мураев П.П. Автореферат «Оперативная разработка организованных преступных формирований, совершающие убийства по найму». Волгоград 2006

⁵. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации № 9, март 2015

О НЕОБХОДИМОСТИ РАСШИРЕНИЯ ГАРАНТИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ЛИЦ, ЗАПРАШИВАЕМЫХ К ВЫДАЧЕ ДЛЯ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

Насонов А. А.,

*старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики
Волгоградского государственного университета*

Ключевые слова: лицо, запрашиваемое к выдаче для уголовного преследования, несовершеннолетний, законный представитель, защита, иностранное государство, права, обязанности.

Аннотация: В статье говорится о необходимости расширения гарантий. Рассматриваются основные направления усиления процессуальных гарантий прав несовершеннолетних лиц, запрашиваемых к выдаче для уголовного преследования. Приводятся аргументы в пользу совершенствования существующего уголовно-процессуального законодательства. Обосновывается необходимость введения в главу 54 УПК РФ самостоятельной статьи, посвященной законному представителю несовершеннолетнего лица, запрашиваемого иностранным государством к выдаче.

Keywords: the person requested to delivery for criminal prosecution, the minor, lawful representative, protection, the foreign state, the rights, duties.

The summary: In article necessity of expansion of guarantees is proved. The basic directions of strengthening of remedial guarantees of the rights of the minor persons requested to delivery for criminal prosecution are offered. Arguments in favour of perfection of the existing criminally-remedial legislation are resulted. Including necessity of introduction for chapter 54 УПК the Russian Federation the independent article devoted to the lawful representative of the minor person, requested by the foreign state to delivery is proved.

Экстрадиционное производство может распространяться не только на совершеннолетних лиц, запрашиваемых к выдаче. Поскольку выдача иностранному государству несовершеннолетнего лица для уголовного преследования не исключается международными нормативно-правовыми актами и российским уголовно-процессуальным законодательством, то участником экстрадиционного производства могут быть и лица, не достигшие совершеннолетия. В первую очередь это следует из содержания п. 1 ст. 4 Типового договора о выдаче, согласно которому недостижение лицом совершеннолетия по закону запрашиваемого государства не является императивным основанием для отказа в выдаче. Что же касается УПК РФ, то он никоим образом не относит указанное обстоятельство к каким-либо основаниям, позволяющим отказать в выдаче.

Правда, авторы проекта Федерального закона № 67509-7 предлагают частично изменить смысл положения, содержащегося в п. 1 ст. 4 Типового договора о выдаче и допускающего отказ в выдаче в связи с ее несовместимостью по соображениям гуманности ввиду возраста, состояния здоровья и других личных обстоятельств этого лица. В указанном законопроекте к числу императивных оснований отказа в выдаче отнесено несовершеннолетие лица, в отношении которого поступил запрос о выдаче, с оговоркой о том, что выдача такого лица должна быть несовместимой с мерами защиты прав и интересов несовершеннолетних или перевоспитания (п. 10 ч. 1 проектной статьи 464), в то время как другие возрастные особенности и личные обстоятельства лица, о которых также говорится в п. 1 ст. 4 Типового договора о выдаче (преклонный возраст, состояние здоровья), включены в перечень факультативных оснований отказа в выдаче (п. 5 ч. 2 проектной статьи 464). Полагаем, что такой подход не отвечает критерию справедливости,

поскольку допускает неравенство между несовершеннолетними и лицами преклонного возраста там, где его не должно быть.

Впрочем, сделанный авторами законопроекта акцент на несовершеннолетие запрашиваемого к выдаче в определенной мере понятен. Практика выдачи несовершеннолетних для уголовного преследования в Российской Федерации минимизирована. В ходе изучения материалов о выдаче, судебных решений, вынесенных по жалобам запрашиваемых к выдаче и их защитников, нам не удалось выявить ни одного случая выдачи несовершеннолетних. Причины такого положения разные. Одной из них является отсутствие или, в крайнем случае, единичность обращений иностранных государств с запросом о выдаче несовершеннолетнего для уголовного преследования. И этот факт обоснован. Несмотря на то что преступность несовершеннолетних является распространенным явлением, она имеет достаточно высокую латентность¹. Кроме того, несовершеннолетние реже, чем взрослые, склонны скрываться от уголовного преследования за границей в силу отсутствия у них не только соответствующего опыта, но и необходимых средств, надлежащих знакомств и связей для этого. Вместе с тем возможность выдачи иностранному государству несовершеннолетних должна быть сохранена, но уголовно-процессуальные гарантии такой выдачи должны быть усилены.

Одним из способов усиления гарантий в механизме реализации права на защиту несовершеннолетнего лица, запрашиваемого к выдаче, является признание запрашиваемого к выдаче независимо от возраста участником уголовного судопроизводства и закрепление его прав и обязанностей в отдельной статье, входящей в главу 54 УПК РФ. Для этого на наш взгляд существует потребность в статье

460.1 «Запрашиваемый к выдаче» следующего содержания:

1. Запрашиваемый к выдаче вправе защищать свои права и законные интересы и иметь достаточное время для подготовки к защите.

2. Запрашиваемый к выдаче вправе:

1) знать об обстоятельствах, послуживших основаниями для процедуры выдачи в отношении него, задержания, применения к нему меры пресечения и получать копию протокола задержания, копию постановления о применении к нему меры пресечения;

2) знакомиться с запросом о выдаче или получать его копию;

3) получать копию решения о выдаче;

4) получать разъяснение своих прав на всех этапах выдачи, в которых он участвует;

5) уведомлять через орган дознания, осуществивший задержание, либо через прокурора, суд, применивших меру пресечения в виде заключения под стражу, членов семьи или близких родственников о месте своего содержания под стражей;

6) давать объяснения, либо отказываться от дачи объяснений;

7) возражать против своей выдачи иностранному государству;

8) представлять сведения, препятствующие его выдаче;

9) заявлять ходатайства и отводы;

10) объясняться на родном языке или языке, которым он владеет;

11) пользоваться помощью переводчика бесплатно;

12) при задержании или применении меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста обсуждать по телефону с родственниками и иными лицами вопрос о выборе защитника;

13) пользоваться помощью защитника или нескольких защитников с момента, предусмотренного пунктами 1, 2 части первой статьи 460.3 настоящего Кодекса, отказаться от защитника и защищать себя самостоятельно, менять защитника на другого защитника;

14) иметь свидания с защитником наедине и конфиденциально, без ограничения их числа и продолжительности;

15) знакомиться вместе с защитником со всеми представленными в суд материалами и выписывать из них любые сведения и в любом объеме;

16) снимать за свой счет копии с представленных в суд материалов, в том числе с помощью технических средств;

17) приносить жалобы на действия (бездействие) и решения должностных лиц, осуществляющих производство по выдаче, и принимать участие в их рассмотрении судом;

18) знакомиться с протоколом судебного заседания и подавать на него замечания;

19) обжаловать определения, постановления суда и получать копии обжалуемых решений;

20) отзывать поданную им либо его защитником жалобу;

21) защищаться иными средствами и способами, не запрещенными настоящим Кодексом.

3. Участие в процедуре выдачи защитника или законного представителя лица, запрашиваемого к выдаче, не служит основанием для ограничения какого-либо его права.

4. Запрашиваемый к выдаче обязан:

1) своевременно являться по вызовам компетентных органов и должностных лиц, задействованных в процедуре выдачи;

2) исполнять свои обязанности в связи с избранием в отношении него мер пресечения;

3) соблюдать установленный законом порядок производства уголовно-процессуальных действий, судебного заседания и не уклоняться от экстрадиционной проверки и передачи его иностранному государству.

5. При его неявке по вызову без уважительных причин он может быть подвергнут приводу.

Следующим направлением расширения процессуальных гарантий в механизме реализации права на защиту несовершеннолетнего лица, запрашиваемого к выдаче, является признание самостоятельным участником уголовного судопроизводства законного представителя несовершеннолетнего лица, запрашиваемого к выдаче, и наделение его соответствующими правами и обязанностями.

В связи с этим необходимо включить в УПК РФ статью 460.2 «Законный представитель несовершеннолетнего лица, запрашиваемого к выдаче» следующего содержания:

Статья 460.2. Законный представитель несовершеннолетнего лица, запрашиваемого иностранным государством к выдаче

1. Законный представитель несовершеннолетнего лица, запрашиваемого иностранным государством к выдаче, допущенный в этом качестве к участию в производстве о выдаче, имеет право:

1) знать об обстоятельствах, послуживших основанием для осуществления в отношении лица процедуры выдачи, задержания,

применения меры пресечения, включая сведения о его обвинении, подозрении компетентными органами и должностными лицами иностранного государства (иностранного государства), знакомиться с запросом о его выдаче и получать его копию;

2) знать о вызовах представляемого им лица в компетентные органы и к должностным лицам, задействованным в процедуре выдачи, и сопровождать его;

4) давать пояснения;

5) заявлять ходатайства;

6) пользоваться родным языком или услугами переводчика;

7) знакомиться с протоколом задержания представляемого им лица либо с постановлением о применении к нему меры пресечения, решением о выдаче иностранному государству представляемого им лица;

8) приносить жалобы на действия (бездействие) и решения компетентных органов и должностных лиц, задействованных в процедуре выдачи, включая суд. Участвовать в рассмотрении жалоб судом, в том числе жалоб на заключение его под стражу, продление срока содержания под стражей, а также обжаловать принятые по ним решения;

9) высказывать в судебном заседании мнения по вопросам, разрешаемым судом;

10) требовать внесения в протокол судебного заседания записей об обстоятельствах, которые, по его мнению, должны быть отмечены;

11) отзываться поданную им жалобу;

12) приглашать для представляемого им лица защитника.

2. Законный представитель несовершеннолетнего лица, запрашиваемого к выдаче, обязан:

1) представлять органу, осуществляющему процедуру выдачи, документы, подтверждающие его полномочия как законного представителя;

2) своевременно являться по вызовам компетентных органов и должностных лиц, задействованных в процедуре выдачи. При невозможности явки обязательно уведомить об этом указанных должностных лиц;

3) не совершать каких-либо действий против интересов представляемого им лица, в том числе не отказываться от имени представляемого им лица от защитника».

Расширение процессуальных гарантий в механизме реализации права на защиту несовершеннолетнего лица, запрашиваемого к выдаче, не может миновать и коррекция пункта 12 ст. 5 УПК РФ.

Такая коррекция предполагает расширение перечня участников, на стороне которых действует законный представитель, за счет несовершеннолетнего лица, запрашиваемого к выдаче. Учитывая мнение других авторов по вопросу совершенствования такого перечня, касающегося включения в него близких родственников лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера², можно предложить следующий вариант нормы, предусмотренной пунктом 12 ст. 5 УПК РФ: «законные представители – родители, усыновители, опекуны или попечители несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, частного обвинителя, гражданского истца, лица, запрашиваемого к выдаче, либо лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, представители учреждений и организаций, на попечении которых находится несовершеннолетний подозреваемый, обвиняемый, потерпевший, запрашиваемый к выдаче либо лицо, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, органы опеки и попечительства.

Говоря об изменениях в ст. 5 УПК РФ с учетом рассматриваемого контекста, важно иметь в виду, что статью 5 УПК РФ необходимо дополнить пунктом 20.1, раскрывающим термин «несовершеннолетний», как это предлагает сделать Е.В. Марковичева. Под несовершеннолетним, как верно отмечает С.П. Щерба, следует понимать любое лицо в возрасте до 18 лет³.

Указанные дополнения в УПК РФ должны проходить на фоне коррекции содержания и статьи 48 УПК РФ.

Реформирование содержания статьи 48 УПК РФ «Законные представители несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого» предполагает изменение ее названия и дополнения ее содержания.

Полагаем, что оптимальный вариант этой статьи должен содержать не только указание на возможность участия на стороне несовершеннолетних подозреваемого, обвиняемого, лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, запрашиваемого к выдаче лица, но и порядок допуска законного представителя для такого участия. Предлагаем следующую редакцию ст. 48 УПК РФ:

Статья 48. Законные представители несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, лица, запрашиваемого к выдаче, и лица,

в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера

1. По уголовным делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними, к обязательному участию в уголовном деле допускаются их законные представители в порядке, установленном статьями 426 и 428 настоящего Кодекса.

2. К обязательному участию в производстве о применении принудительных мер медицинского характера допускаются их законные представители в порядке, установленном статьей 437 настоящего Кодекса.

3. К обязательному участию на стороне несовершеннолетнего лица, в отношении которого применяется процедура выдачи, допускаются его законные представители в порядке, установленном статьями 460.2 настоящего Кодекса.

4. Законные представители несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого и лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, допускаются к участию в деле постановлением следователя, дознавателя, суда. Законный представитель несовершеннолетнего лица, запрашиваемого иностранным государством к выдаче, допускается к участию в деле постановлением прокурора.

Как видно, предлагаемый вариант статьи 48 УПК РФ не рассчитан на законных представителей потерпевшего, частного обвинителя, гражданского истца. Это связано с тем, что указанные законные представители перечисленных участников выполняют функцию обвинения, которая является противоположностью функции защиты, присущей подозреваемому, обвиняемому, лицу, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, и лицу, запрашиваемому иностранным государством к выдаче. А, как известно, участники с противоположными уголовно-процессуальными функциями размещены в разных главах раздела II УПК РФ «Участники уголовного судопроизводства». Следовательно, о законных представителях потерпевшего, частного обвинителя, гражданского истца речь должна идти в ст. 44.1 УПК РФ «Законные

представители несовершеннолетнего потерпевшего, частного обвинителя, гражданского истца». Предлагаем следующее ее содержание:

1. К обязательному участию в уголовном деле допускаются законные представители несовершеннолетних потерпевшего, частного обвинителя и гражданского истца в порядке, установленном статьями 45 и 191 настоящего Кодекса.

2. Законные представители несовершеннолетнего потерпевшего, частного обвинителя, гражданского истца допускаются к участию в деле постановлением следователя, дознавателя, суда.

Полагаем, что реализация предложенных мер будет способствовать позиционированию законного представителя несовершеннолетнего лица, запрашиваемого к выдаче, в качестве самостоятельного участника уголовного судопроизводства; более четкому закреплению за ним функции защиты; большей определенности в процессуальном статусе данного лица; предоставлению ему необходимого объема процессуальных возможностей для выполнения своего назначения в уголовном судопроизводстве; возложению на него оптимальных обязанностей, сбалансированных с его правами и вписывающихся в контекст выполнения указанным лицом роли участника уголовного судопроизводства. А главное, предлагаемые нововведения позволят превратить экстрадиционное производство в реально действующий инструмент защиты указанных лиц.

¹ См.: Дмитриева А.А. Механизмы обеспечения безопасности личности в уголовном судопроизводстве: монография / под науч. ред. д-ра юрид. наук., проф. А.Ю. Епихина. – М.: Юрлитинформ, 2017. – С. 160.

² См.: Насонова И.А. Теоретическая модель уголовно-процессуальной защиты: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2011. – С. 260–279.

³ См.: Щерба С.П. Право несовершеннолетнего подсудимого на конфиденциальное судебное разбирательство уголовного дела // «Черные дыры» в российском законодательстве. – 2004. – № 3. – С. 294.

ОЦЕНКА ДОПУСТИМОСТИ ИНЫХ ДОКУМЕНТОВ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ НАДЛЕЖАЩЕГО ПОРЯДКА ИХ ПОЛУЧЕНИЯ

Яновский А.С.,

доцент кафедры уголовного процесса юридического факультета

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Ключевые слова: иные документы, доказательство, документы, относимость доказательств, допустимость доказательств.

Аннотация: Соблюдения установленного законом порядка получения доказательств является безусловным требованием для последующего их признания допустимыми. Нарушение процессуальных норм влечёт за собой утрату возможности использовать полученные сведения для установления обстоятельств подлежащих доказыванию. Поскольку закон не регламентирует порядок получения таких доказательств, как иные документы, правоприменители сталкиваются с проблемой их оценки, что негативным образом сказывается на процессе уголовного судопроизводства.

Keywords: other documents, proof, documents, relevancy of proofs, admissibility of proofs

The summary: Observance of the order of obtaining proofs established by the law is the unconditional requirement for the subsequent their recognition admissible. Violation of the legal procedure involves loss of an opportunity to use the received data for establishment of circumstances of subjects to proof. As the law does not regulate an order of obtaining such proofs as other documents, law enforcement officials face a problem of their assessment that negatively affects process of criminal legal proceedings

В соответствии с ч. 1 ст. 75 УПК РФ доказательства, полученные с нарушением требований УПК РФ, являются недопустимыми, не имеют юридической силы, не могут быть положены в основу обвинения и использоваться для доказывания любого из обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ, т.е. для доказывания события преступления, виновности лица в совершении преступления и других обстоятельств.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в своем постановлении № 8 от 31.10.1995 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия»¹ разъяснил, что доказательства должны признаваться полученными с нарушением закона, если при их собирании и закреплении были нарушены гарантированные Конституцией Российской Федерации права человека и гражданина или установленный уголовно-процессуальным законодательством порядок их собирания и закрепления, а также если собирание и закрепление доказательств осуществлено ненадлежащим лицом или органом либо в результате

действий, не предусмотренных процессуальными нормами.

Статья 86 УПК РФ предусматривает право дознавателя, следователя, прокурора и суда на собирание доказательств в ходе уголовного судопроизводства, которое может быть реализовано путем производства следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных кодексом. В этой же статье зафиксированы полномочия защитника по собиранию доказательств путем получения предметов, документов и иных сведений, опроса лиц с их согласия, а также истребования справок, характеристик и иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций. Вместе с тем, законом не установлен надлежащий порядок получения доказательств, как прокурором, так и защитником.

Главы 24-27 УПК РФ предусматривают детальный порядок проведения осмотров, допросов, обысков, опознаний и других следственных действий, в то время, как такому виду доказательств, как иные документы посвящена лишь ст. 84 УПК РФ, в которой при этой ничего не сказано о порядке их получения.

Отдельные положения закона частично затрагивающие порядок получения иных документов содержатся в разрозненных нормах УПК РФ и иных нормативно-правовых актах, однако и они носят больше декларативный, нежели прикладной характер.

Закон не содержит в себе и перечня документов, которые можно отнести к категории иных документов. Как указано в ст. 84 УПК РФ, таковыми могут быть признаны любые документы, зафиксированные как в письменном, так и в ином виде, в том числе материалы фото- и киносъемки, аудио- и видеозаписи и иные носители информации, полученные, истребованные или представленные в порядке, установленном законом. Наряду с этим, ч. 1 ст. 74 УПК РФ называет доказательствами любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном УПК РФ, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

Но каков же порядок «получения, истребования или представления» документов о котором говорит ст. 84 УПК РФ ?

Очевидно, что если речь идет о деятельности следователя либо дознавателя, то в подавляющем большинстве случаев иные документы добываются в результате проведения следственных действий: обысков, выемок, различного рода осмотров. Как уже было сказано выше, порядок осуществления данных следственных действий регламентирован законодателем и не вызывает особых правовых дискуссий. Существенные затруднения, связанные с собиранием и закреплением доказательств, возникают в иных ситуациях.

Так, зачастую иными документами признаются результаты оперативно-розыскной деятельности, что в свою очередь влечет за собой обращение правоприменителя к ст. 89 УПК РФ, Федеральному закону от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»², а также Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд, утвержденной совместным приказом МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27.09.2013³. Часть 4 названной инструкции прямо предусматривает возможность использования в доказывании по уголовным делам результатов опера-

тивно-розыскной деятельности соответствующих предъявляемым УПК РФ требованиям. Одновременно с этим, Пленум Верховного Суда Российской Федерации в своем постановлении № 55 от 29 ноября 2016 года «О судебном приговоре»⁴ прямо указывает на то, что использование в качестве доказательств по уголовному делу результатов оперативно-розыскных мероприятий возможно только в том случае, когда такие мероприятия проведены для решения задач, указанных в статье 2 Федерального закона от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», при наличии оснований и с соблюдением условий, предусмотренных статьями 7 и 8 указанного Федерального закона, а полученные сведения представлены органам предварительного расследования и суду в установленном порядке и закреплены путем производства соответствующих следственных или судебных действий. Произведенные аудио- и видеозаписи, изъятые предметы и документы должны быть осмотрены и приобщены к делу; обнаруженные вещества – подвергнуты экспертным исследованиям; лица, участвовавшие в проведении оперативно-розыскных мероприятий, – при необходимости допрошены в качестве свидетелей. Таким образом, порядок получения указанного рода доказательств также предусматривает необходимость проведения следственного действия — осмотра предметов и документов. Однако осмотр предоставленных оперативными службами материалов не включает в себя проверку соблюдения порядка получения значимых сведений оперативным путем. У следователя и тем более дознавателя, отсутствуют полномочия по изучению дел оперативного учета в рамках которых производятся соответствующие мероприятия, носящие, как правило, негласный характер. Указанные обстоятельства зачастую приводят к полноценной оценке доказательств уже после производства расследования, при реализации прокурором своих полномочий, предусмотренных ст. 221 УПК РФ и признанию результатов оперативно-розыскной деятельности недопустимыми доказательствами уже непосредственно перед направлением уголовного дела в суд для рассмотрения, по существу.

Значительное число иных документов добывается следователями и дознавателями в рамках реализации таких процессуальных полномочий, как истребование документов и предметов путем направления запросов. Указанные правовые возможности закреплены, в частности ст. 144 УПК РФ, во второй части

которой указано, что полученные таким образом сведения могут быть использованы в качестве доказательств при условии соблюдения положений ст.ст. 75, 89 УПК РФ.

Зачастую, подобным путем реализуются требования п. 3 ч. 1 ст. 73 УПК РФ, обязывающего следователей и дознавателей при производстве по уголовному делу устанавливать обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого. Полученные посредством направления запросов характеристики, сведения о прежних судимостях либо отсутствии таковых, нахождении обвиняемых на учётах в психоневрологическом и наркологическом диспансерах, а также другие документы, как правило не подвергаются осмотру с составлением соответствующих протоколов, при этом используются в доказывании наряду с другими материалами дела.

Закон не определяет порядок, как направления следователями и дознавателями запросов, так и порядок предоставления ответов на них. Единственной нормой кодекса регламентирующей правовые отношения в этой области является ч. 4 ст. 21 УПК РФ, предусматривающей, что все требования, поручения и запросы следователя и дознавателя, предъявленные в пределах их полномочий, обязательны для исполнения всеми учреждениями, предприятиями, организациями, должностными лицами и гражданами.

Отсутствие в законе отдельной нормы, посвященной определению порядка формирования и реализации запросов нельзя признать рациональным. Регламентация указанной деятельности способствовала бы формированию единообразной правоприменительной практики и исключению возникающих противоречий относительно сроков рассмотрения запросов следователей и дознавателей.

Иные документы предоставляются органам расследования также и иными участниками процесса, а порой и лицами вовсе не вовлеченными в процесс уголовного преследования. Прокурором могут быть представлены материалы в рамках реализации полномочий, закрепленных п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, адвокатом направлено ходатайство о приобщении к материалам уголовного дела сведений, полученных в рамках ч. 3 ст. 86 УПК РФ, Центральным банком Российской Федерации, а также конкурсным управляющим (ликвидатором) финансовой организации переданы документы в соответствии с ч. 1.2 ст. 140 УПК РФ.

В науке существует дискуссия относительно того являются ли предоставленные указанными способами сведения доказательства-

ми либо становятся таковыми уже после их оценки следователем либо дознавателем. При этом большинство авторов склоняются к тому, что без осмотра представленных предметов и документов, сопоставления их с иными материалами дела и ответа на вопрос об их относимости, допустимости и достоверности, решение о признании их доказательствами принято быть не может.

В сложившихся условиях порядок получения иных документов указанным способом подразумевает под собой необходимость проведения закрепленного ст. 176 УПК РФ следственного действия — осмотра предметов и документов, а в случае поступления материалов от адвоката и необходимость рассмотрения ходатайства в порядке ст. 122 УПК РФ. Таким образом, адвокаты оказываются в зависимости от следователей и дознавателей положений и не имеют возможности в полной мере реализовывать предоставленные им законом полномочия, что исключает возможность признания стадии предварительного расследования уголовного дела состязательным процессом.

Подводя итог следует указать, что действующее законодательство возлагает на участников уголовного судопроизводства обязанность строго соблюдать правовые нормы, регламентирующие порядок получения доказательств и приобщения их к материалам дела. Любое отступление от этого порядка является безусловным основанием для последующего признания полученных доказательств недопустимыми.

Вместе с тем, законодатель не закрепил в УПК РФ детальной регламентации действий участников процесса, связанных с порядком собирания такого вида доказательств, как иные документы. Указанная неурегулированность дает широкие возможности для использования такого универсального доказательства, как иные документы, но в то же время создает трудности, связанные с неоднозначностью толкования правовых норм.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 1, 1996.

² Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // Собрание законодательства РФ, 14.08.1995, № 33, ст. 3349.

³ Приказ МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27.09.2013 «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-

розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд» // Российская газета, № 282, 13.12.2013.

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 55 «О судебном приговоре» // Российская газета, № 277, 07.12.2016.

РАБОТА ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ В СФЕРЕ НОРМОТВОРЧЕСТВА И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ЭФФЕКТИВНОЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ВСЕЙ СИСТЕМЫ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Котляр А. И.,

*старший юрисконсульт правового направления
Крымского линейного управления Министерства внутренних дел Российской Федерации,
адъюнкт кафедры уголовного процесса Краснодарского университета МВД России*

Ключевые слова: право, нормотворчество, норма права, МВД России, ДПД России, органы внутренних дел, правовая работа.

Аннотация: Одной из основных задач Министерства внутренних дел Российской Федерации является нормативно-правовое регулирование в сфере внутренних дел. В статье рассматриваются проводимые мероприятия по направлению нормотворчества, подразделения их осуществляющие, а также освещаются основные недостатки в данной работе и пути их разрешения.

Keywords: law, rulemaking, rule of law, the Ministry of Internal Affairs of Russia, the DPD of Russia, internal affairs bodies, legal work.

The summary: One of the main tasks of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation is the regulatory and legal regulation in the sphere of internal affairs. The article reviews the ongoing activities related to the direction of norm-setting, their departments implementing, and also highlights the main shortcomings in this work and ways to resolve them.

В настоящее время наблюдается повышенный интерес общественности к деятельности государственных и муниципальных органов. В связи с важностью возложенных задач, особое внимание уделяется работе правоохранительных органов. Для эффективного и четкого функционирования всей системы органов внутренних дел Российской Федерации в первую очередь необходима действенная нормативная база отвечающая потребностям времени.

Наставлением по организации правовой работы в системе МВД России, утвержденным приказом МВД России от 05 января 2007 года № 6, определены виды правовой работы¹. Перечень не зря начинается с нормотворческой деятельности, ведь без надлежащей правовой регламентации любая сфера общественных

отношений не может развиваться должным образом, в том числе непосредственно касающаяся масштабной компетенции правоохранительных органов.

Нормотворчество в органах внутренних дел Российской Федерации представляет собой деятельность уполномоченных подразделений по выявлению определенной сферы правоотношений требующей регламентации, самостоятельную или совместную разработку правовых актов, либо письменное отражении позиции по подготовленному документу иным органом государственной власти.

Нормотворчеству в сфере правоохранительных органов уделено немалое внимание со стороны ученых таких, как: В.В. Черников, Л.Л. Попов, В.О. Елеонский, Н.Н. Карташова, Ю.Г. Арзамасов, А.В. Урумов, О.В. Кулик,

Е.Е. Тонков, К.Е. Павлова, А.С. Терехина, Н.А. Бойко, И.В. Куртяк, Е.А. Малышев, М.А. Рыбаков, А.М. Егоров, Д.А. Кузнецов и другими.

Нормотворческая работа в МВД России проводится на трех уровнях: федеральном, региональном и международном. На федеральном уровне, при участии органов внутренних дел принимаются федеральные конституционные законы, акты Президента Российской Федерации и Правительства, издаются приказы МВД России, содержащие нормативные предписания. При участии территориальных органов правопорядка принимаются меры по совершенствованию регионального законодательства – издаются нормативно правовые акты органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и соглашения, а также касающиеся правового регулирования определенных направлений деятельности служб и подразделений непосредственно в конкретном звене органа. Для совершенствования правовых основ международного сотрудничества в сфере внутренних дел прорабатываются и заключаются международные договоры, меморандумы, соглашения, регламенты, протоколы.

По мнению Ю.Г. Арзамасова, иерархия видов нормотворческой деятельности обусловлена, прежде всего, компетенцией того или иного властного органа, его функциями и задачами, а также соподчиненностью, субординационными отношениями, возникающими между органами власти². Данный вывод характерен для нормотворчества осуществляемого подразделениями правового обеспечения МВД России в соответствии с предоставленным кругом полномочий.

В целом выработку и реализацию государственной политики в области совершенствования нормативно-правового регулирования сферы внутренних дел осуществляет Договорно-правовой департамент Министерства внутренних дел Российской Федерации, что совмещается с выполнением роли головного подразделения в области правовой работы³. ДПД МВД России является инициатором, разработчиком, соисполнителем федерального и ведомственного законодательства в установленной сфере, а также экспертом в части дачи разъяснений, отзывов и заключений, на проекты законодательных актов.

Так, при участии сотрудников указанного подразделения была сформирована законодательная база деятельности современных органов внутренних дел, принят ряд основополагающих федеральных законов, полностью пе-

реботаны ведомственные нормативные правовые акты⁴.

Наиболее яркими примерами эффективной нормотворческой работы Договорно-правового департамента Министерства внутренних дел Российской Федерации за последний период времени может служить разработанная нормативная база в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, а также в области миграционного законодательства. По данным направления деятельности МВД России были изданы соответствующие федеральные законы, ведомственные приказы, внесены поправки в Уголовный, Уголовно-процессуальный кодексы, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях.

В целом практическая реализация нормотворческой функции органов внутренних дел в настоящее время имеет положительную оценку со стороны ученых, экспертов и компетентной общественности.

Системный анализ нормотворчества МВД России, проведенный И.В. Куртяком и Е.А. Малышевым, обоснованно показал, что теоретическая значимость ведомственного нормотворчества МВД России, осуществляемого при помощи определенных функций управления, основывается на научных взглядах ученых-правоведов и является основным направлением деятельности органа⁵.

В.В. Уханкин указывает на такие достоинства нормотворческой деятельности органов внутренних дел, как оперативность, гибкость и меньшая формальность, компетентность соответствующих органов, увеличивающих эффективность принятого юридического решения⁶.

Однако, в нормотворческой деятельности МВД России имеется ряд недостатков. Так, как считает В.В. Черников, и с чем невозможно не согласиться, существует проблема громоздкости ведомственного нормативного материала в силу большого числа несистематизированных актов по одному и тому же предмету регулирования, наличие противоречивости и коллизионности, устарелость части норм⁷.

Внимание к систематизации ведомственных нормативных правовых актов также уделялось Ю.Г. Арзамасовым, который указывает, что она должна осуществляться по таким направлениям как кодификация на основе умелого применения правил, приемов и средств юридической техники, консолидации, издание официальных инкорпоративных сборников, помещение информации в справочно-

правовых системах⁸. В практической деятельности современные органы внутренних дел уже длительное время издают сборники нормативных актов по направлениям деятельности МВД России и касающиеся порядка прохождения службы, внедрена в деятельность и отлично функционирует специализированная территориально распределенная автоматизированная система «Юрист», которая включает в себя ведомственные нормативные правовые акты, актуальные решения судов, консультации по вопросам, международные договоры и соглашения, а также иную информацию правового характера.

Многие ученые, в том числе Е.Е. Тонков и К.Е. Павлова также отмечают, что для российского законодательства характерно отсутствие системности и противоречия между нормами различных законов, разрозненность и тематическая узость, недостаточная кодификация, количественная перегруженность⁹. И действительно, данные недостатки имеют место в силу объективных причин.

Постепенно МВД России принимает меры к систематизации нормативных предписаний, касающихся смежных вопросов. Так, хорошим примером может служить приказ МВД России от 01.02.2018 №50 «Об утверждении Порядка организации прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации», который объединил в себе ряд положений, таких как: отбор граждан на службу в органы внутренних дел, порядок оформления личного поручительства и прохождения стажировки, назначение на должности, приведение к Присяге сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации, разработку должностных регламентов, проведение аттестации, порядок применения мер поощрения и наложения дисциплинарных взысканий, организацию служебного времени, увольнение сотрудников, рассмотрение служебного спора и иные другие¹⁰. Ранее данные вопросы регулировало более двадцати самостоятельных приказов МВД России, что существенно затрудняло работу в данных направлениях, поиск и изучение необходимого в служебной деятельности материала.

Конечно, проводимая нормотворческая деятельность органов внутренних дел тесно связана с иными функциями подразделений правового обеспечения, а именно - правоприменением и судебной-исковой. Взаимодействие данных направлений работы позволяет достичь наибольшей эффективности в разработке и усовершенствовании ведомственного законодательства.

О.В. Кулик, проанализировав особенности правотворчества непосредственно в сфере прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации, пришел к выводу, что указанные правоотношения урегулированы детально, с учетом складывающейся практики. Деятельность МВД России по подготовке и изданию ведомственных приказов составляет предмет ведомственного правотворчества, которое находится в тесной связи с правоприменением¹¹.

В свою очередь, А.М. Егоров, на конкретных примерах отмечает влияние судебной практики на нормотворчество в органах внутренних дел, в том числе на отмену и переработку определенных положений, ликвидацию устаревших и противоречивых норм. Вклад вносится как судебными органами Российской Федерации, так и международными, в том числе Европейским судом по правам человека и гражданина¹².

Несмотря на имеющиеся недостатки в урегулировании должным образом определенных направлений деятельности органов внутренних дел Российской Федерации, имеющиеся пробелы и противоречия нормативных предписаний, намеченные и законодательно закрепленные мероприятия, обязательные для проведения сотрудниками подразделений правового обеспечения в повседневной служебной деятельности, позволяют эффективно справляться с объемной и непрекращающейся деятельностью в сфере нормотворчества.

¹ Приказ МВД России 05.01.2007 №6 «Об утверждении Наставления по организации правовой работы в системе МВД России» // Справочно-правовая система "Консультант Плюс" [Электронный ресурс] URL:http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_289909/ (дата обращения: 28.06.2018).

² Арзамасов Ю.Г. Природа юридической деятельности. // Ленинградский юридический журнал. 2007. № 3 (9). С. 33 - 52.

³ Приказ МВД России от 21.07.2011 N 865 (ред. от 03.11.2015) "Об утверждении Положения о Договорно-правовом департаменте Министерства внутренних дел Российской Федерации" // Справочно-правовая система "Консультант Плюс" [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_235547/ (дата обращения: 28.07.2018).

⁴ Макаров А.А. Правовое положение и организационное построение правовых подразделений (юридической службы МВД России). // Управление полицейской деятельностью. 2014. № 2. С. 134 - 154.

⁵ Куртяк И.В., Малышев Е.А. Значение функций нормотворчества МВД России: опыт системного анализа. // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 2 (48). С. 55 - 58.

⁶ Уханкин В.В. Нормотворческая деятельность органов внутренних дел как элемент конституционно-правового обеспечения государственной целостности Российской Федерации. // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. № 1 (27). С. 42 - 45.

⁷ Черников В.В. Нормотворческая функция МВД России. // Вестник Нижегородского университета им.Н.И. Лобачевского, 2016, № 5. С. 154 - 159.

⁸ Арзамасов Ю.Г. Ведомственное нормотворчество: современное состояние, проблемы модернизации. // Юридическая техника. 2012. № 6. С. 28 - 36.

⁹ Тонков Е.Е., К.Е. Павлова. Нормотворческая деятельность органов внутренних дел: понятие и сущность. // Научные ведомости. 2016. № 3 (224). Выпуск 35. С. 153 - 159.

¹⁰ Приказ МВД России от 01.02.2018 №50 «Об утверждении Порядка организации прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации» // Информационно-правовой портал «ГАРАНТ.РУ» [Электронный ресурс] URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71805114/#review/> (дата обращения: 09.09.2018).

¹¹ Кулик О.В. Значение правовой практики для правотворчества в сфере прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации. // Проблемы правоохранительной деятельности. 2017. № 3. С. 115 - 123.

¹² Егоров А.М. Использование судебных актов в нормотворческой деятельности органов внутренних дел. // Вестник академии экономической безопасности МВД России. 2010. № 11. С. 95 - 99.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ «СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ»

Титков А. В.,

*старший преподаватель кафедры уголовного процесса
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»*

Ключевые слова: судебная система, апелляционный суд; кассационный суд; реформа; участники уголовного судопроизводства, гарантии.

Аннотация: В статье рассматриваются проблемные вопросы судебной реформы, затрагивающие апелляционное и кассационное обжалование решений нижестоящих судов, ее значение для защиты прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства. Затронут вопрос расширения механизма обеспечения и соблюдения прав участников уголовного судопроизводства в апелляционной инстанции.

Keywords: judicial system, court of appeal; court of cassation; reform; participants of criminal proceedings, guarantees.

The summary: the article deals with the problematic issues of judicial reform affecting the appeal and cassation appeal of decisions of lower courts, its importance for the protection of the rights and legitimate interests of participants in criminal proceedings. The issue of expanding the mechanism of ensuring and observing the rights of participants in criminal proceedings in the appellate instance was raised.

Право на пересмотр приговора является необходимым элементом гарантии на осуществление справедливого правосудия.

Возможность пересмотра приговоров и постановлений суда первой инстанции гарантирует принятие по делу, в конечном счете, законного, обоснованного и справедливого судебного решения, предупреждает и исправляет допущенные судебные ошибки.

Как указывает М.Т. Морщакова, «государство обязано обеспечить каждому доступ к суду вышестоящей инстанции в целях защиты прав и свобод от их умаления судебной ошибкой. При этом, однако, законодатель свободен в выборе инстанций и процедур обжалования при условии соблюдения конституционного принципа равенства всех перед законом и судом (ст. 19 Конституции РФ) и других требований к справедливому правосудию»¹.

Одно из направлений по улучшению судебной системы коснулось судов общей юрисдикции. Был поставлен вопрос о создании системы апелляционных и кассационных судов, подробный план изменений был представлен в прошлом году. В настоящий момент проект изменений рассмотрен и внесены изменения в № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации»².

Эти вопросы уже давно обсуждались, так Н.А. Колоколов предлагал: «Для того чтобы заработала классическая схема: первая инстанция – апелляция – кассация, необходимо создать апелляционные и кассационные округа», однако «законодатель, проигнорировав опыт создания апелляционного звена в арбитражных судах, пристроил апелляционную инстанцию в уже существующих судебных учреждениях»³.

«Конечная цель реформы – создание той модели судебной системы, которая будет отвечать современным запросам гражданского общества, пользоваться доверием у этого общества и обеспечивать высочайший уровень правовой защищенности»⁴.

На текущий момент российские суды общей юрисдикции имеют двухзвенную структуру. К судам основного и среднего звена по первой инстанции буду относиться – мировые судьи, районные (городские) суды, суды субъекта РФ; по апелляционной инстанции – районные (городские) суды, суды субъекта РФ, пять апелляционных судов; по кассационной инстанции – девять кассационных судов. Высшим звеном останется Верховный суд РФ, сохранив за собой надзорную инстанцию.

Поправки от 29.07.2018 № 1-ФКЗ, установят единый кассационный порядок обжалования решений нижестоящих судов, что, в свою очередь, скажется и на оптимальности их деятельности по судебной защите конституционных прав, свобод и законных интересов граждан посредством судебной проверки правосудности судебных решений.

Вопросы защиты прав и интересов участников уголовного судопроизводства возникают и с принятием от 29 июля 2018 г. № 228-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»⁵, где вводится изменение в статью 259:

«в ходе каждого судебного заседания ведется протокол. В ходе судебного заседания судов первой и апелляционной инстанций составляется протокол в письменной форме и ведется протоколирование с использованием средств аудиозаписи (аудиопотоколирование)», учитывая все вышесказанное можно выделить ряд вопросов:

- удаленности и доступности апелляционных и кассационных судов, что скорее всего увеличит процессуальные издержки;

- возможности быстрого получения копий материалов дела, к примеру аудиопотокола, где срок будет ограничен тремя сутками;

- учитывая, что один Апелляционный суд включает в себя проверку решений нижестоящих судов (к примеру, Пятый апелляционный суд общей юрисдикции, включает в себя до двадцати одного суда субъекта РФ), что довольно существенно может сказаться на скорости(своевременности) судопроизводства.

Несомненно, все нововведения найдут свое отражение в практике, где будут высказаны все плюсы и минусы данной реформы.

¹ Пересмотр судебных актов в гражданском, арбитражном и уголовном судопроизводстве (аналитический обзор нормативно-правовых документов) / Под общ.ред. д.ю.н., профессора М.Т. Моршакковой. М. Юриспруденция. 2007. С. 7.

² Федеральный конституционный закон от 29.07.2018 N 1-ФКЗ "О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» и отдельные федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции» / «Собрание законодательства РФ», 30.07.2018, N 31, ст. 4811.

³ Колоколов Н.А. Глубокая модернизация «Советской» судебной системы // Российская юстиция. 2011. №4. С. 30.

⁴ URL.: <https://pravo.ru/news/200690/> (дата обращения 26.02.2018).

⁵ Федеральный закон от 29.07.2018 № 228-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 30.07.2018, N 31, ст. 4817.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО; АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБЕ

Добробаба М.Б.,

кандидат юридических наук, доцент,

*доцент кафедры административного и финансового права
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»*

Ключевые слова: информатизация общества, информационные технологии, государственная информационная система, гражданская служба, кадровая работа, кадровое обеспечение, конкурс на гражданскую службу, увольнение в связи с утратой доверия, дистанционное обучение.

Аннотация: Данная статья посвящена информатизации государственной гражданской службы. Автор анализирует информационные технологии, внедряемые в настоящее время в кадровую работу на государственной гражданской службе, выявляет преимущества их применения и проблемы, связанные с использованием информационных технологий на гражданской службе, предлагает меры, направленные на решение данных проблем.

Keywords: Informatization of society, information technologies, state information system, civil service, personnel work, staffing, competition for civil service, dismissal due to loss of trust, distance learning.

The summary: This article is devoted to the informatization of the state civil service. The author analyzes the information technologies currently being implemented in the personnel work in the civil service, identifies the advantages of their application and the problems associated with the use of information technologies in the civil service, proposes measures aimed at solving these problems.

Особенностью развития современного общества является интенсивная информатизация всех сфер его жизнедеятельности. Использование информационных технологий имеет огромное значение для повышения эффективности деятельности органов государственного управления, поэтому информатизация государственной гражданской службы представляет собой одну из приоритетных задач на современном этапе государственного строительства.

Вместе с тем, несмотря на высокие темпы развития информационных технологий в последнее десятилетие, Россия заметно отстаёт от промышленно развитых стран в уровне информатизации общества. Недостаточное развитие информационных технологий в России можно объяснить санкционным режимом западных стран, серьёзно ударившим по экономике России. Сложившаяся ситуация усугубляется несовершенством нормативно-правовой базы в сфере информатизации, низким уровнем подготовки кадров в области создания и

использования информационных технологий и множеством других факторов.

В то же время можно констатировать, что началось активное развитие нормативно-правовой базы в данной сфере, оказывающее прогрессивное воздействие на информатизацию государственного управления в целом и информатизацию государственной гражданской службы в частности.

Так, важным аспектом применения информационных технологий в государственном управлении является их внедрение в кадровую работу на государственной гражданской службе. В соответствии с Постановлением Правительства РФ от 3 марта 2017 г. № 256 (ред. от 05.03.2018)¹ на базе инфраструктуры федеральной государственной информационной системы «Федеральный портал государственной службы и управленческих кадров» создана федеральная государственная информационная система «Единая информационная система управления кадровым составом государственной гражданской службы Российской Федерации», за которой закреплён статус базовой

кадровой информационной системы на гражданской службе.

Интересно, что пилотная версия Портала была размещена в сети Интернет 1 апреля 2009 года, который за годы функционирования смог положительно позиционировать себя в качестве важного средства информационного обеспечения системы государственной службы Российской Федерации.

Приведём статистические данные о деятельности Портала по состоянию на 11 октября 2018 г.:

- всего посещений - 9 183 793;
- среднее количество посетителей за последнюю неделю - 124 455;
- количество граждан, разместивших анкету - 112 582².

По состоянию на 28 декабря 2017 года количество лиц, включенных в федеральный резерв управленческих кадров, составляет 1893 человек; количество лиц, включенных в резерв управленческих кадров субъектов Российской Федерации, составляет 8615 человек³.

Представленная статистическая информация, на наш взгляд, свидетельствует о востребованности и функциональности Портала в информационном обществе.

Решение проблемы внедрения информационных технологий повлекло за собой внесение изменений в государственно-служебное законодательство⁴. Так, Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации»⁵ был дополнен статьёй 44.1, предусматривающей в целях информационного обеспечения федеральной гражданской службы и оптимизации работы кадровых служб федеральных государственных органов использование федеральной государственной информационной системы в области государственной службы. В свою очередь порядок использования этой государственной информационной системы установлен Постановлением Правительства РФ от 5 марта 2018 г. № 227 приняло «О некоторых мерах по внедрению информационных технологий в кадровую работу на государственной гражданской службе Российской Федерации»⁶.

Следует отметить, что особенности использования федеральной государственной информационной системы в области государственной службы в отдельных федеральных государственных органах определяются Президентом Российской Федерации (ч. 2 ст. 44.1).

В целях информационного обеспечения гражданской службы субъектов РФ и оптимизации работы кадровых служб государственных органов субъектов РФ на основании принимаемых субъектами РФ нормативных правовых актов используется федеральная государственная информационная система в области государственной службы или создается государственная информационная система в области гражданской службы соответствующих субъектов РФ⁷, которая должна быть совместима с федеральной государственной информационной системой в области государственной службы и соответствовать унифицированным требованиям к объему и содержанию сведений о кадровом обеспечении государственных органов, подлежащих хранению, обработке и передаче в электронном виде. Указанные требования устанавливаются федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным Правительством Российской Федерации (ч. 3 ст. 44.1).

Таким образом, информация о кадровом обеспечении органов государственной власти субъектов Российской Федерации помимо официальных сайтов указанных органов также размещается в «Единой информационной системе управления кадровым составом государственной гражданской службы Российской Федерации» (www.gossluzhba.gov.ru)⁸.

В целях реализации Указа Президента РФ от 10 сентября 2017 г. № 419⁹, утверждены Правила представления в электронном виде документов для участия в конкурсах на замещение вакантной должности гражданской службы и включение в кадровый резерв федерального государственного органа, а также Правила автоматизированной проверки сведений, представленных кандидатами в электронном виде¹⁰.

Так, документы, направленные через единую систему в государственный орган для участия в конкурсе на замещение вакантной должности государственного служащего и включение в кадровый резерв федерального государственного органа, должны быть проверены в течение двух рабочих дней. Уполномоченное лицо, ответственное за прием документов, должно удостовериться о том, что они: адресованы государственному органу; доступны для прочтения; оформлены в соответствии с законодательством РФ, включая требования о наличии графической подписи, даты, оттиска печати, углового штампа.

Дата и время представления документов фиксируются системой автоматически (по

московскому времени) и учитываются при рассмотрении вопроса о соблюдении сроков подачи документов. Информирование о ходе конкурса (уведомление кандидатов о причинах отказа в участии, направление сообщения о дате, месте и времени проведения второго этапа конкурса, а также о результатах) происходит через единую систему. При этом информацию необходимо подписывать усиленной квалифицированной электронной подписью уполномоченного лица.

Для проверки сведений, которые подал кандидат, может быть направлен запрос в соответствующий государственный орган. Ответить на запрос должны в течение трех рабочих дней.

Несомненным достоинством нового порядка является то, что принятие решений, основанных на подаче документов на конкурс в электронном виде, будет способствовать:

- повышению прозрачности механизмов поступления на гражданскую службу;
- упрощению для граждан процедуры подготовки и представления документов для участия в конкурсах;
- оптимизации проведения конкурсных процедур кадровыми службами государственных органов.

Одной из проблем, на решение которой направлено внедрение информационных технологий является недопущение на государственную службу коррупционеров – лиц, к которым применено такое дисциплинарное взыскание как увольнение в связи с утратой доверия. Федеральными законами от 1 июля 2017 г. № 132-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части размещения в государственной информационной системе в области государственной службы сведений о применении взыскания в виде увольнения в связи с утратой доверия за совершение коррупционных правонарушений»¹¹ и от 28 декабря 2017 г. № 423-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части использования государственных информационных систем на государственной гражданской службе Российской Федерации»¹² внесены изменения в Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ (ред. от 03.08.2018) «О противодействии коррупции»¹³, которыми регулируются вопросы создания реестра лиц, уволенных в связи с утратой доверия.

Как представляется, смысл применения к государственным служащим такой названной дисциплинарной санкции в отличие от «про-

стого» увольнения, заключается в том, что уволенный в связи с утратой доверия служащий не должен (во всяком случае, в ближайшее после увольнения время) вновь приниматься на службу. Однако в связи с этим встал вопрос: каким образом потенциальный представитель нанимателя должен узнавать о том, что гражданин был уже ранее уволен с государственной службы в связи с утратой доверия?

В связи этим Федеральным законом от 1 июля 2017 г. № 132-ФЗ было предусмотрено, что сведения о применении к государственным и муниципальным служащим взыскания в виде увольнения в связи с утратой доверия за совершение коррупционного правонарушения должны включаться государственным или муниципальным органом, в котором этот служащий проходил службу, в реестр лиц, уволенных в связи с утратой доверия. Реестр лиц, уволенных в связи с утратой доверия, подлежит размещению в государственной информационной системе в области государственной службы в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Таким образом, информация о лицах, уволенных в связи с совершением определенных коррупционных правонарушений, становится публичной. При попытке уволенного гражданина вновь поступить на службу это может быть легко выяснено.

Порядок включения, исключения сведений из реестра и его размещения на официальном сайте федеральной государственной информационной системы в области государственной службы – Единой информационной системы управления кадровым составом государственной гражданской службы Российской Федерации определен Положением, утвержденным Постановлением Правительства РФ от 5 марта 2018 года № 228¹⁴, в соответствии с которым данные об уволенном должны появиться в реестре не позднее 23 рабочих дней с даты решения об увольнении работника или служащего:

- 10 рабочих дней есть у территориальных органов и подразделений федеральных госорганов, органов государственной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления, чтобы передать сведения в уполномоченный государственный орган (организацию);

- 10 рабочих дней дают уполномоченным госорганам и организациям для передачи сведений об уволенном в Аппарат Правительства РФ. Если сведения поступили из территориальных органов и подразделений федеральных госорганов, органов государственной вла-

сти субъектов РФ, органов местного самоуправления, то срок меньше - три рабочих дня;
- 10 рабочих дней есть у уполномоченного подразделения Аппарата, чтобы разместить информацию в реестре.

Запись в реестре будет храниться в течение 5 лет, за исключением случаев, когда работник (служащий) умрет или будет отменено решение об увольнении.

Реестр лиц, уволенных в связи с утратой доверия, размещается в открытом доступе на официальном сайте (<http://gossluzhba.gov.ru/reestr>). По данным на 20 октября 2018 г. в данном списке размещено 550 человек – бывших государственных и муниципальных служащих.

Следует отметить, что внедрение информационных технологий не позволяет гарантированно обеспечить недопущение на государственную службу лиц, к которым применено такое дисциплинарное взыскание как *увольнение в связи с утратой доверия*. Как справедливо отмечает С.Е. Чаннов, законодательство о большинстве видов государственной и муниципальной службе не предусматривает четкого и однозначного запрета на прием на службу лиц, уволенных в связи с утратой доверия¹⁵. Так, например, согласно п. 10 ч. 1 ст. 16 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» гражданин не может быть принят на гражданскую службу, а гражданский служащий не может находиться на гражданской службе в случае утраты представителем нанимателя доверия к гражданскому служащему в случаях несоблюдения ограничений и запретов, требований о предотвращении или об урегулировании конфликта интересов и неисполнения обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции настоящим Федеральным законом, Федеральным законом «О противодействии коррупции» и другими федеральными законами. Таким образом, в данном случае законодатель увязал утрату доверия с взаимоотношениям гражданского служащего с конкретным представителем нанимателя. В результате, как справедливо отмечает Р.С. Соколин, «проблема заключается в том, что, в отличие от уголовного наказания, которое влечет судимость, и административного наказания дисциплинарное взыскание отражается на статусе лица лишь до тех пор, пока оно состоит в служебных (трудовых) отношениях. Как только лицо увольняется с государственной службы, эти отношения прекращаются, утрата доверия перестает быть частью правового статуса лица»¹⁶.

Соответственно, при желании руководители государственных органов могут и в настоящее время принимать на службу совершивших коррупционные правонарушения лиц. Таким образом, в настоящее время реестр лиц, уволенных в связи с утратой доверия, носит чисто информационный характер. Однако и эта его функция, по сути, не так уж и значима – поскольку запись об основаниях увольнения вносится в трудовую книжку – в подавляющем большинстве случаев об увольнении кандидата на должность в связи с утратой доверия можно узнать из нее. Хотя, конечно, лицом, уволенным в связи с утратой доверия, могут быть предприняты меры по сокрытию информации об этом, например, путем «утраты» трудовой книжки (либо даже представления поддельной трудовой книжки). В таком случае, разумеется, использование информации, размещенной на портале государственной службы, будет для кадровых служб более удобным, чем выяснение оснований увольнения путем установления предыдущего места работы (службы) соискателя вакантной должности и направления туда запроса об основаниях увольнения¹⁷.

Представляется, что для решения проблемы недопуска на государственную службу лиц, к которым применено такое дисциплинарное взыскание как увольнение в связи с утратой доверия, необходимо внести изменение в законодательство, предусмотрев ограничение при поступлении на государственную службу таких лиц.

Ещё одной проблемой, требующей решения, является применение информационных технологий в подготовке государственных служащих. Кроме основного профессионального образования государственные гражданские служащие получают дополнительное профессиональное образование, которое включает профессиональную переподготовку и повышение квалификации¹⁸. В ходе выполнения государственного заказа происходит получение дополнительного профессионального образования государственных гражданских служащих за счет бюджетных ассигнований¹⁹.

В Федеральном законе «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (п. 1 ст. 62, п. 2 ч. 1 ст. 31) выделяется четыре основания для направления гражданского служащего на дополнительное профессиональное образование:

1) назначение гражданского служащего на иную должность гражданской службы в по-

рядке должностного роста на конкурсной основе;

2) включение гражданского служащего в кадровый резерв на конкурсной основе;

3) результаты аттестации гражданского служащего;

4) назначение гражданского служащего на иную должность гражданской службы в случае сокращения должностей гражданской службы или упразднения государственного органа.

Профессиональная переподготовка и повышение квалификации государственных гражданских служащих могут осуществляться с отрывом и без отрыва (вечерние группы) от служебной деятельности²⁰. Кроме того, допускается электронное обучение и применение дистанционных образовательных программ.

Дистанционное обучение – инновационная форма образования, которая сравнительно недавно стала распространяться в России. Учитывая недостаточность финансирования ввиду экономии бюджетных средств, а также то, что руководство, как правило, неохотно отпускает на обучение своих сотрудников ввиду больших объёмов работы и сокращения персонала, дистанционное обучение государственных гражданских служащих с использованием информационных технологий позволит сократить сроки обучения и обеспечить образовательный процесс людей без отрыва от служебной деятельности, кроме того, сэкономить бюджетные средства.

Несомненно, дистанционное обучение требует от гражданских служащих высокой степени самоорганизации и мотивации, однако, в условиях стремительного развития информационных технологий и информационной культуры общества именно дистанционное обучение должно стать приоритетным направлением развития системы обучения гражданских служащих, что позволит реализовать принцип непрерывности их обучения, закреплённый в законодательстве о гражданской службе²¹. Кроме того, без должного психолого-педагогического, методического и программно-технического обеспечения²² дистанционное образование государственных гражданских служащих будет малоэффективным.

Проведённый анализ использования информационных технологий, связанных с их внедрением в кадровую работу на государственной гражданской службе, показал, что их применение повышает прозрачность механизмов поступления на гражданскую службу, оптимизирует проведение конкурсных процедур,

способствует противодействию коррупции в системе государственной службы, позволяет экономить бюджетные средства. Вместе с тем, можно констатировать, что в настоящее время не обеспечен должный механизм использования информационных технологий на государственной гражданской службе, о чём свидетельствуют выявленные проблемы, требующие незамедлительного решения.

¹ Постановление Правительства РФ от 3 марта 2017 г. № 256 (ред. от 05.03.2018) «О федеральной государственной информационной системе «Единая информационная система управления кадровым составом государственной гражданской службы Российской Федерации» // СЗ РФ. 2017. № 11. Ст. 1573; 2018. № 12. Ст. 1677.

² Портал в цифрах // Портал госслужбы и управленческих кадров [Электронный ресурс]. URL: <https://gossluzhba.gov.ru/Page/Index/Portalvcifrah> (Дата обращения: 01.10.2018).

³ Резерв кадров // Портал госслужбы и управленческих кадров [Электронный ресурс]. URL: <https://gossluzhba.gov.ru/rezerv> (Дата обращения: 01.10.2018).

⁴ Федеральный закон от 28 декабря 2017 г. № 423-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части использования государственных информационных систем на государственной гражданской службе Российской Федерации» // СЗ РФ. 2018. № 1 (Часть I). Ст. 7.

⁵ Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ (ред. от 03.08.2018) «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // СЗ РФ. 2004. № 31. Ст. 3215; 2018. № 32 (ч. 1). Ст. 5100.

⁶ СЗ РФ. 2018. № 12. Ст. 1677.

⁷ См., например: Постановление Правительства Амурской области от 10 октября 2018 № 488 «О создании государственной информационной системы в области государственной гражданской службы Амурской области» [Электронный ресурс]. Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 16.10.2018 (Дата обращения: 20.10.2018); Постановление Губернатора Ставропольского края от 10 апреля 2018 г. № 118 (ред. от 11.05.2018) «О государственной информационной системе в области государственной гражданской службы Ставропольского края» [Электронный ресурс]. Официальный интернет-портал правовой информации Ставропольского края www.pravo.stavregion.ru, 11.04.2018 (Дата обращения: 23.09.2018) и др.

⁸ Распоряжение Правительства РФ от 29 декабря 2014 г. № 2769-р «Об утверждении Концеп-

ции региональной информатизации» // СЗ РФ. 2015. № 2. Ст. 544.

⁹ См.: Указ Президента РФ от 10 сентября 2017 г. № 419 «О внесении изменений в Положение о конкурсе на замещение вакантной должности государственной гражданской службы Российской Федерации, утвержденное Указом Президента Российской Федерации от 1 февраля 2005 г. № 112, и Положение о кадровом резерве федерального государственного органа, утвержденное Указом Президента Российской Федерации от 1 марта 2017 г. № 96 // СЗ РФ. 2017. № 37. Ст. 5506.

¹⁰ Постановление Правительства РФ от 5 марта 2018 г. № 227 «О некоторых мерах по внедрению информационных технологий в кадровую работу на государственной гражданской службе Российской Федерации» (вместе с «Правилами представления документов в электронном виде кандидатом для участия в конкурсах на замещение вакантной должности государственной гражданской службы Российской Федерации и включение в кадровый резерв федерального государственного органа», «Правилами автоматизированной проверки сведений, представленных в электронном виде кандидатом для участия в конкурсах на замещение вакантной должности государственной гражданской службы Российской Федерации и включение в кадровый резерв федерального государственного органа») // СЗ РФ. 2018. № 12. Ст. 1677.

¹¹ СЗ РФ. 2017. № 27. Ст. 3929.

¹² СЗ РФ. 2018. № 1 (Ч. I). Ст. 7.

¹³ СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228; 2018. № 24. Ст. 3400.

¹⁴ Постановление Правительства РФ от 5 марта 2018 г. № 228 «О реестре лиц, уволенных в связи с утратой доверия» (вместе с «Положением о реестре лиц, уволенных в связи с утратой доверия») // СЗ РФ. 2018. № 12. Ст. 1678.

¹⁵ Чаннов С.Е. Дисциплинарная и административная ответственность государственных и

муниципальных служащих: вопросы эффективности // Журнал российского права. 2018. № 2. С. 59-69.

¹⁶ Сорокин Р.С. Увольнение с государственной службы как мера противодействия коррупции: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2016. С. 107.

¹⁷ Чаннов С.Е. Использование государственных информационных систем в управлении государственной и муниципальной службой // Современные концепции административного права и процесса: материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Москва, РАНХиГС, 29 сентября 2017 г.) / отв. ред. О.В. Гречкина. Челябинск. 2017. С. 129.

¹⁸ См.: п. 1 ст. 62, п. 2 ч. 1 ст. 31 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации».

¹⁹ О дополнительном профессиональном образовании государственных гражданских служащих Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 28 декабря 2006 № 1474 (ред. от 08.03.2015) // СЗ РФ. 2007. № 1 (1 ч.). Ст. 203 (пп. а п. 2).

²⁰ Об утверждении государственных требований к профессиональной переподготовке и повышению квалификации государственных гражданских служащих Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 6 мая 2008 № 362 (ред. от 02.06.2016) // СЗ РФ. 2008. № 19. Ст. 2194 (п. 2, ч. 1).

²¹ См.: п. 2 ст. 62 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации».

²² Латышев В.Л.. Применение информационных технологий в подготовке государственных служащих [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-informatsionnyh-tehnologiy-v-podgotovke-gosudarstvennyh-sluzhaschih>

Содержание

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

<i>Жинкин С.А.</i> Об онтологических предпосылках эффективности права как социально-духовного регулятора	2
--	---

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

<i>Ильясова М.Т., Жагалов Р.Б.</i> Правовые основы ведения природных кадастров в республике Казахстан	6
---	---

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

<i>Даровских С.М., Даровских О.И.</i> Своевременность – как критерий эффективности уголовно-процессуальной деятельности	11
<i>Манова Н.С.</i> Поводы и пределы проведения прокурором проверок в досудебных стадиях уголовного судопроизводства	19
<i>Семенцов В.А.</i> О возможности участия адвоката в гласных и негласных оперативно-розыскных мероприятиях	24
<i>Ульянов В.Г.</i> Ходатайства участников уголовного процесса	28
<i>Долгов А.М.</i> О необходимости правовой регламентации электронного документооборота при расследовании уголовного дела	32
<i>Лагодин Е.И.</i> Проблемы обеспечения нотариальной тайны в уголовном судопроизводстве.....	35
<i>Мамедов Р.Я.</i> К вопросу о назначении и исполнении уголовного наказания в виде принудительных работ	38
<i>Маркелов С.В.</i> Опыт внедрения европейских инноваций в пенитенциарную систему России	42
<i>Бойченко О.И.</i> О специфике доказывания в стадии возбуждения уголовного дела	46
<i>Костенко Р.В.</i> Некоторые особенности оценки относимости и достоверности вещественных доказательств по уголовным делам	52
<i>Турилов Г.Г., Нуриев А.А.</i> Особенности организации мер государственной защиты в отношении экспертов	57
<i>Кабельков С.Н.</i> Разграничение основного и дополнительных векторов дифференциации уголовного судопроизводства	62
<i>Маркелова О.Н.</i> Судебный контроль как гарант защиты конституционных прав граждан.....	64
<i>Мураев П.П., Василян А.А.</i> Криминализация «сопутствующих» террористических преступлений в международных актах и УК РФ	67
<i>Насонов А.А.</i> О необходимости расширения гарантий несовершеннолетних лиц, запрашиваемых к выдаче для уголовного преследования	69
<i>Яновский А.С.</i> Оценка допустимости иных документов с точки зрения надлежащего порядка их получения	74
<i>Котляр А.И.</i> Работа подразделений правового обеспечения в сфере нормотворчества и ее влияние на эффективное функционирование всей системы органов внутренних дел Российской Федерации	77
<i>Титков А.В.</i> Актуальные вопросы «судебной реформы»	80

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО; АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

<i>Добробаба М.Б.</i> Проблемы использования информационных технологий на государственной гражданской службе	82
--	----